

БОРИС КРИГЕР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 7

ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ

Роман

© 2016 Boris Kriger

© 2016 Illustrations – Ira Golub

Редактор *Валентина Кизило*

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ. Эта книга сама скажет все, что ей суждено сказать. В ней почти нет вымысла, все основано на сверлящей и брезжащей в просветах букв правде. Она могла бы распасться на ворох газетных статей, суетных репортажей да пару душевных бесед о смысле того, что для многих из нас не имеет особого смысла, пока мы сами не взвалим на горб свой тяжелый занозистый крест и не отправимся с ним на плечах своей собственной дорогой скорби во внезапно разверзнувшуюся над головой кружевную воронку обманчивых созвездий. Эта книга о том, что наш свет по-прежнему взбалмошен и усердно жесток. О том, что любой человек может стать непосредственной жертвой своих же блужданий. О том, что чужак до сих пор представляет собой лишь мишень для капризных пощечин. И о том, что плоть наша, как и во все времена, является единственным заложником, через который нас стремятся склонить к несвободе, а мы торопливо уступаем, лишь бы быстрее отбыть свою временность, лишь бы уберечь свои кости от проливного дождя.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Не возводи жилища на мосту	7
Глава 2. О тех, кто в море	20
Глава 3. Пляжная история	29
Глава 4. Трогательная благотворительность	35
Глава 5. Бедная Генриетта	40
Глава 6. Язык до Киева доведет	51
Глава 7. Под сенью золотых пагод	62
Глава 8. Катастрофа	72
Глава 9. В шоке	82
Глава 10. В каждой избушке – свои погремушки	90
Глава 11. Зачем Джону Смиту проломили череп?	100
Глава 12. Никто не лишит тебя твоего моко	107
Глава 13. Правосудие прессы	112
Глава 14. Разножанровые спектакли	121
Глава 15. Сеня в стране чудес	131
<i>Глава 16. Адвокатские страсти</i>	143
Глава 17. Новозеландский Дрейфус	149
Глава 18. А судьи кто?	158
Глава 19. Узник Райской горы	163
Глава 20. Нормальное мужское вожделение	171
Глава 21. Пожиратель стейков	178
Глава 22. Оставим историю – историкам!	197
<i>Глава 23. Жизнь – это испытание, которое каждый должен выдержать достойно!</i>	210
<i>Глава 24. Что имеем – не храним, потерявши – плачем...</i>	224
Глава 25. Кровавые деньги	243
Глава 26. Занавески в маминой спальне	249
Глава 27. Все дороги ведут в Амстердам...	261

Глава 28. Пулю в лоб и две в живот	267
Глава 29. Мертвые не лгут	273
Глава 30. В поисках справедливости	278
Глава 31. Человеколюбие людоедов	286
Глава 32. Галка в клетке	297
Глава 33. Перевоспитание Бога	311
Эпилог	322
УЗНИК «РАЙСКОЙ ГОРЫ» . ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА	335
«ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ИНДУКЦИЯ. ЕЛЕНА ПРОКИНА	385
ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВОВ ПОВЕСТИ Б. КРИГЕРА «ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ОЛЬГА ИВАНОВА	394
У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА, ИЛИ ДУШЕВНЫЕ ТЕРЗАНИЯ НЕОКАФКИАНЦА СЕНЕЧКИ ВЕЧНОВА. АННА АЛИЕВА	408
КРИЗИС ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОБЩЕСТВА? АННА ЛАЙША	428
СЕНЕЧКА ВЕЧНОВ: НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. МАРИНА ПОЗДНЯКОВА	445

Пролог

Открыв эту книгу, вы словно пустили меня в преддверие вашей души, и, скользя нестойким взглядом по этим строкам, пока пребываете в шатком сомнение, решиться ли на долгий путь по волнам страниц, или лучше отложить этот странный роман с нетипичным названием и неведомым назначением...

Я не буду зазывать вас, как торговец с восточного рынка, хрипло выкрикивая прелести своего товара.

Эта книга сама скажет все, что ей суждено сказать.

В ней *почти* нет вымысла, все основано на сверлящей и брезжащей в просветах букв правде. Она могла бы распасться на ворох газетных статей, суетных репортажей да пару задушевных бесед о смысле того, что для многих из нас не имеет особого смысла, пока мы сами не взвалим на горб свой тяжелый занозистый крест и не отправимся с ним на плечах своей собственной дорогой скорби во внезапно разверзнувшуюся над головой кружевную воронку обманчивых созвездий.

Эта книга о том, что наш свет по-прежнему взбалмошен и усердно жесток.

О том, что любой человек может стать непосредственной жертвой своих же блужданий.

О том, что чужак до сих пор представляет собой лишь мишень для капризных пощечин.

И о том, что плоть наша, как и во все времена, является единственным заложником, через который нас стремятся склонить к несвободе, а мы торопливо уступаем, лишь бы быстрее отбыть свою временность, лишь бы уберечь свои кости от проливного дождя.

В этой книге нет места для слишком детальных исканий причин и последствий событий, которые стремительно разворачиваются в ней не столь по воле автора, сколь просто отражая кавалькаду метаний современного мира.

Вам не захочется быть на месте ни одного из моих героев. Они следуют, словно курьерские поезда, по предначертанным им расписаниям, в заранее предписанных направлениях.

И только Сенечка Вечнов отдувается за всех. За дикарей-людоедов, за политические интриги на другом конце света, за пиратские страсти, за нацистские стансы... а, главное, за свою наивную мечту о мирной жизни в уютной стране в кругу собственной семьи. Это ведь такая дерзкая и недопустимая мечта! Она подлежит самому строгому порицанию!

Наш Сенечка – не вольтеровский Кандид. Казалось бы, он вовсе не наивен, однако мир тоже не терял времени за последние столетия, и, разоружив нас, он еще более вооружил себя!

Но Сенечка единственный выходит из этой пучины счастливым, обретя себе свободу там,

где менее всего человек может считаться свободным, и найдя себе друга в том, в ком менее всего вероятно найти друга!

Глава 1. Не возводи жилища на мосту

Жизнь – это мост; ступайте по нему, но не возводите там жилища. На нашей земле нет ничего безопасного и надежного, так что тщетны все подобные поиски. Следует принять течение жизни, как она есть, как принимаем мы закон тяготения. Пользуясь этими простыми наставлениями буддизма, возможно хоть как-то попробовать уравновесить чаши весов счастья и невзгод.

Свой прыжок под купол южных небес Семен Вечнов совершал обдуманно – Новая Зеландия представлялась ему отличным выходом из нелепого положения, в котором он оказался со своей семьей. Приятели из Америки нередко говорили Вечнову, что проживать в Израиле в начале двухтысячных годов для человека с маломальскими амбициями и здоровой толикой ума было чем-то пошлым, передержанным... Вечнов с ними соглашался, но никак не решался на еще одну иммиграцию. Ведь после каждого подобного шага человек неизменно оставляет часть себя в той стране, где он прожил более или менее долгое время, и в конце концов оказывается, что по миру шатается пустая

оболочка, ибо всю свою исконную суть странник рассеивает по пути. «Из забывших меня можно составить город», – говаривал Иосиф Бродский. Из забывших Сеню, можно было составить целую вселенную.

Иммиграция – это смерть, это неминуемое исчезновение из той среды, в которую нас вытолкнуло неумолимой силой рождения. И там, откуда мы уехали навсегда, как прежде, облетают тополя, и в родном дворе звонко дрожат чьи-то голоса...

Это точно так же, как если бы вместо аэропорта замызанное жёлтое такси с чёрными кубиками на борту отвезло нас на погост, где мы обрели бы покой путем суетливого самопогребения, самоисчервления и саморазложения, столь необходимого в любом самоизгнании, которым, как ни крути, является иммиграция.

Вечнов был, увы, не вечен, и он это хорошо понимал. Строить множество жизней на бесконечной пасеке чужбин – судьба неблагодарная. Пчелы лет, жужжа и маневрируя, как истребители F16, будут жалить тем нещаднее, чем больше мы будем пытаться вероломничать в их чужепчелых ульях.

Вечнов был из той волны экс-советской иммиграции, которая в начале девяностых накатила на Израиль, натолкнувшись на три основных закона этой страны. Первый – ничему не удивляйся. Второй – если положение в Израиле плохо, то оно станет еще хуже. И,

наконец, третий, – рано или поздно тебя возьмут за задницу – либо за налоги, либо за то, за что и представить невозможно.

Вечнов, как и большинство из нас, панически боялся преждевременной смерти, тюрьмы и сумы, а посему с горечью начинал понимать, что если буддисты не рекомендуют строить дом на мосту жизни, то Израиль – это даже не мост, а перевернутая лодка, вокруг которой гордо плавают кандидаты в утопленники и делают вид, что проживают в нормальной стране.

Как и многие окружающие, Вечнов пытался приспособиться к этому государству, и временами казалось, что все налаживается, и иллюзия постоянства начинала витать в свежееотремонтированной квартире, но Израиль неизменно брал свое.

Видите ли, когда вы пытаетесь поселиться в стране, которая с самого своего зарождения использовалась всеми народами исключительно как мальчик для битья, – ждите беды.

«Видно, опять пришло время убивать евреев», – тяжело вздыхая, говорят евреи и прячутся по норам, а потом быстро и аккуратно смывают кровь с тротуаров, продолжая жить как ни в чем ни бывало.

К этому нельзя привыкнуть? Не нужно надувного пафоса. Реальность утверждает обратное. Смыл кровь с тротуара – и порядок. Какая разница, что за очертания принимают эти досадные пятна? С эстетической точки зрения

это совершенно безразлично. Какая разница, куда брели несмелые жертвы, чье дыхание было прервано очередным насмешливым взрывом, грубым, как правда о бренности кожи и костей, склизким, как сочетание криков ужаса и безумия? К этому привыкают, приглушая телевизор или просто зажмуривая глаза, ища великомудрые разъяснения, исходы и итоги, которых нет и не может быть, потому что убийство всегда останется убийством в его неприглядной, холодящей кровь правде. Но к убийствам привыкают, и они становятся чем-то вроде сводок о погоде... идущим от небес или из преисподней — во всяком случае, из запредельных областей, на которые нет и не может быть разумного влияния.

Вечнов обладал живым умом и умел относиться к жизни с лёгкой иронией. Нельзя сказать, чтобы он был действительно остроумен, но иногда его остроты подолгу бродили среди друзей, натываясь на их неповоротливые мозги и возвращаясь восвояси. «Не всякое яблоко красное — яблоко вкусное», — любил повторять Сеня бесконечное число раз, и друзья ломали голову, что же он имел в виду. Так нередко пущенная в ход шутка, покружив по устам знакомых, возвращается к вам, и вы уже не знаете, то ли это ваше жалкое творение обогатило смысловую среду вашего окружения, то ли опять вы похитили чью-то мысль и, присвоив себе, послали гулять по свету, а к вам

вернулся с укором ее разочаровавшийся в вас прототип.

Подчас только горькая ирония помогает нам преодолеть холод неприветливого танцзала, по которому мы кружимся в обнимку с нашими планетами, заботливо выбирая траектории своих орбит, как можно дальше друг от друга, чтобы, не дай бог, не столкнуться, не нарушить извечное табу взаимоотношений между небесными телами. Табу, которое гласит, что близость опасна, а прикосновение подчас смертельно, как укусы несмышленого змея, как шипы слепого ядовитого растения, именуемого «внезапная страсть», излишняя и потому досадная.

Без иронии мы не были бы высшими существами низших сфер. «Я прикалываюсь – следовательно, я существую», – вот что следовало бы сказать Декарту, ибо мышление ведет, скорее, в направлении небытия, а смех, вырываясь из недр нашего до гулкости опорожненного подсознания, пенится на губах ненасытных пиволюбов, шипит и искрится на солнечных золоченых ручках ослепленных дверей. Вы знаете, что такое слепые двери? Это отверстия глаз, погруженных в самосозерцание и пропускающих мимо радость красок текущего бытия. Ирония – вот единственное средство излечения от этой самопогруженной слепоты. «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним...» А есть ли у нас в запасе пара остроумий развеселить Всевышнего, который просто обязан обладать вселенским чувством юмора? Если вы в этом сомневаетесь,

посмотрите на Сеню Вечнова, и вы согласитесь, что Господь был в игривом настроении, когда его сотворял, отложив папироску и мня глину неустанными божьими перстами с тонкими черточками на границах фаланг, с точно такими же черточками, как и у вас, ибо мы Его создали по образу и подобию своему только для того, чтобы нам было на кого уповать. Бог, оглядевшись, поспешил создать нас, ибо и Ему не на кого более уповать. Вы никогда не задумывались, что мы нужны Богу настолько же, насколько Он нужен нам? Вы спросите, как такое возможно? О, в отношениях с Богом нет ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего. Дорога к Богу напоминает лестницу в картине Макса Эрнста, где одно измерение плавно перетекает в другое. Так что мы можем вполне положиться на плечистое взаимосозидание, которое имеет место между нами и Богом, и насколько Бог создал Сеню, Сеня, в свою очередь, создавал Бога, и наоборот – и так без конца.

Так или иначе, в результате этого взаимного сотворения Сеня вышел невысокого роста, подвижный, всегда коротко постриженный, с чрезвычайно выразительным лицом, которое, казалось, постоянно гримасничало. Слегка оттопыренные уши дополняли образ иронического, почти комического персонажа, хотя, когда он был спокоен и задумчив, лицо его приобретало определенную мужественность и даже благородство черт.

Прибыв в Иерусалим в начале девяностых, Сеня устроился в крупную иерусалимскую больницу медбратом. Работа для трезвомыслящего человека, не правда ли? Увы, на стыке эпох случаются и не такие казусы. Дело в том, что в доживавшем свое последнее десятилетие Советском Союзе было принято, чтобы еврейские мальчики поступали в медицинские училища. Никто, конечно, не предполагал, что их любимые, умные сыновья будут подносить страждущим судна и по ночам заворачивать в простыни трупы (основное занятие медбратьев и медсестер в Израиле). Во-первых, в России дело обстояло несколько иначе: самую грязную работу выполняли все же не медсестры, а санитарки (с каким рвением они этой работой занимались, другой вопрос, речь сейчас не об этом), и при этом от них никто не требовал улыбок до ушей... Во-вторых, сделавшись медбратом, еврейский мальчик мог рассчитывать на облегченное (так называемое льготное) поступление в медицинский институт, – а еврею стать врачом так же необходимо, как почтовому голубю вернуться под кров домашней голубятни.

Но зачирикали сиплые воробьи перестройки, Советский Союз стремительно покатился в тартарары, и внушительная толпа еврейских мальчиков, так никогда и не овладевших достойной еврейской профессией, оказалась в роли подносителей ночных горшков.

Израиль привычно наживался на этом человеческом капитале, заменяя в роли умывателей старых задов поднадоевших, плохо говорящих на иврите и совершенно безыдейных филиппинок на просветленных еврейских мальчиков, которым сам Бог велел идти в университеты, становиться врачами, двигать вперед науку и приносить резонную пользу обществу и своим семьям. Однако в Израиле путь в медицину был для иммигрантов надежно закрыт супервысоким баллом экзамена под

названием «психотест», и истории чудесного посвящения в рыцари врачебного искусства случались чрезвычайно редко. Если такое все же случалось, счастливыми оказывались весьма своеобразно подвинутые умом, а-ля вундеркинды, потому что обладатели оценки в 700 баллов и выше обычно люди не совсем нормальные, если не сказать хуже. Право же, что-то не то проверяет этот психотест, или не так, или, по крайней мере, не рассчитан он на русскую логику мышления — если вообще рассчитан хоть на какую-то здравую логику...

Вокруг Сени каждый по-своему пытался избавиться от сомнительной перспективы всю жизнь выносить чужие испражнения. Его старый приятель Миша Резвенький, например, вернулся в Санкт-Петербург, и там, уже в качестве иностранца, частным образом поступил на медицинский факультет. Кир Грозилкин, продолжая служить медсестринской музе верой и правдой, долго морочил всем голову, что завершает обучение на психолога в Южной Африке... Жора Мудолаев, по прозвищу Жора Афинский, вообще, казалось бы, выбился в люди: бросил жену Лину, в девичестве Спросонок, с двумя детьми, весьма профессионально скрывался от алиментов и разворовал бизнес близкого приятеля, тем самым заложив основу собственного бизнеса. Но так или иначе все они при первой же возможности возвращались к связующему их круг привычному ремеслу медбрата, ибо оно

позволяло хоть как-то заработать без особого напряжения мозговой извилины.

Изя Бабайский, долговязый веселый паренек с косой, томимый надеждами на большую любовь, оставленную в Москве, женился на Мире Стрелкиной, после чего заматерел и сник, и последующее десятилетие они вдвоем тянули медсестринскую лямку, периодически глубинно переругиваясь. Самым ярким впечатлением его жизни остался тот факт, что после ночного дежурства он заснул в общественном бассейне и чуть было не утонул.

Один лишь Бенья Косолапский выбился из общей картины, неожиданно для всех открыв курсы медсестер, по стране загремела реклама «Медсестрам – курсы Косолапского», но через несколько лет он куда-то запропастился, сначала слиняв в Швецию, а потом в Канаду, уже насовсем, причем в Израиле не обошлось без скандалов и неприятных разборок по его поводу. Он каким-то образом перешел дорогу «русской» партии. Дело дошло даже до разбирательства в одной из комиссий Кнессета, и Сеня Вечнов подумал тогда, что не хотел бы оказаться на месте Бени, особенно если бы тот по неосторожности остался в Израиле...

Сеня Вечнов на фоне своих товарищей всегда выделялся. Еще в Москве он вел на Арбате свои собственные делишки, о которых не любил вспоминать, и когда однажды встретился со старым дружкой в больнице – спрятался за занавеску, потому что подумал, что это за ним...

На счастье, дружок подумал то же самое и тоже попытался спрятаться...

У Сени всегда водились деньжата. В общежитии, предоставляемом больницей, чтобы покрепче привязать к себе своих батраков в белых одеждах, он отхватил комнату с балконом, обставил ее со всем вкусом, на который был способен его талант обживания пространств, приволок какой-то ковер и создал вполне приличное гнездышко для встреч со своими возлюбленными, которые были разнообразны, как осенние листья, и столь же непостоянны, как осенняя погода. Как-то он даже привел к себе марокканку-полицейскую, чем неопишимо поразил всех жителей общажной коммуналки.

Сеня одним из первых купил по иммигрантской скидке новый автомобиль – ослепительно белый «форд-эскорт», и, завороченный, лавировал на нем по ночному Иерусалиму, вздыхая: «Эх, такую бы тачку мне в Москве...»

Мало-помалу Сене удалось бросить медсестринский труд, он завел дела с Украиной.

Дело ширилось. Через Сеню стали проходить крупные суммы, договора с заводами. Он открыл офис в Иерусалиме, нанял помощников. В самой Украине он даже занялся сельским хозяйством, и, несмотря на то, что работники воровали по-страшному, надежды на успех были серьезными. Сеня даже строил квартиру в Праге и собирался отправлять туда семью в периоды, когда в Израиле становилось особо опасно.

Но весь этот успех казался Сене недостаточным, потому что на задворках его сознания копошилась неудобная мыслишка, что, по совести говоря, проживать с семьей в Израиле может только человек не совсем нормальный... с этими взрывающимися автобусами и налетами налоговой инспекции того и жди, что настанут темные деньки. Израиль – страна, постоянно живущая на грани смерти, и потому она не считается со своими жителями, может их ограбить в одночасье, подставить под пули или вытащить за руки и за ноги из синагог и даже из собственных домов, в которых люди прожили по три десятка лет. А ведь это преступления против собственного народа! Но, увы, так эти случаи никто не квалифицирует...

Новая Зеландия пришла Сене на ум неожиданно: маленькая развитая страна на другом конце земного шара сулила счастливую и богатую жизнь. Просто надо было съездить на разведку, ну и, разумеется, подготовить материальную базу...

«Все едут в Америку, многие в Канаду. Почему бы мне не отправиться в Новую Зеландию?» – рассудил Вечнов, а у него между словом и делом по редкой божественной непредусмотрительности лежало наиничтожнейшее пространство, в которое не умещались излишние сомнения и раздумья.

Глава 2. О тех, кто в море

Море – это не только: чайки! чайки! Это еще и гибельная пучина, и огромные пространства, где не действуют ничьи законы, где по-прежнему царит даже не первобытное, а некое перво-вселенское право взаимопожирания. Мы пьем водичку из пластиковой бутылки, а матерые просторы вод спят и видят, как бы нас поглотить – не из некоего садистического призвания, а просто в силу установленной физикой плотности воды, которая то позволяет нам плавать по ее шелковистой поверхности, то поглощает нас своими душными темными потрохами.

Водобоязнь – это не только симптом бешенства! Это нормальное состояние любой сколько-нибудь заинтересованной в своем спасении души!

Что же заставляет людей так настойчиво пускаться в рискованные морские авантюры? И сейчас, как и прежде, их нестерпимо манят чужие берега...

Рыболовецкое суденышко швыряло в разные стороны так, словно оно попало в гигантскую стиральную машину. Вихри пены иногда полностью оспаривали факт существования этого плавучего островка земной жизни в пучине водной сумятицы. Как попало это судно с портом приписки в Маниле в бурный океан у берегов

Новой Зеландии, за тысячи километров от Филиппин?

Уже восемь месяцев судно с командой из одиннадцати рыбаков числилось пропавшим без вести. Полиция сообщила об инциденте лишь спустя несколько дней, когда вертолеты обнаружили в море небольшую шлюпку с двумя изможденными людьми. Двум рыбакам, несмотря на полученные ранения, почти удалось доплыть до побережья острова Холо, где они были подобраны вертолетом и немедленно госпитализированы. Они и стали основным источником информации о пиратском нападении, которое произошло недалеко от этого южного филиппинского острова. По словам спасённых, нападавших было четверо или пятеро, они были вооружены и, предположительно, могли принадлежать к террористической исламистской группировке «Абу-Яфай».

...Трюм дерзко захваченного рыболовецкого суденышка был забит людьми, как сельдями, а в носовом отделе трюма, за массивной металлической решеткой, покоились мешки с белым порошком.

Живой товар, как, впрочем, и героин, ждали коллеги филиппинских пиратов в Новой Зеландии, куда те исправно поставляли рабочую силу и наркотик, получивший свое название якобы благодаря тому, что делал употребляющих его героями криминальных хроник. А если серьезно, еще в 1898 году великий немецкий фармацевт Генрих Дрезер, тот самый, что открыл

аспирин, познакомил с этим соединением мир, сообщив, что оно в десять раз сильнее морфина. Поскольку новое соединение было столь мощным, его восприняли как новое лекарство с «героическими» возможностями и назвали героином.

Судно было повреждено во время налета и починено спустя рукава на одном из островов архипелага.

Из пиратов за товаром следили пять человек во главе с Онелем Сарау, по кличке Каматаян, что на тагалог, одном из филиппинских диалектов, означает «смерть».

Это был крепкий филиппинец в возрасте Христа, однако явно с противоположными наклонностями, которые выдавали его карие глаза с характерным разрезом и не менее характерным неподвижным, словно бы остолбеневшим взглядом. Нос проистекал из лба внезапно, чуть ниже уровня глаз, что делало его профиль похожим на неприятную птицу. Сходство с приплюснутым клювом подчеркивал острый кончик носа. Нижняя губа была слишком толста и немного отвисала, хотя само лицо имело форму правильного овала со слегка выступающими скулами. Это неправда, что все филиппинцы на одно лицо. Увидев этого человека, никто, даже конченый профан в восточной антропологии, никогда не забыл бы его. Это был один из ликов смерти.

Каматаян был фанатичным исламистом и делал свою работу не наживы ради. Практически все доходы от грубого мастерства он отдавал своей организации «Абу-Яфай», которая готовила теракты по всему региону и уже выходила на мировой уровень.

Каматаян с гордостью носил особую татуировку на своем округлом мускулистом плече, изображавшую орла, несущего в клюве знамя пророка и держащего в когтях полумесяц. На груди орла красовался человеческий череп. Это была эмблема группировки «Абу-Яфай».

Каматаян был настолько успешен в своих авантюрах, что считался одним из первых людей в организации, которому во всем помогает Всевышний.

Однако сегодня удача явно отворачивалась от капитана Каматаяна. Он, стоя в рубке, мозолистыми руками с аккуратно обкусанными ногтями пытался держать скользкий от влаги штурвал. Капитан начинал понимать, что эту бурю, доставшуюся ему по воле судеб, судно может не пережить.

Онель был довольно опытным в морских вопросах, потому что с младых ногтей пиратствовал с отцом, которого поймали во время его редкого пребывания в Маниле и после непродолжительного суда казнили.

Каматаян так никогда и не смирился с казнью отца и всю жизнь мстил всем и вся без разбора. Каждый раз, стреляя в человека, он видел в нем

палача отца, и терпкая волна наслаждения разливалась по всему его телу.

До новозеландского берега оставалась, может быть, всего какая-нибудь сотня миль, но корабль давно шел без всякого определенного направления, потому что Каматаян пытался поворачивать судно таким образом, чтобы его не перевернуло огромными волнами.

Нос корабля то бросало в пучину, так что тяжелые брызги разлетались, словно битое стекло, а то вздымало вверх, буквально ставя палубу на дыбы! При такой качке никто не мог удержаться на ногах, не держась за поручни.

Вдруг из трюма донеслись хриплые крики. Каматаян передал штурвал своему напарнику, схватил автомат и, держась за поручни, стал пробираться туда. В трюме внезапно открылась течь; видимо, разошлась сделанная наспех клепка, и вода быстро прибывала. Онель мгновенно сообразил, что судно потеряно. Он позвал пару помощников и велел им заставить людей из трюма перетаскивать героин в две спасательные шлюпки.

Потом он с трудом, постоянно опрокидываемый качкой, вернулся на мостик. Его напарник с бледным лицом крепко цеплялся за штурвал.

– Все бесполезно, – заорал Каматаян, наклонившись к самому уху напарника, потому что иначе ничего нельзя было слышать, – эта посудина будет на дне через двадцать минут.

Спасем сколько сможем мешков, а людей запрем в трюме.

Напарник от неожиданности чуть не выпустил из рук штурвал и испугано посмотрел на совершенно мокрое лицо Каматаяна.

– Я подам радиосигнал! – крикнул он.

– Не смей! – пригрозил ему Каматаян автоматом. – Ты что, хочешь, чтобы нас с товаром выловили корабли береговой охраны? Людей в трюме – на дно, товар – в шлюпки! Попытаемся добраться до берега.

Напарник закивал, поглядывая на дуло автомата. Каматаян на всякий случай добрался до рации и разбил ее несколькими ударами попавшегося под руку пожарного топорика. Напарнику, который, по-прежнему вцепившись в штурвал, наблюдал за этим актом безумия, нестерпимо хотелось выстрелить Каматаяну в спину, но он боялся отпустить руки от штурвала, впрочем, держать который теперь, после того как корабль начал тонуть, было почти бессмысленно, потому что судно практически потеряло управление. Тем более, пока напарник соображал, что Каматаян задумал, тот уже нанес первый удар топориком, и убивать его не было смысла, потому что рация все равно уже была в неисправном состоянии.

– Глуши мотор! – заорал Каматаян, разделавшись с рацией. Напарник послушно заглушил мотор. Вода в трюме почему-то стала прибывать еще быстрее.

Тем временем двое других пиратов, держа на мушке людей из трюма, заставляли их перетаскивать мешки в шлюпки.

Те, подчиняясь, проклинали автоматчиков, но таскали мешки исправно. Видно было, что в трюме был крепкий народ, привыкший к тяжелой работе. Они отправились искать счастливой жизни в Новой Зеландии, и каждый заплатил пиратам не меньше тысячи долларов за то, чтоб те доставили их к цели путешествия, но теперь многие начинали понимать, что никуда, кроме как на корм рыбам, их не доставят.

Каматаян с автоматом бросился к одной из шлюпок, опасаясь, что люди, грузящие в нее мешки, могут в суматохе попробовать спустить ее на воду. Как раз в тот момент, когда он, держась за снасти, добрался до шлюпки, двое рабочих действительно пытались ее отвязать. Каматаян немедленно полоснул автоматной очередью, и эти двое исчезли за бортом.

Выстрелов на судне услышать не могли, потому что шум от бури стоял такой, что даже взрыв ящика с динамитом вряд ли был бы услышан. Судно наполнялось водой быстрее, чем шлюпки наполнялись мешками. Каматаяну нужно было принимать решение. Остаться на тонущем судне было опасно. Его посадка и так уже была совсем низкой, и корабль вот-вот могло захлестнуть через верх и затопить через открытые в трюм люки, по которым все еще поднимали мешки.

Каматаян приказал спускать шлюпки, и, дождавшись, когда на палубе оказалось меньше всего рабочих, неожиданно стал полосовать их автоматными очередями. Остальные рабочие

спрятались в уже почти наполненный водой трюм. Каматаян подал жест своему напарнику садиться с пиратами во вторую шлюпку. Сам он сел в первую шлюпку, куда уже набилось несколько человек, в которых он по счастливой случайности не попал. Каматаян не препятствовал им, потому что хотел иметь несколько человек на веслах.

Шлюпки отчалили от борта судна. Их швыряло с такой силой, что Каматаян опасался, что их вот-вот разобьет в щепки. Когда отплыли на несколько метров, он заметил, что на палубе появились те, кому удалось выбраться из практически затопленного трюма. Каматаян понимал, что при такой качке стрелять бесполезно, и приказал гребцам, чтобы они гребли поскорее от тонущего корабля.

Люди с палубы стали прыгать в воду и пытались плыть кто к одной, кто к другой шлюпке. Пираты угрюмо наблюдали за пловцами, дожидаясь, пока те приблизятся достаточно близко, чтобы стрелять наверняка. Хотя гребцы и старались изо всех сил, их усилия были малоэффективными, ибо в хаотичном движении волн между шлюпками и кораблем было невозможно выдерживать какое-либо направление.

Вдруг корабль начал скрываться в волнах, и от этого часть людей и вторую шлюпку накрыло огромным валом.

Шлюпку Каматаяна тоже почти перевернуло, но гребцам, расставившим весла в стороны, каким-

то чудом удалось остаться на плаву. В стене дождя уже ничего нельзя было разглядеть. На поверхности воды появилось несколько голов, и они стали отчаянно приближаться к борту шлюпки. Каматаян открыл огонь. Некоторым все же удавалось доплыть до борта, и тогда гребцы били их веслами.

Минут через десять все было кончено. В шлюпке Каматаяна осталось шесть человек на веслах и он на корме. Пытающихся спастись больше не было.

Глава 3. пляжная история

Шлюпку с потерпевшими кораблекрушение филиппинцами болтало еще несколько часов. Иногда казалось, что все усилия гребцов напрасны, и ее все-таки перевернет очередная волна. Но ветер понемногу стал стихать, и волнение на море постепенно стало спадать. Между тем рассвело, и гребцы в изнеможении повалились на дно шлюпки.

Каматаян не смыкал глаз. Он по-прежнему сидел на корме с автоматом в руках. Было ясно, что стоит ему закрыть глаза, как его огреют веслом и выбросят за борт. Пират, чтобы не уснуть, стал напряженно думать, что делать дальше. Во все стороны простирался океан, и нужно было выбирать направление. Пресной воды в шлюпке

не было, еды тоже. Все свободное пространство между гребцами занимали мешки с героином.

Каматаян решил, что если ориентироваться по солнцу, можно поддерживать направление на юго-восток. Припоминая последнее местоположение судна перед бурей, он был почти уверен, что если идти на веслах в этом направлении, то они неминуемо наткнутся на тот или другой остров Новой Зеландии. Капитан рассудил: не могло же их настолько отнести, чтобы они проскочили огромные острова. Тем более течение и легкий ветер подгоняли лодку в том же направлении.

Каматаян понимал, что сотню миль преодолеть на веслах без воды, питья, а для него и без сна, было утопией, но он не хотел об этом думать. Он рисовал в своем воображении, как на юго-востоке появится тонкая полоска суши, и они высадутся на достаточно пустынный берег, которыми так изобилует Новая Зеландия с населением небольшого столичного города и территорией, сопоставимой с Великобританией. Там он заставит рабочих помочь перетаскать свои мешки с продуктом в укромное место, а потом избавится от свидетелей, затопит шлюпку и доберется до своего контакта в Веллингтоне. Потом они вместе вернутся и заберут товар.

Гребцы, похоже, догадывались о планах Каматаяна и только ждали момента, чтобы его уничтожить.

На вторые сутки Каматаян не выдержал и на мгновение сомкнул глаза. Когда он их открыл, то с ужасом увидел над собой занесенное весло. Каматаян спустил курок, на котором все время держал затекший палец, и замахнувшийся веслом упал за борт.

– Выловите труп! – закричал Каматаян гребцам, угрожая автоматом. – Через пару дней все мы сдохнем от голода и жажды, а в этом борове не меньше пяти литров крови!

Но гребцы замешкались, и тело исчезло в глубине.

Каматаян, разразившись проклятиями, пересадил одного из гребцов на корму, чтобы тот правил рулем, придерживаясь курса на юго-восток, а сам пересел на нос. Теперь ему не было видно лиц оставшихся гребцов, но и те тоже не могли за ним следить. Он направил автомат на их спины и отчетливо сказал:

– Учтите, что я знаю ваши семьи. Если мы доберемся до берега и вы меня заложите, мои люди выпустят кишки всем вашим близким, родным и знакомым до седьмой воды... А потом уже позаботятся прикончить и вас. И мне плевать, кто из вас окажется стукачом, – убьем всех.

Гребцы отвечали угрюмым молчанием.

К концу вторых суток весла уже почти не поднимались в руках измученных людей. Они периодически менялись местами с рулевым, таким образом немного отдыхая. Каматаян, хотя

и не греб, тоже был полностью измотан и мучительно страдал от жажды. Он всерьез начинал подумывать застрелить одного из гребцов и пить его кровь. Он когда-то слышал от отца, что пираты в подобных ситуациях именно так и поступали.

Каматаян решил, что выстрелит в упор в затылок одному из гребцов так, чтобы тот не упал за борт.

Он уже собирался воплотить свой план, как рулевой бешено замахал руками и закричал:

– Земля!

Каматаян не поверил, решив, что гребцы задумали напасть на него, пока он обернется посмотреть на землю... Он приказал гребцам развернуть лодку кормой в направлении, куда показывал кормчий, чтоб рассмотреть горизонт, ни на минуту не отворачивая головы от гребцов. За кормой действительно появилась тонкая полоска земли.

– Гребите, придурки, что уставились? – заорал Каматаян и затряс автоматом. Шлюпка из последних сил заскользила по спокойному морю в направлении земли. Каматаян не мог хорошенько разглядеть приближающегося берега и заметно нервничал. Береговая полоса была видна только рулевому и часто оборачивающимся гребцам. Вдруг рулевой закричал и замахал руками, и гребцы тоже побросали весла.

– Что такое? завопил Каматаян. – Всех застрелю!

Но гребцы не обращали на него внимания и продолжали орать во весь голос и махать руками.

Каматаян порывисто обернулся и пришел в ужас. Шлюпка находилась на довольно близком расстоянии от пляжа, на котором было полно людей, а к ним быстро приближались две спасательные лодки.

Гребцы немного успокоились и обратили свои взоры на Каматаяна, который вскочил на ноги и направил на них свой автомат. Он понимал, что стрелять в такой близости от берега уже поздно – выстрелы услышат, а трупы выловят. По идее, пора было выбрасывать автомат за борт, но он боялся, что попутчики разорвут его на куски, невзирая на свидетелей. Ведь если бы его убили, пока они еще были в море, то никакой угрозы ни им, ни их семьям не было бы, ведь Каматаяну никак не удалось бы передать своим друзьям, что к чему... Гребцы, похоже, понимали это, как и то, что Каматаян уже стрелять не решится. Они вдруг стали прыгать за борт и плыть в направлении спасательных лодок.

– А ну стоять! – заорал Каматаян.

Но его больше не слушали.

Каматаян остался в шлюпке один. Вдруг его взгляд упал на тюки с героином. Он осторожно переполз на корму и стал сбрасывать мешки за борт, предварительно взрезая их ножом. Приближающимся лодкам не были видны его действия, поскольку он старался выбрасывать героин с борта, противоположного направлению

приближения спасателей. Кроме того, внимание спасателей в моторках было приковано к людям за бортом. С огромным трудом избавясь от героина, Каматаян сам прыгнул в воду. Автомат по-прежнему висел у него на шее и стал чувствительно тянуть под воду. С автоматом Каматаян расстался в последнюю очередь...

Минут через двадцать все филиппинцы, включая Каматаяна, были на берегу. Отдыхающие помогали обессилевшим потерпевшим кораблекрушение напиться из бутылочек с минеральной водой, протягивали им шоколадки и печенье. Филиппинцы в изнеможении лежали на песке и с трудом шевелили конечностями.

Первыми появились корреспонденты и начали фотографировать стройных симпатичных девушек в тоненьких веревочнообразных купальниках, кротко присевших на корточки и поящих несчастных водой. На следующий день эти трогательные и вместе с тем небезынтересные, особенно мужскому населению планеты, кадры облетели мир, вызывая искреннее сострадание, разве что с легкой примесью сладострастия.

Почти сразу после появления журналистов на пляж приехали амбулансы и полиция. Из семидесяти восьми человек, отправившихся с Каматаяном, до Новой Зеландии добралось только шестеро, включая его самого.

Глава 4. Трогательная благотворительность

В небольшом кафе в одном из торговых центров пригорода Окленда сидели два человека. Их резко выделяло из массы новозеландцев, в основном ирландско-арийского типа, то, что оба имели восточный вид, черные волосы и темные глаза, а также были одеты совершенно не по погоде. Несмотря на январь месяц – один из самых жарких в Новой Зеландии, эти люди были одеты в черные костюмы из плотной ткани. На незнакомцев часто оборачивались прохожие, поскольку те сидели в открытой части кафе, за столиками, стоящими снаружи. Тот факт, что они привлекают повышенное внимание, людям в черном явно не нравился, и они старались втягивать шеи и вести себя как можно тише.

Когда официантка принесла счет за две чашки кофе, до ее ушей донеслись звуки непонятного восточного языка, менее гортанного, чем арабский, но все же явно не европейского. Эти двое говорили на иврите.

– Мы понапрасну светимся здесь у всех на виду. За два часа я не видел ни одного инвалида. Слушай, Ицик, нужно менять тактику. Центр и так уже вне себя. Может, попробовать через лечебные учреждения поискать того, кто нам нужен?

– Коби, не говори глупости. Ты что, не знаешь, как они тут помешаны на медицинской тайне? Полезем в больницы – засветимся еще скорее.

– Постой, Ицик, вот, смотри, там, кажется, кого-то везут в инвалидном кресле.

В кафе действительно вошла филиппинка, толкающая перед собой инвалидное кресло с скрюченным в нем человеком.

– Кажется, повезло, вроде бы в самый раз – инвалид что надо, вот бы оказался идиотом, – прошептал Ицик и стал незаметно наблюдать за филиппинкой с инвалидом.

По поведению женщины и инвалида было видно, что несчастный не мог говорить, ему с трудом удавалось глотать сок, который купила ему ухаживающая за ним филиппинка. Ей приходилось держать стакан у самых его губ, и инвалид с напряжением отхлебывал холодную желтоватую жидкость.

– Похоже, то, что надо, – возбужденно зашептал Коби. – И возраст в самый раз. Пойдем, подождем снаружи и попробуем проследить их до дома.

Двое израильтян в черных костюмах расплатились за кофе и поспешно вышли, стараясь оставаться незамеченными. Филиппинка была слишком увлечена процессом поения своего подопечного, а инвалид и не мог ничего заметить, потому что давно уже находился как бы в ином измерении...

Ицик и Коби дождались, пока женщина выкатила кресло с инвалидом из кафе и проследили ее до дома, который находился в нескольких кварталах от торгового центра.

Когда дверь дома закрылась, Ицик сказал:

– Давай сегодня к ним не лезть. Вдруг филиппинка заметила нас в кафе.

– Нет времени. Не бойся, они здесь не такие подозрительные. Пойдем, – отмахнулся Коби.

Двое подошли к входной двери, на которой красовалась табличка с именем «Мак-Дарсон», и позвонили. Филиппинка открыла почти сразу.

– Мы из социальной службы, по поводу мистера Мак-Дарсона, – вежливо, по-английски, но с немыслимым акцентом произнес Коби.

Филиппинка сама говорила по-английски со страшным акцентом и с трудом поняла, что говорит посетитель, но, расслышав фамилию Мак-Дарсон, впустила людей в черном в дом.

В гостиной посетителей встретила молодая женщина и приветливо предложила сесть.

– Нэнси, – представилась она, – дочь Джона Мак-Дарсона. Чем могу быть вам полезной?

– Скорее, мы постараемся быть полезны вам, – доброжелательно ответил Коби, понимая сказанную Нэнси фразу буквально, что еще более, чем его акцент, выдавало в нем иностранца.

– Мы из социально-благотворительной службы и посещаем жителей со «специальными» потребностями для установления дополнительной материальной помощи, – убедительно сказал Коби. – Не могли бы мы

повстречаться с мистером Мак-Дарсоном, а также задать вам несколько вопросов?

– Да, да, конечно, – ответила Нэнси и улыбнулась.

Она подала знак филиппинке, и та вкатила в гостиную инвалидное кресло с несчастным.

Ицик достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку, на помятой обложке которой Нэнси с удивлением разглядела незнакомые золоченые буквы.

– Я так понимаю, что мистер Мак-Дарсон не может говорить? – осведомился Ицик.

– Нет, с тех пор как болезнь начала прогрессировать... – ответила Нэнси грустно.

– А бывал ли мистер Мак-Дарсон когда-либо за границей? – деловито спросил Ицик.

Нэнси очень удивилась вопросу, но не подала виду. Представители социальных служб нередко задают невообразимые вопросы.

– Насколько мне известно, нет, но я должна спросить у мамы. Во всяком случае, он в таком состоянии последние восемь лет.

– Очень хорошо, мы постараемся назначить мистеру Мак-Дарсону дополнительное пособие. Можем ли мы получить на несколько дней его свидетельство о рождении и паспорт...

– Паспорт? У папы нет паспорта, он ведь не может ездить за границу... – ответила Нэнси в растерянности.

– Хорошо, тогда только свидетельство о рождении, пожалуйста.

Нэнси ушла искать документ. Филиппинка выкатила инвалидную коляску с мистером Мак-Дарсоном из комнаты.

– До свидания, мистер Мак-Дарсон, мы постараемся оказать вам посильную помощь, – спохватился Коби.

Когда израильтяне остались одни, Ицик быстро зашептал на иврите:

– Я же говорил, надо было подготовиться, напечатать визитные карточки с названием благотворительного общества, напечатать какие-нибудь бланки... Вот увидишь, не даст документ!

– Они здесь очень законопослушные и доверчивые, им и в голову не придет подозревать... А начнешь следить, визитные карточки раздавать – потом хлопот не оберешься. С визитки, между прочим, и отпечатки пальцев можно снять, а ты что, ей визитку в перчатках стал бы выдавать... – Коби не успел договорить, как в комнату вошла Нэнси.

Она держала в руках свидетельство о рождении отца.

– Не беспокойтесь, – поднялся с дивана Коби, – мы вернем вам документ через несколько дней, максимум через неделю.

– Но, может быть, вас устроит копия... – засомневалась Нэнси.

– К сожалению, только оригинал – таковы требования благотворительного общества, видите ли, в последнее время появились случаи мошенничества... – ответил Коби.

Расчет был верным. Нэнси, услышав, что представитель общества беспокоится о мошенничестве, следовательно, сам мошенником быть не может, иначе зачем бы он стал говорить это режущее слух любого добропорядочного жителя слово «Fraud», тут же передала Коби потрепанный документ.

– Спасибо, мэм, могу вас заверить, мы вернем вам его в целости и сохранности.

– Я в этом не сомневаюсь, сэр, – ответила Нэнси, улыбаясь, – огромное вам спасибо!

– Не за что! Мы всего лишь выполняем нашу работу! – скромно ответили израильтяне.

Глава 5. Бедная Генриетта

Ицик и Коби, довольные, вышли из дома Мак-Дарсонов и быстрым шагом направились к припаркованному рядом с торговым центром миниатюрному форду «Фиеста», взятому напрокат.

Когда они сели в машину, Ицик схватил Коби за щеку и ласково подергал:

– Мотек шели! Ма айти осэ биладеха?¹

¹ Милый ты мой, что бы я без тебя делал? (ивр.)

Коби светился от счастья.

– Ма хашавта?²

Друзья отправились по аккуратным улицам пригорода, потом выехали на шоссе и переместились в другой пригородный район. Там Коби зашел в публичную библиотеку и, представившись Джоном Мак-Дарсоном, получил читательский билет со своей фотографией, заблаговременно приготовленной и вложенной в его записную книжку. Коби для порядка даже взял почитать книгу «Животные Новой Зеландии» и вернулся в машину. Там он похвастался своими трофеями Ицику. Пока гордый собой Коби листал книгу, выясняя, водятся ли в Новой Зеландии кенгуру, Ицик, порывшись в бардачке, достал чистый бланк договора на съем квартиры и стал его заполнять. Немного повозившись с бланком, он передал заполненный бланк приятелю. Коби оставалось только поставить закорючку, в которой с трудом читалась фамилия Мак-Дарсон.

Дальше израильтяне отправились в электрическую компанию, где Коби, предъявив свидетельство о рождении, читательский билет и липовый договор на съем квартиры на имя Джона Мак-Дарсона, переписал электрические счета на новое имя.

После обеда Коби и Ицик заехали в отдел министерства транспорта, и Коби, насвистывая,

² А ты что думал? (ивр.)

отправился получать водительские права. Он подошел к стойке и, представившись Джоном Мак-Дарсоном, сообщил, что потерял свои водительские права и хотел бы получить новые. По просьбе служащей он предъявил свидетельство о рождении, читательский билет с фотографией и с той же корявой подписью «Мак-Дарсон», что значилась на договоре о съеме квартиры. Электрический счет подтверждал место проживания.

Все документы были в порядке. Служащая министерства набрала фамилию в компьютере и с удивлением сказала, что срок действия водительских прав Джона Мак-Дарсона истек шесть лет назад и что если он желает снова водить, ему придется сдать экзамен. По закону ему могут быть выданы только временные права в качестве удостоверения личности, но водить по ним он не имеет права.

Коби спокойно кивнул и почувствовал на себе подозрительный взгляд служащей. Тогда он торопливо сказал:

– Дело в том, что у меня есть иностранные права, и по ним я смогу водить пару месяцев. Не так ли? Я ведь провел много лет за границей. Я понимаю, что не похож на человека, носящего фамилию Мак-Дарсон, и мой акцент выдает во мне иностранца. Однако я новозеландец по рождению. Дело в том, что моя мать Генриетта, – взгляд служащей скользнул по свидетельству о рождении, и она с удовлетворением отметила, что мать Джона – действительно Генриетта, –

работала на Кипре с миссией Красного Креста. Ну, знаете, когда там была война и турки захватили половину острова... Генриетта полюбила киприота, моего настоящего отца, и, обнаружив, что беременна, вернулась в Новую Зеландию. Моя мать была замужем за Фрэнком Мак-Дарсоном. Бедная Генриетта убедила мужа, что я его сын, и когда я появился на свет, мне записали в качестве отца Фрэнка.

Теперь служащая слушала с таким вниманием, что ей даже в голову не пришло снова сверяться с документами.

— Со слов матери, при первом взгляде на меня Фрэнк пришел в бешенство, сразу поняв, что я не его сын. Родился я смуглым, как негритенок! Родители расстались, но на этом беды не кончились. Мой настоящий отец тайно прилетел в Новую Зеландию и стал убеждать Генриетту выйти за него замуж, но страсть прошла, и она ему отказала. Тогда он выкрал меня и увез на Кипр. Только к восемнадцати годам я вернулся в Новую Зеландию, но жизнь здесь у меня не складывалась, и восемь лет назад я вернулся на Кипр. Теперь я снова здесь... Вот такая история.

У служащей навернулись на глаза слезы.

— Так вы, наверное, говорите по-гречески? Ведь на Кипре говорят на греческом, не так ли? — заволновалась работница министерства. У нас работает Пенелопа, она из Греции, вы сможете с ней поговорить на вашем родном языке!

Грустная ностальгическая улыбка мигом слетела со смуглого, восточного лица Коби. По-гречески он знал только несколько ругательств, подцепленных им, когда он сидел в кипрской тюрьме после провала одной операции.

– Не стоит беспокоиться! – замотал он головой, но было поздно. Служащая громко позвала:

– Пенелопа! Подойди, поговори со своим земляком!

Коби стал лихорадочно обдумывать, как объяснить, что он не знает греческого, но к его счастью, из соседней комнаты выглянула другая служащая и сказала, что Пенелопа еще не вернулась с обеденного перерыва.

– Может быть, я зайду завтра? – заторопился Коби, но очарованная столь романтической историей служащая министерства транспорта его остановила.

– Нет-нет, я все-таки выдам вам временные права. Вы получите их по почте. Вот только вам нужно сфотографироваться и пройти проверку зрения. У нас нет вашей старой фотографии, потому что мы только недавно стали сохранять фотографии в компьютерной системе.

Коби с облегчением вздохнул и торопливо подошел к указанному для съемки месту, служащая нажала на кнопку, и Коби ослепила вспышка. Фотография сразу попала в компьютер.

Потом Коби попросили посмотреть в специальный аппарат, который определял

остроту и поле зрения, а также скорость реакции. Тест был пройден.

– Пойдите, – вдруг снова насторожилась служащая, – у меня указано, что вам требовались очки, а теперь у вас идеальное зрение!

– Конечно, я же сделал лазерную коррекцию на оба глаза! – не раздумывая соврал Коби, и женщина, успокоившись, приветливо улыбнулась

– А я было подумала, уж не шпион ли вы? – пошутила она.

– Разве что самую малость, – засмеялся Коби.

Служащая распечатала временные водительские права и пообещала, что карточка с фотографией придет по почте в течение двух недель. С правами пришлют и приглашение на экзамен. Коби поспешно собрал документы и, тепло поблагодарив служащую, вышел из помещения, предварительно оплатив наличными небольшую госпошлину, полагающуюся в подобных случаях. Снаружи он заметил женщину греческой наружности, подходящую к дверям. Коби ускорил шаг, и, заскочив машину, крикнул Ицику:

– Быстро, сматываемся!

– Ты что, ограбил министерство транспорта? – пошутил Ицик и рванул автомобиль с места.

Они быстро отъехали со стоянки, чуть не врезавшись в учебную машину, медленно возвращающуюся с экзамена.

– Да, Ицик, экзамен на вождение в Новой Зеландии нам с тобой, пожалуй, не сдать! Уж больно чувствуется израильский стиль – каждый поворот руля, как последний... – пошутил Коби.

Затем приятели заехали в первую попавшуюся на пути поликлинику, и Коби пошел на прием к врачу. Предъявив временные водительские права на имя Джона Мак-Дарсона, он заявил, что когда-то лечился в этой поликлинике и последний раз был здесь года три назад. Карточку с таким именем найти не удалось, и Джону завели новую.

Коби повторил свой душещипательный рассказ про свою легкомысленную мать Генриетту и свои приключения на Кипре. Ему пришлось заплатить за визит сорок долларов, поскольку он, как вернувшийся из-за границы гражданин, еще не успел оформить медицинскую страховку.

Доктору Коби тоже пытался напомнить, что он у него был года три назад, но доктор его не помнил, хотя ему и было неудобно, что он стал забывать своих пациентов. Доктор сделал вид, что помнит, и спросил, на что Коби, то есть Джон, жалуется. Коби, прежде чем рассказать о простуде, заученно повторил свою историю про бедную мать Генриетту, чтобы и у доктора не возникало никаких вопросов насчет его внешнего вида и акцента.

Последним местом, которое посетили израильтяне, было почтовое отделение, в котором они взяли бесплатный конверт с

бланками для подачи прошения на заграничный паспорт. Вернувшись домой, они стали рассматривать список документов, необходимых для подачи просьбы на заграничный паспорт по почте. Они с удовлетворением отмечали: две фотографии паспортного размера, оригинал свидетельства о рождении, водительские права, а также свидетельство врача, адвоката или фармацевта, что он знает просителя не менее двух лет и подтверждает его личность.

Через несколько недель Коби снова отправился к тому же врачу. Зайдя в кабинет, он уронил голову на грудь и зарыдал. Доктор испугался.

— Что случилось?

— Выпишите мне что-нибудь успокаивающее! У меня на Кипре умер мой настоящий отец!

Врач искренне выразил свои соболезнования и выписал таблетки. Коби поблагодарил и встал со стула. Потом как бы спохватился.

— Доктор, я лечу на Кипр. У меня остались там сводные братья и сестры. Совсем сироты! Подпишите мне, пожалуйста, бланк на заграничный паспорт!

— Да, да, конечно, — заторопился доктор и подписал бланк.

— Спасибо, — вздохнул Коби и вышел.

Израильтяне отправили документы и принялись ждать заграничный паспорт на имя Джона Мак-Дарсона. Между тем они приглядывали подходящего инвалида для Ицика.

Ицик Моран и Коби Мизрахи были опытными разведчиками израильской внешней разведки Масад. Обычно им поручалось уничтожение крупных руководителей террористических организаций. Так, в прошлом году на Кипре они выслеживали главаря исламистской организации, но соседи по квартире заметили их подозрительное поведение и донесли в полицию, что два иностранца с балкона все время разглядывают соседний дом в подзорную трубу. В трубе, в общем, не было ничего незаконного, но Ицик и Коби попались с поддельными канадскими паспортами. Если бы не паспорта, никаких доказательств их шпионской деятельности не было бы. Канада выразила ноту протеста, и в Центре решили больше не пользоваться подделками, а получать паспорта непосредственно с помощью системы, описанной выше.

Пока в Канаде бушевали страсти, Масад обратил свои взоры на мало кем замечаемую Новую Зеландию. Ицику и Коби было поручено уничтожение все того же исламиста, что ушел от них на Кипре, и теперь, по сведениям разведки, обосновался в Сирии. Конечно, израильтяне не могли попасть в Сирию легально, и поэтому им пришлось прибегнуть к длительной командировке в Новую Зеландию, где они планировали обзавестись подлинными новозеландскими паспортами, используя инвалидов.

Израильтяне нервничали, потому что прошло уже более трех недель, а паспорт по почте так и не приходил. У них уже был в разработке второй инвалид, но они не хотели посылать документы на второй паспорт, пока не получают первый. Так, если каким-либо образом засветился бы один из них, второй мог попытаться выйти чистым.

Из Центра давили. Связь поддерживалась через банальные электронные сообщения бесплатной интернетной почты, просто вещи назывались закодированным языком. Например, паспорта называли «продукт».

«Когда, наконец, будет получен первый продукт?» – давил Центр.

Коби решился позвонить в отдел, занимающийся загранпаспортами. Ему ответила вежливая служащая, взяла все данные и попросила подождать. Пощелкав в компьютере, она сказала: – Мистер Мак-Дарсон, ваш паспорт будет выслан на днях.

Коби поблагодарил и повесил трубку. Служащая уже собиралась закрыть экран на компьютере, но обнаружила, что в почтовом адресе не хватает номера дома. Она решила перезвонить и уточнить адрес, и внимательнее посмотрела на данные Джона Мак-Дарсона. Что-то смущало ее. У Джона был очень сильный акцент, хотя по всем данным он был урожденным новозеландцем. Чтобы развеять свои сомнения, служащая все же решила позвонить и уточнить адрес, а заодно и поговорить с мистером Мак-

Дарсоном. Но, к сожалению, указанный в форме телефон оказался неверным. Израильтяне, причем даже разведчики, всегда очень плохи в воспроизведении номеров телефонов и адресов и обязательно делают ошибки. Если бы не эта досадная неточность с телефоном, Коби, возможно, сумел бы заморочить голову служащей с помощью своей коронной истории в стиле мыльной оперы – истории о бедной Генриетте.

Однако телефон был указан неверно, и тогда служащая паспортного отдела взяла телефонную книгу и отыскала в ней номер настоящего мистера Джона Мак-Дарсона. К телефону подошла его дочь и чрезвычайно удивилась, что ее отцу звонят по поводу паспорта.

– Дело в том, – сказала Нэнси с чистым новозеландским выговором, – что папа вот уже восемь лет не может разговаривать и прикован к инвалидному креслу.

Служащая взглянула на адрес, указанный в телефонной книге. Он был другой, чем тот, который был указан в форме, полученной паспортным отделом...

Сорок минут спустя на квартире у Ицика с Коби появилась полиция.

Глава 6. Язык до Киева доведет

В январе 2004 года у Вечнова были дела в Киеве, потом он планировал слетать в Новую Зеландию на разведку. Вообще, Сеня много путешествовал. То ли он таким образом реализовывал свои юношеские мечты стать заправским мореплавателем, то ли перемещение в пространстве на время избавляло от все чаще подступавшей мысли о том, что жизнь его не так уж отливает радужными красками бытия и что каким-то образом рано или поздно в этой жизни придется что-то менять...

Такие внезапные мысли подстерегают в засаде и выскакивают из нашего бедного темечка или другой области головного мозга, где селятся задние мысли, которые наплывают на нас, когда мы менее всего к ним готовы. До поры до времени нам удастся гнать их прочь, но они неизменно возвращаются, и в конце концов, опасаясь остаться с этими неуютными, подчас святотатственными мыслями, мы пытаемся сменить обстановку, увлечь себя чем-нибудь, и однажды утром, проснувшись неведомо где, понимаем, что на этот раз – пронесло, отпустило, и можно возвращаться в привычный монотонный ритм, ибо жизнь по своей природе и состоит из монотонности и бренности, поскольку ни из чего другого она, увы, состоять не может.

Самолеты и границы – в этом, пожалуй, и кроется основной крест, который приходится нести путешественнику на своем горбу. Произвол властей при пограничном контроле всегда заставлял Сеню морщиться, и он старался

не думать о таможенниках и о паспортном контроле ни до, ни после неприятной процедуры. Неизбежность встречи с подслеповатым мурлом государства, безусловно, тяготит душу многих пересекающих границы, но принимается как допустимое зло – ибо, мол, как еще избежать проникновения в добропорядочные страны вредных элементов? – до тех пор, пока таким «вредным элементом», по мнению властей, не оказываетесь вы сами.

Пограничный контроль, увы, это жалкая фикция. Известно, что все, кому нужно, проникают куда им нужно. Более того, подчас и проникать-то никуда не надо. Как-то раз пара хитроумных израильтян-наркоманов договорилась о поставках в Израиль кокаина из Южной Америки в банках из-под бразильского кофе, запаянных на специальной фабрике так, что не отличить от подлинных. Не всю почту, между прочим, обнюхивают с собакой, но даже если бы давали обнюхать всю, вы думаете, у бедного пса много шансов учуять среди тонн посылок со всевозможными пахучими отправлениями несчастную банку кофе, да еще и запаянную на заводе?

Чтобы не погореть на ерунде, наркоманы перестраховались и дали поставщикам адрес малознакомой старушки, договорившись с последней, что та при каждом получении прокурсирует бодрой кавалерийской старушечьей пробежкой в почтовое отделение. Однако случилось так, что старушка внезапно

окочурилась, и на почте застряла пара баночек «кофе», каждая стоимостью в несколько десятков тысяч долларов. Друзья-конспираторы, любители «кофе», не нашли ничего лучшего, как совершить налет на почтовое отделение, принялись рыться в посылках и тут-то и попались в теплые, чуть вспотевшие руки полиции, подоспевшей на сигнал о грабеже и вандализме, учиненных в невинном почтовом отделении.

Тайна раскрылась случайно. Полиция перерыла все посылки, но ничего подозрительного так и не нашла, — не могли служители порядка догадаться, что известные им по старым делам наркоманы поднялись на высокий уровень промышленного мастерства и что «продукт» приходит в вакуумной упаковке.

На второй день они сами во всем сознались, когда их поодиночке взяли на пушку, сказав, что другой уже раскололся. Дали им, кажется, всего года по три, ибо в Израиле законодательство мягкое, да и судья оказался с юмором...

Вот такая лажа происходит на границах, где досматривается ни в чем не повинный народ, а тем временем в посылочках по официальной почте преспокойно идут наинтереснейшие баночки с кофе и наверняка много прочего.

Власти постоянно пытаются сделать вид, что у них все под контролем, в то время как в большинстве случаев их действия направлены исключительно на показуху.

Например, как оказалось после самолетного дождя 11 сентября в Нью-Йорке, в ФБР работало на всю страну всего двадцать человек, владеющих арабским языком.

Итак, острием этого копья показушничества является именно таможня, особенно зеленый коридор, и слухи, будто опытные таможенники определяют пассажира по лицу и багажу, – не более чем наивные сказки.

При достаточном самообладании и некоторой хитрости люди провозят что угодно в любых количествах.

Один немец, выросший в Индии, где его родители были на какой-то миротворческой работе, сумел остроумно сохранить в себе сочетание немецкой внешней честности и индийской, неуязвимой в своей простоте изворотливости.

Он провозил целые чемоданы контрабанды, но никогда не шел через зеленый коридор. Он подходил к таможенникам и пытался задекларировать один-единственный, дополнительный к разрешенным, блок сигарет, говоря со страшным немецким акцентом примерно следующее:

– Мнэ опиздательно нуцлих зарегистрирунг эта сигарета, цтоби фсё бин в порьядке.

В большинстве случаев таможенники махали на него рукой и говорили: «Проходи».

Иногда ему удавалось настоять, чтобы с него взяли таможенную пошлину за лишний блок сигарет. Но никогда – слышите, НИКОГДА – у него не досматривали багаж.

Размышляя обо всем этом и о многом другом, Сеня стоял в очереди на паспортный контроль в киевском аэропорту «Борисполь».

«Вот Боря гордился бы, если бы знал, что в его честь назовут аэропорт, – подумал Сеня, вспоминая давнего приятеля. – Интересно, а как бы я себя чувствовал, если бы аэропорт назывался «Семёнполь»? Нет, как-то очень отдаст семенем...»

Какие только идиотские мысли не лезут нам в голову в минуты вынужденного и всегда нервного ожидания! Потом, случайно вспомнив их в спокойной обстановке, начинаешь сомневаться в ценности мыслительного процесса вообще и роли человека во вселенной в частности.

Паспортный контроль и таможня прошли без особых эксцессов, но Сеня зачем-то еще немного покрутился по аэропорту.

Кстати, из Киева до Новой Зеландии добраться было дешевле, чем из Израиля. Дело в том, что зимой билеты в Киев могут быть довольно дешевы. Билеты из Киева в Таиланд тоже не очень дороги, ну а из Таиланда до Новой Зеландии, как говорится, рукой подать да ногой подтопнуть...

Конечно, если начать считать с пристрастием, сколько по дороге потратишь на еду, да на гостиницы, да на всякие скромные и нескромные развлечения, то выйдет, может быть, и наоборот, дороже. Но кто думает о таких вещах, когда твое молодое и пока не ведающее усталости тело несет мощная железная птица навстречу экзотическим странам и захватывающим приключениям?

Но для удовольствий и приключений не обязательно останавливаться в Бангкоке. Киев, хотя небольшой и домашний город, полон красот и красоток и бьющих по глазам богатства и нищеты. Вечнов был прост в своих вкусах. Ему, как и многим мужчинам невысокого роста, нравились длинноногие. Ну что поделаешь, такой был у него вкус. Наклонности наши неисповедимы, хотя наверняка имеют какие-нибудь глубинные корни. Конечно, когда никто не смотрел Вечнову вслед, он мог отвести душу с длинноногой девчонкой за какие-нибудь сто баксов, хотя в той самой душе был истинным семьянином и у него к тому времени было двое детей и жена-красавица, правда, с неожиданно грубоватым голосом. Однако об этих приключениях Вечнов быстро забывал, они не оставляли в его сознании никакого следа, а поэтому он даже не видел в этом ничего предосудительного. Устройство мужского темперамента весьма просто. Женщина всегда была и будет для мужчины исключительно и прежде всего объектом вожделения. Ее

человеческие качества: ум, ирония, изменчивость, грация — все это отдельно. В момент желания мужчину интересует исключительно упругость ее груди, гладкость босых ног или выпуклость обнаженных бедер — кому что больше по сердцу, и как разгневанные в своем разочаровании женщины ни бьются над оголтелой техногенностью мужской страсти, ничего поделать нельзя. Для мужчины секс и чувства идут порознь, и когда они встречаются, то об этом слагают легенды. Чаще всего мужской взгляд скользит по голым коленкам собеседницы чисто машинально, на рефлекторном уровне, и если интеллект и годы тренировок сдерживают мужчину откровенно разглядывать подробности женского тела, то он неизбежно взглянет украдкой, едва собеседница отвернется, и если не взглянет, то подумает, а если не подумает — то плохи его дела, потому что нормальное стремление диктует именно такое поведение, и не имеет значения, изменяет мужчина своей единственной или нет. Он неизбежно изменяет в своем подсознании, ибо такова его природа, или, во всяком случае, природа большинства мужчин. Конечно, в последние времена жизнь стала настолько асексуальной, что встречаются мужчины, которые забывают о своей привычке видеть в каждой женщине потенциальный объект обладания. Вечнов, однако, опасался впасть в такой неприятный транс, грозящий многим деловым людям, когда мужчина имеет столько же любовной энергии, сколько вареный индюк. Поэтому, набирая номер очередного агентства,

найденного по грудастой рекламе в местной газете, Вечнов делал это практически машинально, как чистил зубы или заказывал кофе. Он понимал, что жена расстроилась бы, если бы ей стали известны его привычки, но он был платонист, то есть не сторонник платонической любви, конечно, а человек, философски полагающий, что если дерево падает в момент, когда за ним никто не наблюдает, то ствол при этом не трещит, ибо звук не имеет смысла, если рядом нет того, кто мог бы его услышать... Поэтому падение его стволов проходило бесшумно, и семейную жизнь Вечнова не омрачали неприятности, возникающие у некоторых от неаккуратности удовлетворения подобных привычек. Он просто стирал их из памяти, как ненужный номер телефона в электронной записной книжке, а потому очевидное удовольствие от посещений Киева оставалось у Вечнова скорее на уровне подсознательного, чем сознательного сладострастия. В промежутках между делами и отдыхом Вечнов ходил по туристическим агентствам и искал маршрут для поездки. Наконец Сенин партнер по бизнесу, который проводил больше времени в Киеве и знал все ходы и выходы, подбросил адресок одной агентши-пенсионерки, которая организовывала поездки именно в эту забытую всеми часть земного шара.

– Я от Осипа, – представился Сеня. Меня интересует Новая Зеландия.

– Новая Зеландия? – с деланным безразличием переспросила старуха, усадив Вечнова за свой картинно заваленный бумагами стол.

– Именно она самая, – с удовольствием подтвердил Вечнов, – я согласился бы на старую, да вот приспичило в новую!

Старуха пропустила шутку мимо ушей, и Вечнов не понял, то ли это он слишком много лет провел на чужбине и перестал чувствовать правильный юмор, то ли незалежная Украина настолько проэволюционировала в направлении незаезженных далей, что простые шутки на уровне урока географии пятого или шестого класса уже перестали действовать.

– Так, а как у вас с визой? – поинтересовалась старуха, и ее маленькие вороватые глазки отчего-то забегали. – В Новую Зеландию так просто визу не получить...

– А мне не надо визы. Я – израильтянин, – с некоторой излишней гордостью в голосе заявил Вечнов.

– То я и гляжу, что вы, извините, смахиваете на жида, – приветливо выпалила старуха и почему-то ощутило обрадовалась.

– Ну а на кого мне еще смахивать, на Тараса Бульбу, что ли? – немного обиделся Вечнов, который никак не мог привыкнуть, что на Украине еврей совершенно официально именовался «жид». Конечно, приличные люди не позволяли себе бросать это обидное слово так запросто в лицо... Но старуха явно не претендовала на приличия.

– Так у меня тут есть «бывшие израильтяне», которые попаслись с годик там и вернулись

обратненько, а теперь хотят поехать поработать, а то и зацепиться в Новой Зеландии, но вот только по-английски они ни бум-бум. Вы их случайно не знаете? Сейчас я посмотрю фамилии... – закопошилась старуха.

– Не стоит беспокоиться, в Израиле больше миллиона русскоязычных, со всеми не перезнакомишься, – устало возразил Вечнов.

– А у меня к вам будет вот какое деловое предложение! Вы ведь все равно собрались в Новую Зеландию, так что вам стоит присмотреть за ними в дороге, а я вам в компенсацию дам билет бесплатно... Точнее, ну почти бесплатно.

Сеня сначала с непониманием посмотрел на старуху. Ее неприятное лицо пыталось принять сладостное выражение, но было видно, что такая маска этому лицу непривычна. Сеня подумал и ответил, усмехнувшись:

– Поможем, почему не помочь...

Вообще-то Сеня не очень понял, почему ему предлагают такую халяву, но решил, что какими бы ни были старушечьи заморочки с этими «израильтянами», ему это до лампочки, а денег, опять же, лишних не бывает. И, обсудив даты тура и поговорив с полчаса о том о сем, они расстались.

Через неделю старуха представила упомянутых ею «бывших израильтян» Сене. Их было трое – двое мужчин средних лет и женщина, тоже не первой молодости. Конечно, ничего израильского в этих людях не было, но один из

них бойко бросал фразы на иврите, да и Израиль они знали. «Ну что за проблемы, конечно, помогу, нет проблем», – дал «добро» Вечнов, и ему вручили тур в Таиланд и координаты тамошнего агентства, в котором нужно будет выкупить билеты до места назначения. Обменялись рукопожатиями. Следующая встреча была назначена в Таиланде через неделю, поскольку «израильтяне» летели другим рейсом.

Когда Вечнов выходил от старухи, его кольнуло: «Они такие же израильтяне, как я папа римский», но эта мимолетная мысль тут же растворилась в морозном январском воздухе. Когда занят собой, о других совсем не думаешь, да и зачем думать, если, кроме совместного маршрута, тебя ничего с этими «израильтянами» не связывает?

Глава 7. Под сенью золотых пагод

Итак, у Сени до намеченного возвращения в Израиль было в запасе две недели, которые он выделил себе на открытие новых земель. Иногда на нас нападает какая-то бродильная страсть, и мы незаметно для себя можем оказаться на другом конце планеты. Советские времена как-то сдерживали эти состояния транса, и народ болтался исключительно в пределах границ Великого Нерушимого. Теперь же пределов нет, лети куда хочешь, только знай плати бабки – и гордые птицы из легкого авиационного

алюминия донесут тебя на своих негнущихся крыльях куда угодно, в любую точку кривизны земного шара, где есть хоть какой-нибудь заваливающий аэропорт. Говорят, что лет через десять аэропорт построят даже на острове Святой Елены, где отбывал свой срок Наполеон. Туда до сих пор можно добраться только морем, и это самый удаленный от Большой земли остров в Южной Атлантике. Но Вечнов был не Наполеон, и его не прельщало почетное заключение на дальних островах.

Новая Зеландия тоже весьма далека от всего обозреваемого нами мира. Мы забываем истинную географию пространств, ибо, случайно заснув в самолете, можно недосчитаться тысячи-другой километров. Знаете, пара часов дремоты, а потом выглянул в окно – а там зелень лесов сменяют пустыни, марсообразность пустынь перетекает в синеву океана, а потом снова пустынь, а потом снова лесов... Городов с самолета практически не видно, они проступают серыми пятнами плесени на гордом безлюдье земли.

Подобные перелетные переживания делают всех нас немного сумасшедшими, отрывают от нашей излюбленной реальности, ибо люди в процессе своей эволюции не слишком приспособились к перелетам и смене часовых поясов. Поэтому любая поездка превращается в некую череду бредовых снов, и все, о чем нам остается беспокоиться, так это о том, чтобы сны наши не превратились в кошмары. А в остальном мы

можем положиться на мощные крылья и неумолкающие двигатели. Ведь самолеты гораздо безопаснее курения. По крайней мере, так утверждает большинство министерств здравоохранения подлунного мира, ибо если на пачках сигарет значится, что курение опасно для нашего здоровья, то на самолетах такой надписи почему-то не делают.

Прилетев в Бангкок, Сеня устроился в гостиницу по ваучеру, выданному ему киевской старухой. Там его ждало сообщение от его подопечных, что они разместились в другой гостинице, где остановилась целая группа, собиравшаяся добраться до Новой Зеландии, – человек двадцать. Сеня незамедлительно отправился к ним. Встреча с бывшими соотечественниками, беспокойными и все время куда-то отходящими на минутку по утилитарно-корыстным копеечным делам, не произвела на Вечнова особо трогательного впечатления. Ему не хотелось бросаться к ним в объятия с криками: «Родные вы мои!» Они неприятной массой выделялись на фоне экзотики Таиланда, и Вечнову хотелось держаться от них в отдалении, но долг требовал тусоваться – и Вечнов тусовался.

Всей толпой они отправились в агентство, в котором должны были выкупить билеты. Но оказалось, что никаких билетов там не было, и никто о группе ничего не знал.

Что тут началось! Большая часть решила досидеть в Таиланде до конца тура и вернуться. Но семь человек были полны решимости идти до конца. В некоторых из нас до сих пор теплятся искорки Колумбов, и мы не уступаем неблагоприятным обстоятельствам.

Ситуация напоминала почти забытый исторический факт – детский крестовый поход, когда в Европе формировались целые полки воодушевленных воинов-детей, которые так и не добрались до Святой земли, ибо большинство из них было продано в рабство по дороге, а назад вернулись только единицы³.

³ В июне 1212 г. во Франции появился пастушок по имени Стефан, который объявил, что он посланец Бога, призванный стать предводителем христиан и снова завоевать Обетованную Землю. Когда толпа достигла Марселя, то два торговца рабами за «воздаяние Божье» вызвались перевезти в Сирию этих «поборников Христа». В Египте же торговцы продали пилигримов-крестоносцев как рабов.

Нынешние рабочие пилигримы так же беспомощны, как те дети-крестоносцы, и их так же беспрестанно фигурально продают в рабство. Они стремятся в богатые страны в поисках счастья и справедливости, а находят презрение,

унижение и свинское отношение к себе. А потом, в награду за рабский труд, их отлавливает полиция и депортирует обратно, подержав для острастки какое-то время в местных тюрьмах и предъявив счет за съеденные в тюрьме харчи. Что, скажете, харчи бесплатно? Какое великодушие! Недаром говорят, что горек хлеб чужбины.

Куда бредут эти пилигримы? Хотя подчас их домашние страны и не пригодны для достойной жизни, однако там им, по крайней мере, все знакомо, они знают ходы и выходы, а попав за границу без языка и почти без денег, они уподобляются оборванным деткам, несущим в своих хлипких ручонках поблекшее знамя свободы и человеческого достоинства.

Какая сила движет миграцией народов? Как перелетные птицы, они подчиняются древнему инстинкту, и едва их страны сковывает зима, как они длинными вереницами отправляются на юг, на юг, на юг... А дальше Новой Зеландии юга нет, и снова начинается сплошной непроходимый север, только теперь уже на этом самом юге. Трудно не запутаться с тех пор, как люди смирились с круглостью Земли, на которой им выпало проживать.

Проблема для Сени с его движением на юг заключалась в следующем. На носу был китайский Новый год, и билетов не предвиделось вообще до начала февраля, а у Вечнова на всё про всё было всего семь дней, чтобы успеть

вернуться по имеющимся билетам в Киев и оттуда домой, в Израиль.

Что оставалось делать? Сеня с попутчиками продолжили тур по Таиланду и отправились в город Паттайю, где и собирались выкупить заказанные билеты.

Паттайя – известный курорт, принесший Таиланду славу туристической Мекки. В переводе «Паттайя» означает «ветер, дующий с юго-запада на северо-восток в начале сезона дождей». В недавнем прошлом Паттайя была маленькой рыбацкой деревушкой на берегу Сиамского залива. Это место превратилось в курорт после того, как в 1961 году стало любимым местом отдыха американских солдат. В период Индокитайской войны, когда Таиланд играл роль тыла для американцев, открыто воевавших во Вьетнаме, и тайно – хотя это не было секретом – в Лаосе и Камбодже, в близлежащем аэропорту располагалась одна из военно-воздушных баз США.

В Паттайе Сеня окунулся в вихрь отдыха и развлечений. Много пили, ездили на экскурсии, ходили на концерты, а также купались и гуляли. Там было все, о чем можно мечтать. Широкий выбор отелей – от бунгало, утопающих в зелени и цветах, до современных корпусов – способен удовлетворить вкусы как тех, кто ищет восточной роскоши, так и тех, кто рассчитывает на тихий отдых. Паттайя является признанным центром подводного плавания и рыбалки; здесь можно исследовать подводный мир, увидеть

китайские джонки, пролежавшие на дне около шести веков.

А какое там разнообразие ресторанов различных направлений мировой кухни, какая изысканная индустрия непрехотливых развлечений и особая атмосфера веселья, беззаботности, вселенского миролюбия и радости! И при всем этом – не слишком жаркий климат, свежий морской ветерок, воздух, пронизанный запахом душистых тропических цветов и диких южных трав... Нельзя умолчать, что Таиланд приятно удивил Сеню разнообразием предлагаемой на продажу плоти. Ведь именно разнообразие лежит в основе мужской ненасытности. Природа толкает мужчин оставить как можно больше наследников на бренной земле, и чем разнообразнее женская красота, тем она привлекательней. Хотя есть немало и мужчин-лебедей, моногамных, как детские гаммы, верных своей избраннице на веки вечные. Но Вечнов, несмотря на свою фамилию, не любил вечность, ибо это, по его мнению, было слишком долго и нудно. В Таиланде он пребывал на вершине чувственного рогоблудия, представляя себя то завоевателем-покорителем, то самозабвенно очаровываясь непритязательностью и недороговизною местных носительниц точеных миниатюрных грудок.

Однако Сеня не забывал и о семье. В Паттайе он купил множество подарков своим домашним – ведь это место известно как один из лучших торговых центров страны, а так уж заведено, что

в поездке обязательно нужно покупать подарки...

Сеня чувствовал себя на вершине жизни. В отличие от попутчиков, деньги у него водились, и немалые, так что он мог позволить себе отдохнуть от души. Эта страна, наполненная миниатюрными и как будто кукольными местными жителями, окружала Сеню экзотической беззаботностью. Для Сени местные были какими-то селенитами⁴, и он чувствовал свое несомненное превосходство и свободу, которые могут дать только заграничный паспорт и кошелек с валютой и кредитными карточками.

В перерывах между развлечениями и покупками Сеня заскакивал к своим подопечным и интересовался, есть ли новости от старухи. Заодно трепались на разные темы, говорили про грядущие еврейские праздники. Иногда женщина спрашивала между прочим всякие слова на иврите под предлогом непонимания различий между родами, объясняя это тем, что они с первого дня жизни в Израиле работали и не успевали учиться.

Эти трое беспрестанно ныли, будто старуха обещала, что их встретят, но они в это уже не верят. Сеня объяснял им, что не имеет никакого

⁴ Плутарх предполагал, что на Луне тоже могут жить люди – селениты. Герберт Уэллс в романе «Первые люди на Луне» описал селенитов как чрезвычайно слабых в физическом отношении существ, которые не смогли развить тяжелых мышц и костей ввиду отсутствия необходимости в таковых в связи со слабой лунной гравитацией.

отношения к этой старухе и что это их заморочки, но «израильтяне» буквально вцепились в Сенин рукав, как утопающие, и он не мог не уступить этой мертвой хватке. Сеня даже пробовал дозвониться до того человека в Новой Зеландии, чей номер у них был, и там даже кто-то ответил, но тут же повесил трубку. Они стенали, что если их не встретят, то им некуда податься. В итоге Сеня отправился с ними в Интернет-кафе – искать им гостиницу на всякий случай, но заказ можно было сделать только по кредитке, которой у них не было, и Сеня дал свою. Правда, предусмотрительно искал места, где не взимался штраф за отмену заказа.

Наконец пришло время покупать билеты. Сеня заехал к своим хохлам-«новозеландцам», и дружно порешили, что он, как владеющий английским, соберет деньги и пойдет в агентство сам. Сеня взял паспорта и деньги и отправился в агентство, где ему выдали семь билетов на ночной рейс через город, названия которого Сеня никогда не слышал. Предварительно турагент удостоверился, что у хохлов есть визы, а израильтянам, понятно, визы были не нужны.

Все вроде складывалось удачно, и оставшиеся пять дней Сеня мог потратить на разведку.

И вот группа товарищей приезжает в аэропорт, идут на регистрацию, а их разворачивают и сообщают, что это транзит через Австралию и поэтому им нужны транзитные визы...

Трое хохлов решили, что утро вечера мудренее, завтра пойдут в посольство получать визы, а Сеня с «израильтянами» решили поменять билеты на другой рейс и вылететь утром. Точнее, решил Сеня – из-за нехватки времени, которое у него оставалось. А «израильтяне» привычно увязались за Сеней. В итоге они вернулись в агентство и со скандалом и небольшой доплатой получили билеты через Гонконг, прошли паспортный контроль и вылетели.

Глава 8. Катастрофа

Ангелы в черных масках носились над бурным морем. «Это что еще за кавардак?» – подумал Вечнов, но ангелы не унимались и громко жужжали крыльями. Потом жужжанье перешло в мерное хлопанье. Вух, вух, вух... Вечнов пригляделся и понял, что это никакие не ангелы, а обыкновенные игральные карты. Почему-то они летали среди облаков, и он, Сеня, тоже мерно парил между ними. Ему было холодно и страшно. «Что за ересь? Человек летать не может, а в загробную жизнь я вроде бы не верую... или верую?» – подумал Сеня и тут же ощутил себя с картами в руках за игральным столом. «Из колоды моей утащили туза, да такого туза, без которого смерть!» – вдруг захрипел голос Высоцкого, и Сеня стал

лихорадочно искать тузы в колоде карт, но в ней были только пиковые дамы! «Не иначе я сошел с ума!» – решил Вечнов, но тут все снова встало на свои места, так сказать, устаканилось в соответствии со стандартами сиюминутной реальности. «Дальняя дорога да казённый дом – вот тебе какая судьбинушка выпала, сынок!» – услышал Вечнов голос своей мамы, почему-то переодевшейся в цыганские лохмотья и говорящей скороговоркой сквозь слезы. «Глупости!» – отмахнулся Сеня с раздражением и проснулся.

Двигатель самолета производил мерное и почему-то внезапно ставшее неприятным урчание «вух, вух, вух...», которое Сеня, задремав, принял за хлопанье крыльев ангелов в черных масках. Рядом, открыв рот, храпел один из хохлов. Сеня намеренно не запоминал имен своих попутчиков и во втором лице именовал их: «слышь, ты...», а в третьем – «ну, этот, как его...»

Сене очень не хотелось ощущать себя как-либо связанным с этими людишками, ему было неприятно, что его купили за какой-то билет, а намаялся он с этими ублюдками недоделанными уже по самые уши.

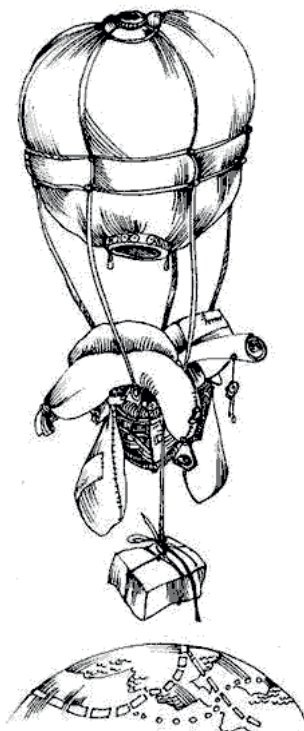
Сеня вообще почти фанатически любил халяву и никогда не пропускал случая ею воспользоваться. Как-то, приехав в аэропорт просто от нечего делать и случайно имея при себе паспорт, он умудрился достать горящий билет в Италию практически бесплатно, а в

другой раз вступил в долю с Косолапским и Бабайским, когда те спекулировали недвижимостью на юге страны, и, дав десять тысяч шекелей, через несколько недель получил обратно двадцать.

Между тем текущая халява Сене как-то совсем нравилась. Уж больно хохлы были по-детски

беспомощными и требовали к себе беспрестанного внимания.

Сеня вздохнул и снова закрыл глаза. Он твердо решил больше не снить себе ничего неприятного. Для того чтобы отогнать от себя дурные мысли, он стал перебирать в памяти свои тайландские победы на эротическом фронте, те самые, которые он еще не успел стереть без следа в своем сознании. Вдруг самолет подбросило, и с Сени немедленно слетел сон. Хохол тоже проснулся и рукавом вытер стекавшую у него по подбородку тоненькую струйку слюны.

«Дите, да и только, — с откуда ни возьмись настоящим раздражением подумал Вечнов. — И

куда они намылились? Сидели бы в своей незалежной, ели бы свои галушки!»

Вечнов посмотрел на часы. Лететь оставалось еще часа два, то есть целую вечность. «Значит, сейчас мы где-то над Австралией, или уже над морем», – рассудил Сеня, но эта мысль, которая раньше его обрадовала бы, подняв со дна детской души мечты о дальних мореплаваниях, теперь вызвала у него раздражение на себя самого. «Тоже мне, Синдбад-мореход», – проворчал он и попытался разглядеть что-либо в окошко. Там было темно, и Сене не верилось, что этот светлый, спокойный салон самолета несется со страшной скоростью на гибельной высоте.

«Только бы спокойно долететь», – подумал Сеня, но тут самолет снова тряхнуло, а потом еще, и еще, и еще... Включились огоньки над сидениями, указывающие пассажирам, что им необходимо пристегнуться. Объявили по-английски, что самолет проходит через зону плохой погоды и что возможна турбуленция, поэтому пассажирам надлежит оставаться на своих местах.

Еще через минуту по проходу между кресел быстро прокурсировала попка стюардессы, которая формально наклонялась к каждому пассажиру, проверяя, застегнул ли он ремень.

Самолет продолжало периодически встряхивать. «Сейчас как грохнется, а я все о попках думаю!» – вдруг испугался Вечнов. Он впервые посмотрел на другую, проходящую по проходу стюардессу

не как на женщину, а как на источник информации, пытаюсь прочесть по ее лицу, нормально ли происходящее, или что-то не в порядке. Лицо стюардессы было напряженным, и у Вечнова куда-то провалилось сердце. Ему показалось, что в груди внезапно стало пусто. По времени самолет теперь должен был лететь над океаном, направляясь к довольно удаленным от суши Австралийского материка островам Новой Зеландии.

Самолет снова затрясло, и теперь значительно сильнее прежнего. Сеня вцепился в ручки кресла. Сидящий рядом хохол выругался и с надеждой посмотрел на Сеню. Сеня раздражился, придал своему лицу презрительный окрас и снова отвернулся к окну.

Вечнов буквально всем нутром чувствовал, как там, внизу, в одиннадцати километрах сплошных туч и ливня, бушевал внезапный океан. И действительно, там, внизу, неистовствовала буря. Ну, не штиль же с чистым звездным небом? «Кстати, а ведь и небо-то тут другое», – отметил Сеня, который в заморочках переездов и забыл, что пересек экватор и теперь находится в Южном полушарии. Он с детства мечтал увидеть созвездие Южного Креста, и одна из первых романтических подружек даже написала ему шуточное стихотворение, которое сейчас почему-то вспомнилось:

И снится Сене

неспроста –
Он умный очень –
Созвездье Южного
Креста
И сумрак ночи...

«Как же ее звали?» – силился вспомнить Сеня, но имя девушки почему-то не желало приходить ему на ум. Он решил, что, наверное, ее звали Таня... А что, пусть будет Таня, потому что Сене было неприятно, что он не помнит того, чего намеренно не забывал. В те стародавние времена первой юности он еще не стирал воспоминания о своих романтических встречах, и вот, кроме фактических подробностей телесных очертаний, в его мозгу застряли еще и стихи...

Самолет тряхануло так сильно, что Сеня громко стукнул зубами. «Ничего себе! – опять испугался Вечнов. – Точно не долетим! Черт меня попутал тащиться в эту долбаную...»

– Слушай, – спросил хохол, – чего так трясет? Это, вообще, нормально?

Сеня неохотно повернулся к соседу, но, увидев его перепуганное лицо, решил успокоить.

– Не дрейфь, долетим, – сказал Сеня, и почему-то почувствовал себя спокойнее и снова отвернулся.

Вечнов подумал: хорошо, что баба со вторым хохлом сидела через несколько рядов впереди и не могла приставать к нему с дурацкими вопросами. Сеня стал смотреть на полоски на обшивке кресла. Полоски неприятно рябили у

него в глазах. «Какого черта я поперся на край света? — опять кольнула Сеню булавочная мысль. — Что я там за пять дней в этой Новой Зеландии разведжаю? Ах, какая глупость... Не надо было мне сюда тащиться. Я бы еще на Марс намылился. Лучше бы остался в Таиланде, а потом в Киев, а там и до дому...»

Воспоминание о доме очень больно защемило душу. В какой-то момент даже слезы подступили к горлу. Он почувствовал себя, как в тот первый день в детском саду, когда мама привела его и оставила в большом, холодном помещении с другими детьми. Вспомнились квадраты на линолеуме, по которым воспитательница заставляла их прыгать, приговаривая: «Вот скоро весна, будут ручейки, и вы должны научиться их перепрыгивать!» И Сеня старательно прыгал, и ему хотелось плакать, точно как сейчас. «Мама, мама, что же ты мне такое нагадала?» — вдруг вспомнился Сене мимолетный самолетный сон...

Самолет снова затрясло, и теперь уже слышались испуганные крики других пассажиров. Сене показалось, что он расслышал где-то впереди слегка истеричный голос своей попутчицы: «Господи, что же это такое делается? Что же с нами будет?»

— А что будет, ничего не будет, — пробормотал Сеня. — Сейчас потрясет еще немного, а потом прилетим и забудем всё это, как страшный сон...

Однако самолет трясло, и Сеня тоже стал трясти коленками, как в первом классе, когда ему очень

нужно было выйти по-маленькому, но отпроситься у учительницы он стеснялся.

«Ну сколько можно, сколько можно!» – лихорадочно в такт своей тряске думал Сеня, и вдруг быстро и несвязно стал молиться.

«Господи, спаси и помоги! Господи, спаси и помоги! Я отмолю, я отстрадаю, только не дай пропасть вот так по-глупому...» Почему-то перед глазами Сени, которые он заблаговременно сомкнул, все время вставал образ его жены Светки, которая смотрела на него с досадой и жалостью. «Да что за глупости, – это как боль зубная. Лучше выдрать себе половину зубов, чем пережить такое...»

Сеня пытался представить, что он в колхозе и едет в грузовике по ухабистой дороге. Обычно это помогало ему абстрагироваться от осознания того, что самолет несется над воздушной и океанской бездной. Но салон так трясло, что это не походило на грузовик...

– Сейчас будет говорить старший пилот самолета, – сообщил взволнованный голос.

«Всё, пропали», – подумал Сеня.

Однако голос пилота был совершенно спокойный и даже веселый. Он дежурными фразами сообщил, что самолет начинает снижение и будет в аэропорту примерно через 35 минут.

У Сени ангелы запели в голове. «Господи, спасибо! Спасибо, Господи!» – зашептал он

неслышно, даже не шевеля губами, и стал вглядываться в темноту окошка.

– Чего сказали-то? – стал дергать Сеню за рукав сосед. Он тоже был совершенно перепуган.

– Что, что? Ничего. Сейчас прилетим! – ответил Сеня и отметил, что на минуту рожа хохла показалась ему родной.

Посадка прошла на удивление гладко, и у Сени отлегло от сердца.

– Ну, Господи, я твой должник! – сказал Сеня, хотя в Бога не верил. То есть пока летел – верил, а как приземлился – уже не очень. Сеня умел включать и выключать свои отношения с Богом так же, как имел способность забывать и вспоминать свои смуглокожие и длинноволосые переживания. Удобно и хорошо. Надо – вспомнил, не надо – забыл.

Ступив на твердую землю, Сеня подумал: «Ну, теперь самое страшное позади!», – и у него стало хорошо и весело на душе.

Пройдя таможду, Сеня из-за карантинных правил расстался с немалой частью подарков, купленных жене и маме, ответил на миллион вопросов о цели поездки, почему только на пять дней, почему не заказано жилье и транспорт, кого он знает в Новой Зеландии...

Когда Сеня проходил визовый отдел, к нему подошли два полицейских иммиграционной службы и попросили пройти с ними. Сеня не волновался. Он знал этих англоязычных

ублюдков по учебе в Бостоне, где он, тогда еще рассчитывая на карьеру в системе здравоохранения, частным образом получал сначала первую, а потом и вторую академическую степень по ускоренной программе. Они тогда решили на пару дней съездить в Канаду, и там ему устраивали такие же спектакли с расспросами и деланием вида, что не пустят или не выпустят.

Сеню привели в кабинет, где он увидел одного из своих протеже. Вечнов спросил хохла, в чем у него проблема, и тот сообщил, что у него взяли паспорт на проверку. На вопрос, где остальные, он пожал плечами.

Потом Сене вдруг сообщили, что ему отказано в разрешении на въезд и что его отправят обратно в течение трех суток.

«Так вот она где, катастрофа!» – подумал Вечнов, еще не совсем осознавая, что же произошло.

Глава 9. В шоке

Сеня Вечнов ошибался. Это была еще не катастрофа... Катастрофа началась, когда сначала на просьбу связаться с домом Сеня получил отказ, а потом его отвели в полицейский участок аэропорта и запихнули в камеру. В ответ на просьбу увидеться с представителем Израиля Сеня получил пару раз по почкам, на него надели

наручники и заперли в туалете вместо карцера на несколько часов!

Сеня сидел на крышке унитаза, опустив голову на руки, закованные в наручники. Его трясло мелкой нервной дрожью. В мозгу, словно росчерки гибельных молний, вспыхивали обрывки мыслей.

«Что со мной происходит? Как такое могло случиться? Почему они надели на меня наручники? Что я им такого сделал? Что хохлы наговорили им про меня? Какое я вообще имею к ним отношение? Что же теперь со мной будет?»

В первый момент, когда закрылась дверь туалета и Сеня остался один, ему показалось, что все это только сон, и он реально напрягся, чтобы проснуться. Голова закружилась от напряжения, но Сеня не пробуждался.

«Это какая-то ошибка. Они явно приняли меня за кого-то другого. Сейчас все должно выясниться. Даже если у этих хохлов паспорта поддельные (что маловероятно, потому что не совсем же они идиоты), новозеландцы не могут меня задерживать за то, что я летел в одном самолете с украинцами с поддельными израильскими паспортами. За что же они меня задержали? Ведь паспорт-то у меня настоящий!»

Вдруг Сеня почувствовал блаженное расслабление. Его осенило! Просто эти новозеландские дуболомы решили, что и у него паспорт поддельный, и загребли до кучи. Сейчас они разберутся и его отпустят. Конечно, иначе

почему ему было отказано в свидании с представителями израильского консульства? Потому, что новозеландцы думают, что я не израильтянин. Вот почему».

Однако со дна души стала подниматься другая тяжелая и какая-то замогильно-леденящая мысль.

«А что если они не разберутся? А что если разберутся наоборот? Вдруг хохлы наболтали, что это я им дал эти паспорта? Глупости! А где доказательства? Да и зачем хохлам на меня наговаривать...»

Сеня почувствовал себя никем иным, как злополучным Йозефом К. из романа Кафки «Процесс», бедным Йозефом, который должен был предстать перед судом, но не знал, в чем его обвиняют, а потом был аккуратно казнен ударом ножа так и не поняв, в чем же, собственно, он был виноват. От такого воспоминания Сеню охватил нестерпимо-гулкий, как эхо гробницы, ужас и прошиб холодный пот. Он горько заплакал, словно беспомощный ребенок, запертый в чулан неизвестно за что.

Вечнов никогда не предполагал, что он такой чувствительный, но там, в туалете, у него было ощущение, что он, как и Йозеф К., грезит наяву, и видит надгробье с собственным именем, неаккуратно, словно бы второпях, начертанным на нем, да еще и с орфографической ошибкой.

Жизнь заставляет нас делать надписи на собственных надгробьях, а потом казнит за то,

что мы совершаем ошибки в собственных эпитафиях!

Наконец дверь туалета открылась, и Сеню вернули в общую камеру. Там уже были два хохла. Сеня успокоился. Зачем бы их стали сажать вместе, ведь подельников никогда не содержат вместе, чтобы они не договорились, как давать ложные показания. Хохлы рассказали Сене, что их допрашивала полиция из-за паспортов, оказавшихся фальшивкой, и на чем свет стоит ругали старуху-агентшу, мельком упомянув, что их все время спрашивали о Сене.

У Вечнова кольнуло сердце. Он поинтересовался, что именно спрашивали и что они сказали. Ответ был прост – всё, как было, то и сказали. Сеня успокоился. Ну, значит, подержат немного – и на самолет... Он – чист. На него у новозеландской полиции ничего нет, да и быть не может.

Женщину держали в соседней камере, отдельно от них. Наутро, которое можно было определить только по часам, поскольку в камере не было окон и круглые сутки горел свет, Сеня увидел, что за женщиной приходили, и ее долго не было. А вернулась она вся в слезах. Прокричала, что их обвиняют в незаконном пересечении границы, а это – до шести лет лишения свободы.

«Ну что ж, значит судьба у вас такая, – подумал Сеня. – Какими нужно быть идиотами, чтобы полезть через пограничный контроль с поддельными паспортами! Тоже мне, штирлицы недоделанные!»

Через какое-то время пришли за Сеней и отвели в одиночку. Вечнов считал часы до момента депортации. Он не мог глаз сомкнуть и вышагивал по камере взад-вперед как заведенный.

– Ну еще полчаса, а потом еще три часа, а потом еще... – уговаривал он себя, но сердце чуяло недоброе. Уж больно по-хамски и бесцеремонно с ним обошлись, как будто он преступник. На каком основании? Ну не желают они его впускать в страну, а задерживать-то за что? Наручники, почему наручники? По почкам по какому праву? А в туалет запирать – это что, законно?

Потом Сеня устал и уселся на краешек койки. Он стал рассматривать трещинки на бетонном полу. «Наверное, так себя чувствует человек, когда внезапно проваливается пол под ногами. Еще секунду назад – веселый, преуспевающий, а вот теперь – инвалид в обломках. А может, я мертвый? Ах, вот оно что. Наверное, я умер, и это какая-то разновидность ада. Самолет все-таки упал, а мне все привиделось, и теперь я буду вечно мучиться так. А может быть, сюда, в камеру, ко мне больше никто никогда не придет? А я не смогу умереть, потому что уже умер? Есть мне не хочется совсем. Спать – тоже... Точно, я не живой, а то, что дышу – мне это только кажется. А спина болит от ударов – тоже кажется? Тогда как же отличить то, что кажется, от того, что есть на самом деле?»

Взгляд Сени упал на малюсенького жучка, заползающего в трещину в полу. «Нет, не может быть. Зачем бы мне привиделся этот жук? Боже, как я хотел бы быть этим жуком... И уползти из этой проклятой камеры».

Иногда Сеня пытался себя гипнотизировать, внушая, что он сидит где-нибудь в другом месте и в любой момент может встать и уйти. Закрыв глаза, он представлял себя на дежурстве в больнице в Израиле или еще где-нибудь. Это немного помогало, но потом из темных недр души поднимался ужас вперемешку с отчаянием.

Больше всего Сеню убивали неизвестность и полная беспомощность.

По его подсчетам, прошло уже много времени – трое суток. Сене самому не верилось, что он ни разу не сомкнул глаз.

Наконец появились два жлоба в полицейской форме и куда-то Сеню повели. Вечнов подумал, что на самолет, и сердце его радостно забилося.

Но он оказался в комнате, где ему предложили кофе и сигареты и зачитали его права, объяснив, что он обвиняется в контрабанде людей с целью наживы, а также в участии в преступном сообществе.

Вечнов долго не мог понять, в чем его обвиняют, а когда до него наконец дошло, его окатила волна холода, а потом жара. Голову сковало тисками.

«Господи! Лучше бы я разбился в этом проклятом самолете! Лучше бы я вообще не существовал!» – затараторили острые мысли, и показалось, что мозги от них остались с кровоподтеками.

Все остальное походило на сон. Ему дали список бесплатных адвокатов, в который Сеня, не глядя, ткнул пальцем. Полицейский позвонил, и бесплатный адвокат сообщил Сене, что всего за 650 долларов он *бесплатно* приедет прямо сейчас.

– Хорошо, – прохрипел Сеня.

В ожидании адвоката Вечнов курил и думал, думал и курил. Передать его мысли сложно, ибо они в основном состояли из повторения фраз «этого не может быть» и «что же это такое происходит?». Потом Сеню вырвало.

Прибывший адвокат радостно сообщил, что Семен Вечнов – первый, кому предъявлено подобное обвинение по новому закону от 2002 года, который предусматривает до двадцати лет лишения свободы и штраф в полмиллиона долларов. Адвокат бормотал что-то по поводу улик у полиции и показаний украинцев. У Сени погас свет в голове.

Вечнов очнулся через несколько минут, и то исключительно от отрезвляющей несуразности происходящего. Пока он был в трансе, адвокат позвонил с мобильного жене и принялся о чем-то настойчиво кричать...

– Дорогая, я не согласен, чтобы ты брила Томаса. Томас – персидский кот, а персидских котов заводят именно потому, что у них исключительно красивая шкурка. Какой смысл иметь бритого персидского кота? Я понимаю, что он линяет... Я понимаю, что нам пришлось уволить уборщицу...

Заметив на себе удивленный взгляд Вечнова, адвокат извинился и прекратил телефонный разговор. Он попытался разъяснить Сене свои заморочки с персидским котом, но, убедившись, что клиент не в той кондиции, снова принялся бормотать что-то по поводу улик у полиции и показаний украинцев.

В тот же день его повезли в суд, где был дан ордер на продление его заключения на время следствия.

А Сеня все это время продолжал лихорадочно думать: «Как же так? Что они говорят? В чем обвиняют? Какая контрабанда?.. Надо связаться с домом...»

После суда Сеню привезли в тюрьму. Сенино спутанное сознание снова напомнило:

«Не иначе я – Йозеф К. из абсурдно-леденящего романа «Процесс» Франца Кафки. Пусть я Семен В. Какая разница, не в букве дело! Адвокаты тоже считали дело Йозефа К. сложным, хотя он не понимал, в чем, собственно, состоит его дело. Только положение К. было гораздо лучше! С ним обращались обходительно! К. продолжал жить обычной жизнью, несмотря на арест. Он

продолжал любить, ходить на работу или читать газету...» В этом отчасти и состояла абсурдность воспаленного воображения Кафки. Реальность Сени была куда более жестокой и проникнутой ужасом, замешанном на бессилии. А переплюнуть ужас, порождаемый романами Кафки, – это вам не свечку задуть и не пепел с сигареты стряхнуть. Это – настоящий апокалипсис в масштабе отдельно взятой жизни...

С такими, отчасти несвоевременными, но больно ранящими мыслями Сеня впервые за эти три долгих дня уснул, а утром его позвали к телефону – звонили мама и жена. Они нашли Сеню через консульство в Австралии (в Новой Зеландии Израильского консульства нет, только почетный консул).

У Сени потекли слезы, но разговаривать он старался спокойно, чтобы не выдать своего состояния.

Глава 10. В каждой избушке – свои погребушки

В каждом теремочке – свои заморочки... Обычно мы не обращаем внимания на Новую Зеландию. Ну, есть такая страна на конце света. Говорят, что люди живут там хорошо. В остальном мы пребываем в неведении. От этой неосведомленности и возникает у некоторых

иллюзия беспроблемной заоблачной страны... Вот и Вечнов вообразил себе чуть ли не райские кущи. Между тем, как и всюду, в Новой Зеландии свои заморочки.

Местное население – народ маори – когда-то переселился на острова Новой Зеландии из Центральной Полинезии. Открытие этой земли приписывается полинезийскому моряку Купэ, приплывшему туда примерно в 800 году нашей эры. Легенда гласит, что его жена Хине-Те-Апаранджи, назвала эту землю Аотеароа – земля длинного белого облака. Что может быть поэтичнее? Куда уплыли облака, укутывавшие эту зелёную землю более тысячи лет назад? Наверное, туда же, куда уплыли и души людей, ее открывших...

Около 1350 года началось великое переселение племён с родины Купэ, которые, следуя его заветам, отправились в Новую Зеландию, где в конечном итоге вытеснили коренных жителей или смешались с ними.

Правда, по некоторым источникам считается, что Новая Зеландия была незаселена. Однако можно предположить, что через тысячу лет некоторые источники будут утверждать, что и Северная Америка тоже была незаселена до того, как в нее вторглись европейцы. Такова простая логика тотального геноцида. Вот, например, последний коренной тасманец умер в 1861 году. Нет больше такого народа, и теперь можно с совершенно спокойной совестью считать, что плодороднейший остров Тасмания был

практически необитаем до прихода туда англичан, поскольку от коренных тасманцев не осталось следа.

Анатолий Франс предположил, что наверняка и на Марсе кто-нибудь пожирает друг друга... А так ли далек он был от истины? Может быть, Марс — это как раз то место, где подобное взаимопожирание уже достигло своего апогея, и теперь можно с совершенно чистой совестью считать его незаселенным?

Культура маори, развивавшаяся в течение нескольких веков без всякого влияния извне, была иерархической и «кровожадной». Так что на их счет не стоит особенно распускать нюни... На дикарей смотрят либо с умилением, как на наивных безобидных детей, либо как на садистов-людоедов. Оба взгляда, пожалуй, неверны. Невозможно мерить один народ по меркам морали другого, хотя, впрочем, наверное, существуют все же и какие-то общечеловеческие принципы. Ну, например, принцип, заключающийся в том, что нужно как-то сдерживаться и избегать поедания одних людей другими, хотя с точки зрения истории человечества — это весьма свежее нововведение. К сожалению, как утверждают ученые, большинство наших предков были каннибалами на протяжении многих десятков тысяч лет...

В 1642 году голландский мореплаватель Абель Тасман проплыл вдоль западного побережья Новой Зеландии, но первая же его попытка

высадиться на землю привела к тому, что часть матросов его команды была убита и съедена.

В 1769 году капитан Джеймс Кук, особенно прославившийся тем, что сам был съеден – правда, несколько позже и в другом месте, – прибыв к берегам Новой Зеландии, совершил путешествие вокруг двух основных островов на своем корабле «Endeavour».

Первый же контакт с маори спровоцировал военную стычку, и еще не съеденный Кук, восхищенный смелостью и духом маори и осознавая потенциал этой великой земли, присоединил ее к землям Великобритании до того, как начал свое путешествие к Австралии.

В начале девятнадцатого века в Новую Зеландию, разумеется, приперлись англоязычные колонизаторы. В основном беглые каторжники из Австралии, ну и пираты. А как без них, родимых?

Эти замечательные во всех отношениях личности заложили основу миролюбивой нации новозеландцев, что вовсе не является редкостью. Вот, например, дикие разбойники викинги теперь превратились в мирных норвежцев. Так что у ныне жестоких народов есть немало шансов исправиться. Просто дайте им время – кому пару сотен лет, а кому и тысячу. Как говорится, «вот тогда и приходите, вот тогда поговорим...» Недаром Кафка говорил, что решающее мгновение человеческого развития длится вечно. Правы поэтому революционные и духовные

движения, объявляющие все прежнее ничтожным, ибо еще ничего значительного пока не произошло! Так, посредственная хроника убийств, а не мировая история.

Народы, как подростки, – им нужно перебеситься. А потом, возможно, они войдут в стадию спокойной зрелости, и вот тогда окружающие вполне смогут насладиться их настоящей, исконной до самобытности народной душой, которая, прослезившись, откажется от людоедства хотя бы в буквальном смысле.

Когда британцы начали колонизацию Новой Зеландии, она рассматривалась как придаток Австралии по добыче морских котиков и китов, кроме того, с 1839 по 1841 год страна даже находилась под управлением одной из австралийских провинций – Нового Южного Уэльса. Однако дальнейшее расселение европейцев ухудшило отношения колонизаторов (пакеха) и коренных жителей островов (маори).

В 1840 году было подписано Соглашение Вайтанги, по которому маори уступали свой суверенитет Великобритании в обмен на защиту и гарантию обладания своими землями. Но отношения между маори и пакеха накалялись, ибо маори были обеспокоены явлением пакеха, а пакеха грубо нарушали права маори, предусмотренные Соглашением. В 1860 году между ними началась война, продолжавшаяся более десятилетия. И хотя официального объявления об окончании войны не было, формально пакеха одержали победу. Давно

прошли времена войн, ведущихся по ясным правилам, с построением, битвой и четко выраженной победой, как на турнире. Нынче обе стороны считают себя победителями, а поэтому в наши времена война не может завершиться, пока не будет произведено полное истребление противника. В этом, безусловно, и заключается торжество прогресса военного дела!

Одной из официальных причин войны было возникновение у маори королевского правления. Бедные решили избрать себе альтернативного монарха. Это произошло в 1858 году, когда того потребовали особые обстоятельства. С одной стороны, с появлением ружей, которые привезли на острова европейцы, междоусобные стычки племен могли привести к полному взаимному истреблению маори. С другой – постоянный приток белых поселенцев грозил вытеснить местных жителей с насиженных мест. Племенные вожди решили, что король смог бы установить порядок и воспрепятствовать дальнейшей распродаже земель белым поселенцам. Требовалось найти такого предводителя, который пользовался бы уважением людей, владел крупной собственностью, был кровно связан с другими племенами маори и сумел бы спасти народ от обрушившихся на него невзгод. «Все старые семейства жили на скудной земле, только моему предку принадлежало много плодородной земли на реке Ваикато: он и стал первым королем», – рассказывает нынешняя королева маори Те Ата-

и-Рангикааху, что переводится как «ястреб, летящий на утренней заре».

Коронование состоялось в Нгаруавахиа, но корону новый монарх не получил; не вручается она и сейчас – для процедуры достаточно прикоснуться старой английской Библией к голове нового правителя. Короче, огреть книжкой по голове.

Вообще нужно признать: на поверку получается, что корни всякой королевской власти основаны на дурной людоедской мишуре. Но почему же, когда мы становимся свидетелями коронации очередного монарха, слезы выступают на глазах, и все наше естество охватывает волна неизбежного восторга? Неужели простое клиническое стадное чувство? В чем заключается основа таинства богопомазанности, от которой так просто не отмахнешься? Может быть, в утопающих по плечи в старине корнях этих традиций, той самой мишуры, без которой от нашей человеческой культуры просто-напросто вообще ничего не останется? Вот и цепляемся мы за славные истории наших правителей, упуская из виду их людоедское прошлое, настоящее и будущее...

Да, какие-то ненастоящие короли получились у маори. Видимо, по неопытности. Вышло точно так, как когда-то иронизировал Кафка: «Им было предоставлено на выбор стать царями или гонцами царей. По-детски все захотели стать гонцами. Поэтому налицо одни гонцы, они носятся по миру и за отсутствием царей сами

сообщают друг другу вести, которые стали бессмысленны. Они бы рады покончить со своей несчастной жизнью, но не осмеливаются из-за присяги».

Так или иначе, для англичан не могло быть двух монархов. В 1863 году английская администрация объявила избрание маорийского короля мятежом и отдала приказ войскам выступить против маори. В течение года всякое сопротивление туземцев было жестоко подавлено. Тафияо – второй маорийский король – был вынужден покинуть свою резиденцию и скрыться высоко в горах. Тем временем британские колониальные власти присвоили себе большую часть маорийских земель. Крупные участки были розданы или проданы белым поселенцам.

Так часто случается, что народ, поднятый на восстание, находит себя в еще более плачевном состоянии после того, как это восстание подавлено. Нередко поджигатели-вдохновители этих якобы «народных» войн прекрасно отдают себе отчет в иллюзорности шансов на успех, но им на это плевать. Как же упустить звездный шанс парения на коне над собственным народом? Вперед! За свободу! Замесим наше возрождение на крови! Вперед! Победа или смерть! Ну а как иначе?

Однако, как случается в результате большинства народных восстаний, Тафияо, в 1881 году вернувшись из изгнания, увидел, что маори превратились в народ вдов, сирот и безземельных

бедняков. Оставаться королем с тех пор значило нести ответственность за достижение двух целей: создать необходимые условия для выживания и вернуть хоть малую часть отнятой колонистами земли. Однако возвращение земель еще долго оставалось несбыточной мечтой. Короля Кроки, отца нынешней королевы, чаще можно было увидеть на пашне за рулем трактора, чем за столом переговоров с белыми властями.

Ну и зачем им эта земля? Что за первобытно-общинная феодализация? Давно пора бороться за место в Интернете, а они все по земле тоскуют.

Пришли наконец другие времена. Папа римский стал готовиться принести извинения жертвам инквизиции, американцы – истребленными индейцам, палачи сталинских времен – своим жертвам... Все скопом. Такая эпидемия острого разбухания совести!

Новая мода докатилась и до забытой Богом страны. В городе Вайтанги лейбористское правительство даже учредило судебную палату, и ситуация, наконец, изменилась: в стране появился орган, куда маори могли обратиться с жалобами и который имел право передать все их предложения правительству.

В качестве компенсации в 1999 году маори были переданы финансовые средства и земли на общую сумму в 170 миллионов долларов. Правительство Новой Зеландии и даже лично королева Елизавета II принесли формальные извинения за совершенные в прошлом

беззакония. Однако фактически Те Ата-и-Рангикааху до сих пор остается королевой не только без короны, но и без страны...

Население маори сейчас увеличивается быстрее, чем пакеха, и возрождение культуры маори оказывает сильное влияние на новозеландское общество. Одним из наиболее важных аспектов этого были усилия, предпринятые для интеграции маори и пакеха. Однако все попытки правительства урегулировать вопросы, связанные с финансовыми репарациями, выплачиваемыми взамен земель, утраченных маори, не увенчались успехом; эти вопросы до сих пор остаются открытыми на политической повестке.

Маори по-прежнему ненавидят белых; те отвечают им плохо скрываемой взаимностью. Если бы дурные лейбористы не ворошили старые раны, маори и дальше влачили бы свою лямку и кое-как потихоньку влились бы в существующее современное общество. Ведь только каждый десятый из них может говорить на своем древнем языке. Однако им стали бросать подачки, сама королева Елизавета II стала приносить извинения... Что может быть лучше столь благодатной почвы для роста национального самосознания, для молодого безудержного духа, желающего крушить и громить все, что попадет под руку, а повод всегда найдется?

Пакеха созрели до извинений? У них разболелась совесть? А в маори бродит кровь их предков. Белые хотят по-хорошему? Не будет им по-хорошему. Устроим им вторую Южную Африку!

Замесим наше возрождение на крови! Вперед!
Победа или смерть, а лучше и того и другого, и
можно без хлеба!

Глава 11. Зачем Джону Смиту проломили череп?

Как водится, каждый год шестого февраля маори устраивают настоящие волнения – протестуют в день подписания Соглашения Ватанги. Иногда в демонстрациях протеста участвует более десяти тысяч человек. Они размахивают своими «флагами суверенности» с белой полосой и характерно закрученной спиралью между темной полосой сверху и красной снизу. Нередко они пытаются сбросить новозеландский флаг и заменить его своим.

И в этом году страсти накалились до предела. Когда полиция попыталась арестовать наиболее активных протестантов, толпа заорала: «Fuck off, this is our land!»⁵ и бросилась на полицейских, кидая в них камни и комья грязи. В этот раз восставшим даже удалось заехать лидеру национальной партии в нос, после чего его увезли на амбулансе в больницу.

Кулаки маори сжимались крепко. Это словно о них в страхе шептал полумертвый Кафка: «Так крепко, как рука держит камень. А держит она

⁵ Отстаньте, это наша земля! (англ.)

его крепко лишь для того, чтобы швырнуть его как можно дальше. Но дорога приведет и в ту даль». А из дали той уже не будет пути назад!

Все эти волнения происходили и раньше, но в последние годы их масштаб увеличился настолько, что они стали вызывать серьезное беспокойство общественности.

«Доотдавались им землю!» – ворчали новозеландцы и, в общем, их недовольство было обосновано, поскольку до того, как больная на голову лейбористская партия не стала извиняться перед маори и раздавать им земли и деньги – все было более или менее тихо, а теперь в нарастающих волнениях можно было легко разглядеть интонации палестинцев и южноафриканцев, борющихся за свою независимость.

Просто поразительно, как в разных концах света повторяется одна и та же история. Какие-нибудь старинные обиды эксгумируются из могил истории и начинают диктовать логику сегодняшнего дня.

Из-за того, что англичане чего-то не поделили с людоедами сто шестьдесят лет назад, сегодня какому-нибудь Джону Смиту проломили череп. Ну а как иначе? Ведь каждый народ должен свободно самоопределяться! Пакеха, убирайтесь в свою Англию! И никого не волнует, что сын за отца не отвечает, а тем более правнук за прадеда, что эти самые пакеха живут здесь десять поколений, и все, что построено и создано в этой

стране, существует благодаря их упорному труду.

Происходит колоссальная подмена понятий. Совершенно упускается из виду, что события 1840 года нельзя мерить сегодняшними мерками. Тогда никому и в голову не могло прийти, что все люди равны, и что дикари-людоеды должны иметь право на самоопределение, которое они, вооружившись ружьями, кстати, понимали не иначе как самоуничтожение в результате междоусобиц.

Далее совершенно забывается, что эти бедные маори сами были хороши – убивали и съедали каждого, кто попадался, но теперь им, конечно, подавай свободу и самоопределение. Для чего? Чтобы, следуя своим вековым традициям, они снова вернулись к людоедству?

Да они уже и не готовы опускаться до взаимосъедения. Большинство из протестующих – студенты современных университетов, рабочие и служащие, водящие современные автомобили, платящие налоги и смотрящие по вечерам телевизор. Они говорят и думают по-английски, и поначалу пришли просто потусоваться, но когда полиция стала наедать, разумеется, пришли в ярость. Ну, и досталось какому-то Джону Смиуту, проходившему мимо. А что? Нечего шлаться по нашей земле!

Они молоды и им хочется громить. Иначе их жизнь скучна и безынтересна. Их лидерам хочется руководить. Иначе они лишь жалкие

трактористы, как их наспех назначенные короли. Журналистам хочется освещать очередной скандал. Иначе они просто бездарные писаки. Политикам нужно спекулировать на чувствах населения. Иначе их рано или поздно переизберут и отстранят от власти... Все заняты, все при деле. Все понятно. Но вот только зачем несчастному Джону Смиту проломили череп?

Причем кто проломил? Неясно. Полиция схватила пятерых человек и увезла в тюрьму, а Джона Смита – в морг.

Сначала все было очень весело. Самые крутые с татуировками на лицах в виде залихватских спиралей толкались особенно активно. Потом в ход пошли камни. Они летели в полицию и просто в прохожих. Их полет знаменовал собой вырывающееся наружу неизбывное стремление народа к свободе. Да, именно к свободе бесшабашного, ничем не спровоцированного убийства! Людям в толпе казалось, что их древние вожди спустились с небес и швыряют камни вместе с ними в ненавистных пакеха! Ах, что за потеха швырять камнями в пакеха! И не важно, что вчера и завтра мы снова будем работать с ними бок о бок, читать те же самые газеты, ходить в те же самые школы и смотреть те же самые телепередачи. Ах, какое волнительное чувство – метать камни в живых людей, и не просто из хулиганского порыва, а по велению зова предков. Это наша земля – земля длинного белого облака. Это наши облака, наш воздух, наша вода. По какому праву? Да по

такому, что наши предки приплыли сюда раньше ваших, убили и съели всех местных жителей, а вы оказались трусами и не смогли убить и съесть нас!

Ах, как хорошо чувствовать в себе дикарские приливы гнева. Убирайтесь с нашей земли! Проклятые пакеха! Справедливость на нашей стороне. Даже ваша жалкая королева извинилась перед народом маори за то, что нарушилась священная связь поколений, имеющих право на ту землю, которую они завоевали первыми, убив и съев предыдущих обитателей. Елизавета попросила прощения за то, что ее предки не сумели съесть наших предков!

Толпа дышала и жила своей отдельной, непонятной даже ей самой жизнью. Волны пьянящего возмущения прокатывались по ней то в одном, то в другом направлении. Это была сладкая минута апогея единения целого народа...

А потом Джону Смиту проломили череп...

Несправедливо? Конечно же, несправедливо. Полиция должна была позволить маори самоопределиться и по традиции съесть хотя бы сердце своей жертвы, следуя примеру их кумира, легендарного вождя Те Кохипипи, который как-то ночью страшно удивил своих врагов, убивших его дочь. О том, что он сделал, мы можем только догадываться, потому что известно: ранним утром он вырезал сердца у тех, кого убил, положил их в льняную материю и отправился домой. На полпути, в середине горной гряды, он

устроил себе привал, развел огонь и съел часть сердец. С тех пор, кстати, эта горная гряда называется Те-Аhi-Маnаwа-а-Те-Кohipipі (Огонь сердец Те-Кохипипи).

Какая славная история! Какие красочные легенды! Один только вопрос: зачем мирному гражданину Джону Смиту проломили череп в 2004 году?⁶

Так получилось... Когда речь идет о свободе народа, нечего думать о маленьких неприятностях. Но для Джона Смита эта «неприятность» оказалась большой! Почему, вместо того чтобы сидеть в кругу семьи за ужином, он лежит в морге с проломленным черепом? Когда мы найдем ответ на этот вопрос, пожалуй, настанет золотой век человечества и закончится многовековая эра под названием «Так получилось!»

⁶ История с убийством Джона Смита вымышленная, хотя выступления маори действительно имели место, и они действительно метали камни. Автор считает, что если маори продолжат бросаться камнями, они рано или поздно кому-нибудь разmozжат череп.

Глава 12. Никто не лишит тебя твоего моко

Сеня Вечнов тоже считал себя посторонним, нечаянно ушибленным пролетающим камнем по голове. Так или иначе, ему казалось, что он чувствует себя не намного лучше, чем Джон Смит, лежащий в морге с проломленным черепом. Иногда Вечнов думал, что с удовольствием поменялся бы с Джоном местами. Сеня не знал мистера Смита лично, но о нем весело рассказывали пятеро задержанных маори, которые в тюрьме вели себя как национальные герои и даже чуть не подрались, споря, кто же именно проломил Джону голову. Хотя на допросах их показания звучали диаметрально противоположно...

Для Сени начались дни, похожие один на другой, и ночи, тошнотные до омерзения. Днем – вывод на улицу с перерывом на обед, а ночью – придурки, воющие на луну. Приятным разнообразием были звонки от жены и родителей два раза в неделю, если позовут к телефону, и приход адвоката. Тогда его переодевали в омерзительный оранжевый комбинезон и вели в зал свиданий.

Потихоньку Сеня начал осматриваться. Тюрьму населяли в основном местные аборигены с татуированными рожами и слегка выпученными глазами, как правило, крепкие особи, или же другой тип – ирландско-арийский, впрочем, не меньшие ублюдки. Одни, разумеется, ненавидят других.

Маори на протяжении своей многовековой истории создавали неповторимые культурные ценности. Взглянув на своеобразные узоры на лицах, искусно изготовленные плащи, нефритовые нагрудные украшения и другие предметы маорийской культуры, можно, даже не будучи специалистом, определить их самобытную и своеобразную этнографическую принадлежность.

Колонизаторы пытались всеми средствами европеизировать коренное население, и это им в некоторой степени удалось. Сейчас в Новой Зеландии насчитывается тридцать тысяч маори. Они составляют всего шесть процентов от общего числа жителей страны и считают, что по отношению к ним все еще проводится политика насильственной ассимиляции. Поэтому татуировка на лице имеет для маори огромное значение. Один маори как-то сказал, а другие подхватили: «У тебя могут украсть все твои самые ценные вещи, но никто не лишит тебя твоего моко (татуировки)».

Моко на лице является для маори видимым воплощением их культуры, подтверждением ее неповторимости в мире, который становится все более европеизированным. Маори считают, что татуировка – наилучшее украшение. Характерная особенность рисунков маорийской татуировки – кривые линии и крупные спирали. Эти татуировки в виде спиралей и линий на лице маори рассказывают (тем, кто способен понять) историю жизни их обладателя, его генеалогию,

свойства характера. Причем они не ограничиваются изображением земной сферы назначения маори. Подразумевается их существование и после смерти, когда душа предстанет перед Высшим судом. Знатные мужчины татуируют все лицо, а тело – от талии до колен. Женщины татуируют только подбородок, губы и иногда делают небольшие рисунки на лбу и щеках. Бальмонт как-то писал: «Если бы я должен был ответить, что произвело на меня самое сильное впечатление, я ответил бы – упоительные глаза маорийских женщин и их татуированные лица».

Сеня не мог вполне оценить эстетическую суть внешнего вида аборигенов, ибо ему явно не до того было... Однако он потихоньку начал общение и с теми и с другими. Почвой для сближения стали шахматы. Хохлов держали вместе с Сеней, и они по-прежнему цеплялись за него.

К удивлению Сени, в тюрьме было еще два израильянина, Ицик и Коби. Они вели себя замкнуто, но с Вечновым все же общались на иврите. На вопросы, за что их задержали, они несли что-то бессвязное про благотворительную деятельность, и что они – невиновны.

В тюрьме обычно встречается два типа людей: либо они невиновны, либо, наоборот, великие бандиты, которые совершили всё, что только можно вообразить, включая угон космического корабля на Марс.

Была здесь и группка филиппинцев, которые держались подальше от одного из своих, с зверской рожей. Когда однажды кто-то из филиппинцев назвал этого человека «Каматаян», Коби с Ициком почему-то пришли в чрезвычайное волнение и долго шептались между собой.

Сеня расслышал только приглушенные вскрики Коби: «Нишба леха, ани зеити ото!»⁷ А потом оба бросились звонить своему адвокату.

Во дворе, где заключенные дышали воздухом, были телефоны-автоматы, и можно было позвонить по разрешенным властями номерам. Грузинский еврей, очень зазнавшийся и физически крепкий мужчина лет пятидесяти, живший в Австралии, но попавшийся на торговле наркотикам в Новой Зеландии, поведал Вечнову, что, имея код специальной карты международных звонков, можно звонить на коммутатор, а оттуда куда хочешь, и дал ему попробовать. Сенья позвонил жене, и это была его первая победа над системой.

Один местный мусульманин сказал Сене, что джихад – это ежеминутная борьба за жизнь. Так начался Сенин джихад.

Привилегии – это то, что определяет уровень жизни вообще, а в тюрьме и подавно. Вечнов начал активно их добиваться. Первым делом он заставил адвоката принести ему коды карт

⁷ Клянусь тебе, я его узнал! (ивр.)

международной связи, чтобы он мог звонить домой, поскольку передать сами карты было нельзя.

Звонки для Сени были счастьем и мучением. Он понимал, что его жизнь вот-вот может обрушиться. Ему грозил двадцатилетний срок заключения... Впрочем, не ему одному. Грузинский еврей тоже ждал суда. Ясно было, что для него приговор – это все равно, что смерть. Грозило ему, как и Сене, двадцать лет лишения свободы, а это значило, что из тюрьмы он вряд ли выйдет живым.

Во дворе Сеня нашел быков, увлеченно играющих в шахматы. К ним он и подсел. Предлагали играть на вещи и деньги, но Сеня был тверд и играл только просто так. Люди появлялись и исчезали, оставались только приговоры и названия тюрем. Многих, как потом оказывалось, отпускали. «Может, и меня выпустят?» – все еще надеялся Сеня, хотя понимал, что до суда шансов на свободу у него нет никаких.

Сначала отпустили филиппинцев, включая и таинственного Каматаяна. Их депортировали на родину.

Потом за недоказанностью вины отпустили маори, убивших Джона. Правительство не желало накалять страсти. Потом выпустили и израильтян Коби и Ицика, которые так и остались для Сени загадкой. «Прямо шпионы какие-то», – подумал Сеня...

По иронии судьбы Сенины хохлы попали в тот же блок, и еще смешнее было то, что ему приходилось за них заступаться. Они просили, чтобы Сеня повлиял на старуху и помог вернуть потраченные ими деньги. (Оказалась, что старуха взяла с каждого из них по семь с половиной тысяч долларов.) В какой-то момент они даже пытались шантажировать Сеню тем, что скажут, будто Сеня – главарь. Но Сеня доходчиво объяснил им, что он в свою очередь поведает сокамерникам, как они пытаются его заложить, а стукачей нигде не любят.

Через три недели состоялось предварительное слушание...

Глава 13. Правосудие прессы

Как это ни удивительно, новозеландским властям довольно быстро удалось установить личность Каматаяна. Один из филиппинцев по имени Думлао⁸ на допросе во время следствия о незаконном пересечении границы все-таки рассказал правду, в надежде, что Каматаяна надолго упекут в тюрьму, а может, и казнят. Каматаян в суматохе на палубе тонущего судна застрелил его брата Мангалапа⁹, и филиппинец

⁸ Филиппинское имя, на диалекте Посапо означающее «быть удивленным».

⁹ Филиппинское имя, на диалекте Посапо означающее «рыбак».

просто не мог промолчать. Ему было плевать, что Каматаян наверняка исполнил бы свои угрозы, – кровь убитого брата взывала к мести. Увы, Думлао не знал, что еще в 1961 году смертная казнь в Новой Зеландии была отменена. Этот приговор обычно применялся как раз за такие преступления, как убийство, пиратство и государственная измена. Но с тех пор как в Окленде в 1842 году первым в истории страны был казнен маори по имени Макету, в Новой Зеландии казнили нечасто, и всегда через повешенье. Запрет смертной казни давно был на повестке дня лейбористской партии, и в конце концов ей это удалось.

Новость, что ими задержан известный террорист и пират Онель Сарау по кличке Каматаян, не очень обрадовала новозеландские власти. Террористическая исламистская группировка «Абу-Яфай», в которой состоял Каматаян, никогда не готовила терактов против Новой Зеландии и ее граждан. Задержание и суд над Каматаяном означали, что эта организация неизбежно начнет терроризировать Новую Зеландию, требуя его освобождения. Следуя своим традициям, террористы начнут захватывать новозеландские самолеты, взрывать бомбы на улицах Окленда и Веллингтона. В дополнение к недавним волнениям маори это было как раз то, чего не хватало пошатнувшемуся лейбористскому правительству...

Власти решили, что, возможно, филиппинец, рассказавший, что его сокамерник не кто иной, как Каматаян, ошибается. Это было нетрудно проверить, связавшись с Интерполом и филиппинскими властями. Но тогда пути к отступлению были бы отрезаны.

Несмотря на то что Новая Зеландия воспринимается в мире как развитая и сильная страна, это всего лишь маленькая нация с населением, равным по численности населению города средней руки. Ее экономика просто не выдержала бы борьбы с терроризмом, которой ей пришлось бы неизбежно вкусить в полной мере, если бы она решилась заявить, что в ее руках находится сам Каматаян.

По неофициальным каналам информация дошла даже до премьер-министра. В те годы Новая Зеландия наслаждалась властью женщины, премьер-министра от лейбористской партии, эдакой Маргарет Тэтчер в новозеландском варианте.

Новая Зеландия – маленькая мирная страна, и ей совершенно не нужно давать себя втягивать в мировые коллизии. Один неосторожный поступок – например, заявление о задержании легендарного террориста – и это государство превратится в удобную мишень для террора.

Премьер-министр в ответ на доклад о задержании Каматаяна сказала, что она не намерена ставить на карту судьбу страны из-за свидетельских показаний какого-то нелегального

филиппинского иммигранта и что с ее точки зрения вопрос закрыт. Так или иначе, но было принято секретное решение просто проигнорировать свидетельство филиппинца и всю группу депортировать из страны, не предъявляя им никаких обвинений¹⁰.

Три дня спустя филиппинцы, включая Каматаяна, были высланы из страны.

Премьер-министру нужно было каким-то образом отвлечь общественное внимание от волнений, связанных с выступлениями маори, но пользоваться задержанием Каматаяна для такой цели было бы все равно, что пытаться тушить огонь бензином.

¹⁰ Сюжетная линия о Каматаяне полностью вымышленная и создана исключительно в литературных целях. Заявляя это, автор освобождает себя от возможных обвинений в клевете на премьер-министра Новой Зеландии, поскольку не горит желанием вкусить прелести новозеландского правосудия.

Не исключалась возможность, что маори каким-то образом начнут сотрудничать с исламистами, объединившись против администрации.

Кроме того, премьер-министр не верила, что это действительно был Каматаян. Уж слишком

невероятно, чтобы Каматаян – звезда террористического мира – приплыл на весельной лодке и высадился на пляж, притом у него не было найдено никакого оружия.

– Просто поразительно, какие только глупости доводятся до моего сведения! Завтра мне доложат, что на Южный остров высадились марсиане... – возмущалась премьер-министр.

Для отвлечения общественного внимания нашелся более удобный и безопасный повод. Недавно новозеландской полиции попались два израильтянина, агенты Масада, пытавшиеся использовать полностью парализованного инвалида для получения новозеландского паспорта.

Лейбористы побеспокоились, чтобы вся новозеландская пресса разразилась криками проклятия в адрес израильской разведки. Премьер-министр осудила Израиль и наложила на него дипломатические санкции.

– The breach of New Zealand laws and sovereignty by agents of the Israeli government has seriously strained our relationship with Israel¹¹, – заявила премьер – министр. – Такой тип поведения неприемлем со стороны любой страны. И снова Израиль совершил подобные действия в отношении страны, с которой он имел дружеские отношения, – добавила она.

¹¹ Нарушение законов и суверенности Новой Зеландии агентами израильского правительства серьезно повредило нашим отношениям с Израилем.

Встречи на высшем уровне между двумя странами были отменены. Визовый режим в отношении официальных израильских лиц был ужесточен, и визит президента Израиля Мошэ Кацава, который планировался в 2004 году, был отменен. В своих публичных выступлениях премьер-министр заявляла, что Израиль проигнорировал требование новозеландского правительства дать разъяснения по поводу действий его агентов. От Израиля не поступило никаких извинений.

Новозеландская пресса была вне себя. Страсти накалились так, словно Израиль высадил на побережье Новой Зеландии несколько десантных батальонов. Еврейская община, испуганно поджав хвост, следила за разворачивающейся антиизраильской кампанией, плавно и привычно перетекающей в антисемитскую.

Уже начались надругательства над еврейскими памятниками и в воздухе зазвучали типичные антисемитские возгласы. Слабые попытки министра иностранных дел Израиля нормализовать отношения потонули в море брани со стороны новозеландской прессы.

Израилю припомнили всё, что только могли. Пресса надрывалась, что Масад часто обвинялся в использовании поддельных паспортов для проведения «операций точечного уничтожения» за границей, особенно в странах, въезд в которые для израильтян был закрыт. Вспомнили убийство ни в чем неповинного официанта в Норвегии, которого агенты Масада приняли за исламского

террориста. Приводили в пример и инцидент 1997 года, когда агенты Масада использовали поддельные канадские паспорта при попытке покушения на лидера крупной террористической организации. Тогда Канада даже решила выслать посла Израиля в Канаде и не успокоилась до тех пор, пока не получила извинения и официальные заверения от Израиля, что подобная практика больше не повторится.

У Новой Зеландии не было доказательств, что два задержанных израильтянина действовали с согласия израильского правительства, а также что они действительно были агентами Масада. Именно поэтому Израиль долгое время не реагировал на предъявленные обвинения. Но когда кампания против Израиля стала принимать совершенно непропорциональные масштабы, Иерусалим предпринял попытку нормализовать отношения, однако не признавая и не отрицая того, что речь шла о его агентах.

На самом пике скандала газеты внезапно замолчали и как по мановению волшебной палочки разразились новой сенсацией: «Израильтянин пытался незаконно ввозить украинцев с поддельными паспортами в Новую Зеландию!» Пресса прекратила атаковать Израиль на государственном уровне и переключилась на обсуждение того, как израильская мафия проникает в Новую Зеландию и занимается контрабандой людей!

В центре внимания оказался не кто иной, как Семен Вечнов. О нем писали как о типичном

представителе еврейской мафии и даже ее руководителе. Он представал чуть ли не страшным бандитом-работоторговцем, который везет в трюмах своих пиратских судов несчастных украинских рабочих. Очень хвалили лейбористскую администрацию за то, что в 2002 году своевременно был проведен новый закон, карающий за подобную деятельность двадцатилетним сроком заключения и штрафом в полмиллиона долларов.

Самое главное, что в течение почти полугода, пока длился этот шум в прессе, новозеландским журналистам, лояльным к курсу правительства, удалось заставить население полностью забыть о февральских волнениях маори, и новозеландская общественность так и не получила ответ, зачем же все-таки Джону Смиту проломили череп... Более того, никто, в общем, и не заметил, что полиция так и не установила, кто же был повинен в этом убийстве, и что все замешанные в этой истории маори были освобождены из-под стражи за отсутствием доказательств причастности к убийству.

Семен Вечнов пребывал в счастливом неведении, все еще думая, что речь идет о досадном недоразумении, но пресса вынесла ему приговор еще даже до первого заседания суда, и теперь суду только оставалось подтвердить версию прессы.

Глава 14. Разножанровые спектакли

Только побывав в аду, можно вполне постичь всю радость рая. Нам, парящим над землей, не страшен бурлящий внизу океан с его гигантскими волнами, перекатывающимися через целые острова. Мы легко воспаряем еще выше, и земля уже кажется каким-то кадром из фантастического фильма. А дальше нас встречают ангелы с серьезными лицами и проводят к свету, в который мы вольемся так, что станем частью его, но при этом не утратим свою индивидуальность! А свет, тот изумительный свет, в который мы войдем, – огромен, он заливает все уголки невидимой вселенной, в коей мы в действительности живем, сами того не осознавая, и в которую мы наконец возвращаемся, расставшись со своей земной юдолью...

Ицик и Коби побывали во всех разновидностях ада. Они попадали нередко, казалось бы, в абсолютно безвыходные ситуации. Новозеландская тюрьма отнюдь такой безвыходной ситуацией не считалась. Для них это была, скорее, одна из разновидностей рабочей неурядицы, которая встречается в любой профессии. У плотника сломался рубанок, мясник случайно полоснул сам себя ножом по руке, разведчик засветился. С кем не бывает!

Однако такого полномасштабного скандала в результате столь невинной попытки заполнить

новозеландский паспорт ни Ицик с Коби, ни их руководители не ожидали.

Удача повернулась к Масаду лицом, когда Коби удалось опознать известного террориста Каматаяна. Израильтяне немедленно сообщили через своего адвоката почетному консулу Израиля в Новой Зеландии, а тот передал в Центр, что новозеландцами задержан не кто иной, как сам Каматаян, и что новозеландцы, похоже, либо не понимают, кто у них в руках, либо намеренно игнорируют этот факт, иначе они вряд ли держали бы этого убийцу вместе с другими заключенными.

– Я точно вам говорю, это – Каматаян. Когда я служил в отделе «Агав мизрах ха-рахок»¹², мне приходилось видеть его фотографии, и я хорошо знаю, как выглядит татуировка членов террористической организации «Абу-Яфай». Точно такую татуировку я разглядел у него на плече. Ошибки быть не может! – шептал Коби своему адвокату.

– Хорошо я все передам, – соглашался адвокат.

Пока Израиль по дипломатическим кругам пытался сообщить новозеландцам столь замечательную новость, Каматаяна уже отпустили, и это стало главной козырной картой в руках Израиля против оголтелой антиизраильской кампании, развернувшейся в Новой Зеландии. Кроме того, израильтяне

¹² Дальневосточный отдел (ивр.)

рассчитывали таким образом освободить своих ценных сотрудников Ицика и Коби, аккуратно шантажируя Новую Зеландию тем, что представят убедительные доказательства того, что те отпустили террориста с мировым именем.

Дело опять было доведено до сведения премьер-министра Новой Зеландии, и она решила, что, несмотря на то что у израильтян вряд ли есть доказательства, Новой Зеландии нежелательно оказаться в центре таких обвинений, и кроме того, задержание израильтян уже было использовано прессой на все сто процентов и теперь, в общем, удерживать их не было особого смысла. Наказывать их тоже было бесполезно, потому что для разведчиков это всего лишь рабочие будни, и если завтра их снова пошлют на задание, то сколько их ни наказывай, они все равно пойдут и совершат точно такое же преступление.

Было необходимо лишь тихонько сыграть удачный спектакль в суде, а чтобы общественность не возмутилась легкостью наказания, найти нового козла отпущения для продолжения антисемитской кампании.

Не то чтобы премьер-министр Новой Зеландии была антисемиткой. Просто любой трезвомыслящий политик пытается использовать те политические инструменты, которые легче всего смогут помочь ему прийти к власти и эту власть удержать. Антисемитизм оказался самым удобным из таких инструментов. Обширная мусульманская община была довольна, маори –

забыты, а с евреями в Новой Зеландии, как, впрочем, и в большинстве других стран, мало кто считался, потому что они ведь «разумные люди» и по мере надобности, если их потом приласкать, то они всё забудут и простят. Кроме того, премьер-министру очень не хотелось встречаться с президентом Израиля. Она всеми силами пыталась держать себя и свою страну вне арабо-израильского конфликта, а встреча с президентом могла вызвать большое недовольство местных — и не только местных — исламистов.

— Почему эти двое не были изолированы?! — говорила она с возмущением. — Как можно допускать, чтобы израильские шпионы продолжали шпионить даже в тюрьме?

Хотя премьер-министр и сама знала, что с местами в новозеландских тюрьмах туго, но иметь двух шпионов в общих камерах — все равно, что содействовать израильской разведке в вербовке новых кадров. Однако она также отдавала себе отчет, что тяжесть преступления израильтян все равно не позволяет упечь их на долгий срок в одиночку. Ведь прямых доказательств шпионажа не было, потому что израильтяне, которые, кстати, не признавали за собой никакой вины и всё отрицали, в любой момент могли согласиться с обвинением, но только частично, заявив, что действительно пытались получить новозеландский паспорт обманным путем — правда, только в личных

целях, — и доказать их связь с израильской разведкой будет очень проблематично.

Да и Израиль не отстанет, потому что он всегда фанатично борется, или, по крайней мере, делает вид, что борется за своих людей. Израиль готов угробить сто солдат для освобождения двух. Такая у них математика.

Основывать свое обвинение в шпионаже на том, что Коби с Ициком уже светились как шпионы, было бесполезно, потому что официально ни одному суду мира пока еще не удалось обвинить их в шпионской деятельности, хотя ни у кого в мире не вызывала сомнения их профессиональная принадлежность. Кроме того, каждый раз отправляя их на задание, Израиль снабжал своих агентов совершенно настоящими израильскими паспортами на новые имена.

Между тем еще по кипрскому скандалу весь мир знал, что Коби и Ицик охотятся на одного известного главаря террористов и что, несмотря на свои провалы, работу эту с них никто не снимал, и если им поручили его убрать, то не мытьем так катаньем они его уберут. Упрямство считалось второй натурой израильской разведки.

Новая Зеландия не имела никакого отношения к этим разборкам и хотела поскорее избавиться от неудобных гостей.

Чтобы не отвечать Израилю на его шантаж и тем самым не скомпрометировать себя, решили вместо ответа просто вытолкнуть израильских шпионов из страны, да поскорее.

Их срочно привезли в зал суда и устроили скороспелый фарс.

— Как вы можете объяснить ваши действия? — задал вопрос судья, на что Ицик ответил:

— Благотворительная деятельность. Мы пытались помочь мистеру Мак-Дарсону исключительно на основании гуманных побуждений. Мистер Мак-Дарсон ведет весьма замкнутую жизнь, и мы хотели в качестве сюрприза приобрести для него морской круиз с заходом в порты Австралии и Индонезии.

— Почему же вы прикрепили вашу собственную фотографию на прошение о заграничном паспорте?

— У нас просто не было под рукой фотографии самого мистера Мак-Дарсона. А затягивать с круизом мы не хотели... Зима в этой части света — самый лучший сезон для путешествий. Да и как мы могли достать фотографию мистера Мак-Дарсона? Ведь тогда бы не получилось сюрприза! А пользоваться обманными способами мы не хотели, потому что уважаем закон.

— Как вы сами квалифицируете свои действия? — спросил судья.

— Возможно, нам не следовало делать то, что мы сделали без согласия самого мистера Мак-Дарсона, но тогда бы не получилось сюрприза... Мне кажется, речь идет о недоразумении...

— Работаете ли вы на какую-либо разведку мира? — неожиданно строго спросил судья.

– Разумеется, нет! – был ответ израильтян.

– Вы хотите что-нибудь добавить в свое оправдание? – спросил судья перед тем как удалиться для вынесения приговора.

Коби очень хотелось рассказать трогательную историю про бедную Генриетту, но он понимал, что эта история здесь совсем ни к чему, хотя и вряд ли повредит. Израильтянам уже доложили через адвоката, что Центр побеспокоился подготовить почву для их освобождения, и поэтому даже если бы Ицик публично назвал судью идиотом, результат процесса был бы тем же...

Судья присудил израильтянам самую мягкую меру пресечения – шесть месяцев тюрьмы, которые они уже отбыли в течение своего предварительного заключения, и поэтому Ицик и Коби были высланы из страны через несколько дней после суда.

Теперь, как уже говорилось, лейбористской партии нужно было придумать продолжение антиизраильской кампании, и дело Вечнова показалось наиболее подходящим.

Сам Вечнов не стремился связываться с израильскими представителями. Как только он понял, что его обвиняют в использовании фальшивых израильских паспортов для контрабанды людьми, он решил, что будет целее, если не станет посвящать израильское консульство в эту темную историю. Тем более, что оказалось, что паспорта не просто

фальшивые, – они были изготовлены на бланках паспортов определенной серии, которые были похищены в Израиле в 2003 году. Так что подключение израильских властей могло грозить еще большими неприятностями, например дополнительным сроком в израильской тюрьме по освобождении из новозеландской.

Еврейская община Новой Зеландии сразу отмахнулась от Семена Вечнова, заявив, что в настоящий момент антиизраильские настроения настолько сильны, что они не станут защищать какого-то контрабандиста живым товаром. Повсюду громили еврейские кладбища и в воздухе носились нацистские лозунги...

Таким образом, Вечнов оказался весьма удобной мишенью, потому что никто не собирался за него заступаться, а возможность показательного процесса над израильским «мафиози» была очень перспективной.

Дома у Сени разыгрывался отдельный спектакль, и если в Новой Зеландии жанр его можно было определить как «горький фарс», то в Израиле иначе как трагедией происходящее назвать было нельзя. Дома никто не понимал, что произошло, жена обвиняла Сеню во всех смертных грехах, начиная с простого непослушания, родители прощались с Сеней навсегда.

Вечнов вынужден был заниматься не своим благополучием, а успокаивать родных. По голосу жены Сеня понимал, что она постоянно пьяна, и

это только распаляло ее злость и приносило Вечнову дополнительные муки. Ведь у него в Израиле двое маленьких детей... с вечно пьяной матерью.

Утром в день судебного заседания Сеню выпустили из клетки рано – умыться и поесть. Но какое там поесть, когда тошнит и пробирает понос!

Было прохладно, и на нем была хорошая курточка, купленная в Киеве за немалые деньги.

Дальше – наручники, камера сортировки и кузов минибуса со следами окурков, надписями и засохшей кровью. Сеню застегнули вместе с русым крепышом, похожим на Сеню телосложением, но с отвратительной рожей. Напротив посадили индуса и какого-то нездорового вида мужика, на лице которого читалась вся история его тюремного прошлого.

Через несколько минут началось представление. Сначала двое, сидящие напротив Сени, пытались обобрать тощего индуса, сняли с него часы, обручальное кольцо и свитер. Сенин сосед ухватился за его куртку и заявил:

– Снимай!

Вечнов сказал ему:

– Отвали!

Тогда крепыш начал лупить Сеню локтем, тот поначалу пытался увернуться, а потом, как мог, стал отвечать на удары.

На сотый удар и в сотый раз произнесенное «отвали» сосед, видно, устал и немного успокоился. Конечно, Сеня не мог избить его – сосед был физически сильнее, а напротив сидели его разыгравшиеся приятели. Но в итоге потасовки это быдло заявило, что ему нравится Сенин стиль поведения, а Вечнов – с разбитым ухом, губой и глазом, но в своей куртке – вошел в клетку ожидания суда.

Находясь в легкой контузии, Сеня сообщил своему адвокату, что его избили и что он с трудом соображает. Адвокат ответил, что можно отложить заседание, но Вечнов попросил поскорее решить вопрос, потому что не было никакой гарантии, что его не побьют и в следующий раз.

Вот в таком виде Сене пришлось предстать перед судом.

Он мучительно размышлял, следует ли ему признать себя виновным, или нет. Сеня был уверен, что не совершил ничего такого, за что его действительно могли бы осудить. Кроме того, он видел, что несознающихся все время отправляют на допрос, и они дожидаются суда по году и больше. Кроме того, насколько ему было известно, в обвинении говорилось только о помощи хохлам, а конкретно ему вменялось обучение хохлов ивриту, покупка билетов и помощь в заказе гостиниц. В этих действиях, которые отрицать было практически невозможно, Сеня не видел ничего

криминального. Ну кто мог подумать, что всю эту ерунду можно объявить преступлением века?

Глава 15. Сеня в стране чудес

«Королева против Вечнова», – прозвучали официальные слова начала уголовного иска, и Сеня подумал, что стал героем «Алисы в стране чудес».

«Только про меня надо будет написать книжку «Сеня в стране чудес». Жаль, Кэрролл не дожил до такого славного часа! Надо же, какая я важная персона, что у Ее Величества лично со мной имеются разборки!» – подумал Сеня и усмехнулся. Казалось бы, ситуация плохо подходила для сарказма, по крайней мере с его стороны, но в арсенале Сени ничего, кроме сарказма, больше не оставалось, и он не смог устоять и вспомнил детскую книжку про Алису, впрочем, с такими недетскими поворотами сюжета... «Скорее бы кончили судить и подали угощение! – припомнил Вечнов мысли Алисы. – Вот и меня скорее бы кончили судить...»

Процесс только начинался, и поэтому у Вечнова особых надежд на быстрое его завершение не было, и он, как и Алиса, начал смотреть по сторонам, чтобы как-то скоротать время.

Раньше Сеня никогда не бывала в суде, хотя и читал о нем в книжках. Ему было очень приятно, что почти все здесь было ему знакомо.

«Вон судья, – сказал про себя Сеня. – А это места для присяжных, – подумал он, – а эти двенадцать существ, видно, и есть присяжные, – ему пришлось употребить точно то же слово «существа», что и Алисе, потому что рожи у присяжных показались Сене похожими на зверюшек и птиц.

Присяжные меж тем что-то быстро строчили.

– Что это они пишут? – шепотом спросил Вечнов у адвоката. – Ведь суд еще не начался... Что же, присяжные записывают свои имена? Боятся, как бы не забыть их до конца суда? – пошутил он,

опять же следуя традиции всех попадающих под суд в стране чудес.

Адвокат не понял шутки или сделал вид, что не понял.

– Это не присяжные. Это журналисты! – недовольно ответил он.

А судья вдруг строго произнес:

– Не шуметь в зале суда!

Сеня замолчал.

«Воображаю, что эти журналисты там понапишут до конца суда! – подумал он и пощупал нос, не сломан ли. Побой удивительно отвлекают от торжественности момента. – Интересно, а что сейчас делает королева? Вот ведь, наверное, почивать изволит в своей королевской постельке и не знает, что от ее имени эти квакающие ублюдки собираются осудить ни в чем не повинного человека...»

То, что все бывшие доминионы Великобритании по-прежнему считают английскую королеву главой своих государств, звучит несколько непривычно и старомодно для постороннего, особенно когда дело доходит до суда и в заглавии иска ставится старинная, давно утратившая всякий смысл фраза «Королева против...». Эта фраза превращает любое судебное заседание в подобие горького фарса с точки зрения постороннего. А Сеня Вечнов и чувствовал себя именно таким посторонним. Ему припомнился «Посторонний» Камю, и в душе

внезапно разлился тревожный, шипящий по краям мрак... Много лет назад эта книга, которую он случайно прочел, произвела пренеприятнейшее впечатление. И вот теперь нехитрый сюжет снова пришел на ум. Главный герой Камю – человек, не желающий оправдываться. Он предпочитает то представление, которое люди составили о нем, и умирает, приговоренный к смертной казни, довольствуясь собственным сознанием своей правоты. «Нет уж! – сказал себе Сеня. – Меня не устраивает роль постороннего...».

Уже несколько месяцев Сеню ни на минуту не отпускало отвратительное чувство закончившейся жизни. Он ощущал себя словно бы измазанным в помоях, нечистым, каким-то неживым. Ему по-прежнему казалось, что тогда этот проклятый самолет все-таки разбился, и он стал героем бесконечного кошмара. Все окружающее было чуждым до омерзения. Солнце во время прогулок в тюремном дворе, несмотря на конец зимы и начало весны, палило так сильно, что на коже немедленно появлялись волдыри от ожогов. А ночью ему так и не довелось побывать снаружи, так и не удалось увидеть созвездье Южного Креста. Поэтому ему и не верилось, что он в Южном полушарии. Ему казалось, что он находится в одной из разновидностей скучного ада.

«Нельзя раскисать», – попробовал сконцентрировать свое внимание на происходящем Вечнов. Но внимание

рассеивалось. Он с трудом понимал, о чем говорилось в зале суда, особенно этот отвратительный новозеландский акцент. А тут еще нужно было быстро улавливать редко употребляемые и тяжеловесные слова юридического лексикона. Ну а когда эти слова произносятся с покатым «r» или когда посторонний сталкивается с произношением слов типа «чек» как «чиик»¹³, вместо «again» – «ageen», вместо «day» – «die»¹⁴, – понять их вообще невозможно.

Когда обвинитель произнес, что обвиняемый предстает перед судом сегодня, для Сени это прозвучало «обвиняемый предстает перед судом, чтобы умереть», и его пробил холодный пот от сюрреализма такой фразы и нестерпимого сходства с повестью Камю «Посторонний».

Вечнов встряхнул головой, собрался с силами и стал внимательно слушать обвинителя. Тот монотонно излагал Сенину историю в интерпретации новозеландских следователей.

– ...в 2003 году три гражданина Украины пришли к соглашению с пособником обвиняемого (обвиняемый – гражданин Израиля), что они помогут украинцам незаконно иммигрировать в Новую Зеландию. Каждый из них заплатил по семь тысяч восьмьсот

¹³ Вместо слова «чек» – «щека».

¹⁴ Слово «день» звучит как «умирать».

американских долларов пособнику обвиняемого, и в их распоряжение были предоставлены фальшивые израильские паспорта.

«Черт побери, если бы я только знал, с кем связался...» – мысленно запричитал Сеня.

– ...три украинца знали, что они не могут получить визы на въезд в Новую Зеландию законно, пользуясь своими украинскими паспортами, но им было известно, что обладатели израильских паспортов в визе для въезда в Новую Зеландию не нуждаются. Им также пообещали предоставить гида, который поможет добраться до Новой Зеландии и найти жилье и работу. Обвиняемый должен был выполнять роль такого гида. В январе 2004 года обвиняемый был представлен украинцам в Киеве. Им было обещано, что гид встретит их в отеле в Таиланде через несколько дней. Поездки в Таиланд и внутри Таиланда были организованы пособником обвиняемого, а также обвиняемому должны были быть переданы семьсот американских долларов для приобретения билетов из Бангкока в Новую Зеландию. Украинцы были действительно встречены обвиняемым в Таиланде, и он сопровождал их в город Паттайю в рамках тура, приобретенного пособником обвиняемого.

– Что за чушь! Как можно так интерпретировать совершенно невинные действия? Откуда я знал, что собираются делать эти ублюдки? Так можно осудить таксиста, подвозившего убийцу на место преступления... – заговорил Сеня, но его грубо

прервали и предупредили, что выведут из зала, если он не замолчит, а слушание продолжат без него.

— ... обвиняемый собрал у украинцев паспорта, а также деньги на билеты. Он приобрел билеты в Новую Зеландию и, пользуясь своей кредитной карточкой, забронировал гостиницу в Новой Зеландии. В Таиланде обвиняемый обучал украинцев фразам на иврите, а также израильским традициям, предоставил им израильские газеты, а также инструктировал, что им следует отвечать, если их будут допрашивать новозеландские власти. Третьего февраля 2004 года обвиняемый и три украинца пытались сесть на самолет, летящий в Новую Зеландию через Австралию, однако им было сказано, что у них нет транзитных виз через Австралию, и поэтому обвиняемый обменял билеты на маршрут через Гонконг. По прибытии в Окленд новозеландскими властями было установлено, что три израильских паспорта являются фальшивками, изготовленными из бланков паспортов с серийными номерами, соответствующими номерам серий более трехсот бланков, похищенных в Израиле в 2003 году.

Во время следствия обвиняемый признал себя виновным в совершении преступных действий, предусмотренных первой частью параграфа под литерой «С» 98-й статьи Уголовного кодекса Новой Зеландии (Crimes Act) от 1961 года, касающейся контрабанды мигрантов.

Обвинение просит суд назначить меру пресечения в виде лишения свободы сроком на семь лет.

– Семь лет? – вскрикнул Сеня Вечнов.

Дело в том, что в конце следствия ему через адвоката предложили сделку: если он признает себя виновным, то его, возможно, депортируют из страны сразу после суда, назначив срок, который он и так уже отсидел. В противном случае обвинение угрожало требовать от суда меры пресечения в размере двадцати лет по всей строгости закона. Вечнову тогда показалось, что выбора у него нет...

– Тишина в зале! – постучал молоточком судья, но Сеня уже более ничего не слышал. Его глаза наполнились слезами. Как он мог так попасть! Ему захотелось, как Алисе, вырасти до потолка и смять всех присутствующих, как игральные карты... Но реальность диктовала свои законы.

В перерыве ему удалось перемолвиться несколькими словами с адвокатом, и тот попытался его успокоить, что все идет нормально, что обвинение не могло попросить меньшего срока, потому что к этому обязывает статья, но его чистосердечное признание будет принято во внимание, и договоренность останется в силе. Иначе обвинению придется требовать применить пункт В и пункт F той же 98-й статьи. На вопрос, что это за пункты, адвокат пространно и охотно пояснил, что именно они и были добавлены в Уголовный

кодекс Новой Зеландии в рамках поправки, принятой в 2002 году. Эта поправка добавляла два дополнительных правонарушения – контрабанда людьми с риском для их жизни или при помощи введения их в заблуждение, а также к нему могли применить и пункт А, который касался связей с организованной преступностью. Тогда ему грозили двадцать лет лишения свободы и штраф до полумиллиона долларов. По словам адвоката, эта поправка должна была привести новозеландское законодательство в соответствие с обязательствами Новой Зеландии перед Конвенцией Организации Объединенных Наций против международной организованной преступности.

– Так что же, вы рекомендуете мне признать себя виновным на суде? – сиплым голосом спросил Вечнов адвоката.

– Решение, безусловно, должно быть за вами, но сложившиеся обстоятельства требуют принятия взвешенного решения, – был ответ адвоката.

После перерыва судья вызвал Сеню с переводчиком и спросил, помогал ли он украинцам.

Сеня сказал, что да.

– По трем пунктам? Помощь в иврите, помощь в покупке билетов и помощь в бронировании гостиницы?

– Да, – ответил Сеня.

Потом адвокат что-то мямлил о понимании содеянного и раскаянии, о семье и детях, о родителях и далекой стране, а прокурор говорил, что Вечнов отказывался от показаний и раскаяние его неискреннее.

Раздался стук молотка, и Вечнову объявили, что слушание состоится в апреле в высшем суде. (Как потом выяснилось, высший суд по статусу дает более строгий приговор, и его адвокат мог не соглашаться с этим и требовать замены статьи на менее тяжкую, например на помощь в нарушении иммиграционных законов, где максимальный срок не двадцать, а семь лет. И тогда за исходную точку рассматривали бы меньший срок. Но кто об этом знал тогда?)

В этот день на заседании более ничего примечательного не происходило. Вернувшись в тюрьму, Сеня поделился своими переживаниями с грузинским евреем, который до сих пор ожидал своего суда: свидетели по его делу один за другим то пропадали без вести, то кончали жизнь самоубийством, и слушанье постоянно откладывали. Тот посоветовал ничего не признавать. Он сказал:

– Никогда не признавай себя ни в чем виновным! Слышишь? Никогда!

Однако Вечнов подумал, что вряд ли разумно следовать советам наркоторговца и явного мафиози.

Он вспомнил Ицика и Коби, которых давно уже отпустили. Они, наоборот, говорили, что смысла

кормить заключенных новозеландским властям нет никакого, и если сотрудничать с ними во всем, они поскорее вытолкнут тебя из страны. Израильтяне рассказали, что многие жители бедных наций специально отправляются в более богатые страны, чтобы посидеть в тюрьме и отъесться. Ицик с Коби вызывали у Вечнова больше доверия, и он склонялся к их советам. Ведь они уже были на свободе, а грузинскому еврею грозил срок в двадцать лет, даже если его сообщники перебьют всех свидетелей, ведь бедолагу поймали с наркотиками... Впрочем, как знать... Пути правосудия неисповедимы. До недавнего времени и ему, Сене, грозила двадцатка... А вот сегодня требования обвинения уже снизились до семи лет, и судья подтвердил, что будет исходить из срока от пяти до семи. Так что как знать? Если срок будут и дальше урезать такими темпами, то скоро весь этот спектакль закончится, и Сеня наконец вернется домой. Ну, а дома он соберется с силами и добьется справедливости по-своему... Недолго старухе осталось таскать по земле свои поганые кости... С такими сладкими мыслями Сеня заснул.

Через некоторое время Вечнову стало известно, что украинцы получили всего по четыре с половиной месяца (двое из них) и пять месяцев и три недели – третий. Это означало, что их отпускают прямо сейчас. Сердце Вечнова весело забилося. «Вот теперь и меня отпустят», – подумал Сеня.

В один прекрасный день в отделение тюрьмы попали еще три хохла, и адвокат поторопился сообщить, что дело серьезное, что это международная конспирация и что Сеня является ее частью. Но, по счастью, полиция так и не получила от них и намека на знакомство с Вечновым, так что Сеня наконец-то получил козырь – он не организатор, он мелкая сошка...

Решающее заседание суда должно было состояться сразу после еврейской пасхи – праздника, связанного с тем, что Моисей вывел свой народ из египетского рабства. Сеня всей душой верил, что Всевышний выведет и его из этого рабства. Но у Предвечного, видимо, были свои планы насчет Вечнова.

Глава 16. Адвокатские страсти

Однажды в новозеландской столице Веллингтоне мужчина-адвокат явился в суд в женской одежде – юбке по колено и чулках. К такому нетривиальному способу протеста прибегнул адвокат Билл Мудэн, выражая недовольство засильем мужчин в юриспруденции. Он появился на заседании суда в женской юбке, блузке с рисунком, кружевных чулках и с сумочкой на плече. Билл – бывший классный регбист ростом около двух метров – попросил называть его миссис Анжела.

Публика была шокирована. Обращаясь к Верховному суду в Веллингтоне, Билл Мудэн заявил, что отказывается быть частью того, что он назвал «мужской культурой» Новой Зеландии, включая ту, которая царствует в юридической системе.

– Я как адвокат намерен и в дальнейшем носить женскую одежду. Чем глубже вы будете закапывать проблему, тем обворожительнее будут мои платья, – заявил Билл Мудэн.

В результате этого действия ему было предъявлено обвинение в неуважении к властям.

Мистер Мудэн, у которого есть жена и трое детей, сказал прессе, что его акция не являлась рекламным трюком. Он заявил, что он – гетеросексуал, но всегда ощущал в себе сильное женское начало и любил женскую одежду. Подняв юбку, чтобы продемонстрировать репортерам кружевные чулки, он отметил, что недавно сшил очень модный комплект из синего жакета и юбки.

За стенами зала суда Билл Мудэн, поглаживая усы, сказал, что глубоко возмущен тем, как в суде было рассмотрено долгое дело, в котором он представлял супружескую пару фермеров, признанных виновными в том, что построенный армией на принадлежащей им территории мост рухнул, убив местного пасечника. Несчастные фермеры получили распоряжение Апелляционного суда Новой Зеландии возместить армии страны судебные издержки на

сумму в 10 тысяч новозеландских долларов. То, как обошлись с его клиентами в деле о крушении моста, вынудило Билла задуматься о том, «что значит быть мужчиной в этой стране».

– Я решил, что не хочу быть частью этой культуры, – сказал он.

Вопреки ожиданиям Билла адвокатской популярности эта выходка ему не прибавила. Новая Зеландия все-таки оказалась слишком пуританской страной, чтобы оценить такую экстравагантность. С тех пор как мистер Мудэн дебютировал в женском платье в зале суда, ему не было вверено ни одного дела, и он стоял на грани разорения. Ни феминистки, никто другой не желал иметь с ним дела. Все решили, что своей выходкой он оскорбил женщин. Ну а о мужской поддержке не могло быть и речи. Чтобы хоть как-то поправить дела, Билл Мудэн добился включения своего имени в списки бесплатных адвокатов, которым оплату назначает суд из госбюджета. Однако и в этом качестве его не нанимал ни один подзащитный. Фамилия Мудэн стала слишком известной благодаря широкому освещению в прессе экстравагантного поступка адвоката. Многие даже считали его сумасшедшим и предлагали лишить права заниматься адвокатской деятельностью.

Неудивительно, что адвокат Мудэн помчался, как сумасшедший, когда ему позвонил Сеня Вечнов, случайно выбрав его из списка. Попросить оплату его заставляла крайняя нужда, и кроме того, Билл опасался, что если этот

иностранец оботрется в камере, ему не преминут рассказать, кто такой этот адвокат Мудэн – и тот от него сразу откажется. Поэтому Билл был просто обязан попросить хотя бы несколько сотен долларов сразу, потому что его финансовое положение действительно было скверным.

Прибыв в тюрьму на встречу с Вечновым и ознакомившись с обвинением, Билл Мудэн понял, что ему чрезвычайно повезло. Вечнов был первым, к кому пытались применить новую статью о контрабанде людьми. Это означало, что тот, кто будет вести это дело, попадет на первые полосы газет, и Мудэн, получи он это дело, останется в истории новозеландской юриспруденции вовсе не как сумасшедший адвокатишка, явившийся в суд в женском платье, а как ведущий юрист своего времени.

Билл Мудэн отдавал себе отчет, что применить новую статью к его подзащитному будет непросто, если, конечно, тот сам не сознается. Однако, несмотря на все передраги и разочарования, постигшие его в жизни, Билл Мудэн был человеком честным и его адвокатская этика не позволяла даже втайне желать осуждения своего подзащитного на срок больший, чем заслуживали его действия.

— Какая подзащитному разница, по какой статье ему отбывать срок? Все, что его должно волновать, это продолжительность этого срока! — рассуждал мистер Мудэн.

Между тем можно с уверенностью сказать, что Билл не сделал и не сказал ничего такого, чего не сделал бы и не сказал любой другой адвокат. Единственное, что мистер Мудэн себе позволил, было сделано исключительно в качестве самозащиты от подлых слухов и происков: он посоветовал Вечнову не распространяться в тюрьме, кто именно является его адвокатом.

— Вы человек новый в Новой Зеландии... Видите ли, у нас это не принято. Судебная тайна... — проямлил мистер Мудэн.

Вечнов устало кивнул, не понимая, почему для его адвоката это так важно, хотя в тот день его трудно было чем-либо удивить. Впрочем, распространяться в камере о своем адвокате Вечнов не стал, да его и не спрашивали.

Билл Мудэн оправдывал себя тем, что общество само поступает неэтично, де-факто лишая его возможности заниматься адвокатской деятельностью. Билл считал себя первоклассным специалистом и решил, что в лице Вечнова судьба предоставляет ему новый шанс проявить свой профессиональный талант.

Совершенно неверно полагать, что мистер Мудэн заведомо решил, что во что бы то ни стало ему нужно показать себя как эффективного защитника и провести процесс таким образом, чтобы, с одной стороны, Вечнов не ушел от правосудия (желательно в соответствии с новым законом), а с другой – чтобы наказание не было слишком суровым. Мудэн, как и многие его собратья по профессии, буквально с молоком матери всосал патологическую честность, которой, впрочем, адвокаты пользуются исключительно в своих интересах. Это ювелирное умение манипулировать своей честностью является великим достижением англоязычной культуры, в котором трудно найти ей равных. Совесть у этих людей напоминает куклу-неваляшку. Она всегда стоит на ногах, гордо подняв голову. Каждое из их действий они сами могут оправдать с такой последовательной вразумительностью, что даже Всевышнему

пришлось бы попотеть, чтобы разоблачить в этих людишках отъявленных подонков и подлецов. Они таковыми себя не считают, а потому, впрочем, и не являются, ибо мораль есть субстанция эфемерная, и нет ничего глупее, чем поступать против собственной совести. Они никогда и не поступают против собственной совести. Просто всегда необходимо потратить часок-другой на самокопание и найти удобное оправдание для своей совести, чтобы она зря не беспокоила. Недаром в английском языке слово «совесть» практически вышло из употребления...

После первого заседания мистер Мудэн был очень доволен собой. Он практически сразу направил процесс в нужное русло, хотя не давил на Вечнова и тот сам принял решение признать вину.

«Решение, безусловно, за вами, но сложившиеся обстоятельства требуют принятия взвешенного решения, – дословно припомнил Билл фразу, сказанную им Вечнову. – Все-таки я ни на йоту не нарушил свой адвокатский долг!» – гордо решил Билл.

Глава 17. Новозеландский Дрейфус

Сеня жадно хватал любые крохи информации, ведь он оказался в стране, о которой совершенно ничего не знал, а между тем ему предстояло

вступить в схватку с этой неведомой системой правосудия.

Газет в тюрьме не было, но Света сообщала Сене по телефону о статьях в израильских СМИ и Интернете. Сеня чувствовал, что над его головой сгущаются тучи, но по-прежнему был оптимистичен. «Если я выберусь из такой передраги, то мне уже все будет нипочем», – подбадривал он себя.

Конечно, Вечнов нуждался в советах и поддержке. Особенно часто он вспоминал о Бене Косолапском, который раньше нередко помогал ему в мелких судебных вопросах. Косолапский был фанатично увлечен законами и читал материалы судов для развлечения. Но возможности связаться с ним не было никакой, как, в общем, не было и сил мириться с беспомощностью, которую пришлось бы признать, позвонив Бене на другой конец света, в Канаду, и сказав: «Здравствуй, это я. Звоню из новозеландской тюрьмы...» Впрочем, плевать на беспомощность, он и позвонил бы, но все его записи отобрали, а Света стыдилась случившегося и ни с кем не хотела об этом говорить. Да и чем мог бы Бенья помочь? Разве что посочувствовать...

Любой суд – это в какой-то мере интеллектуальное противостояние. Дед Сени сидел в сороковые-роковые. Его посадили, как всех, за антисоветскую деятельность, саботаж... Но даже в советской тюрьме дед сопротивлялся, и из четырех обвинений ему смогли

инкриминировать только одно. Так он избежал расстрела. Его товарищей послабже всех пустили в расход. А вот дед выжил, и благодаря этому появился на свет Сенин папа, а следовательно, Сеня был обязан своим существованием тому факту, что его дед неустанно на каждом допросе заявлял: «Я виновным себя не признаю!» и приводил неоспоримые аргументы. Например, за то, что он похвалил импортный станок, его обвинили в низкопоклонничестве перед Западом. А Сенин дед заявил:

— Этот станок действительно очень хороший!

— Ну вот, видите, — обрадовался следователь, — так и запишем...

— Только еще запишите, что он был произведен на калининском заводе.

Послали сотрудника, тот полазил по установке и нашел ярлычок — и правда, калининского завода...

Сеня твердо решил бороться до конца. Он понимал, что отрицать вменяемые ему в вину факты бесполезно. Все дело в их интерпретации. Он не видел никакого криминала в своих действиях и собирался твердо отстаивать свою невиновность. Но Сеня недоучел, что у него был еще один серьезный и губительный противник... его собственный адвокат! Он всячески мешал Сене построить собственную линию защиты и давил только на смягчающие обстоятельства, совершенно игнорируя тот факт, что Сеня

отрицает саму правомерность предъявленных обвинений.

Уж очень судебной системе было выгодно использовать Сенин случай в политических целях: два года существует новый закон о контрабанде людьми, но до сих пор никто не был по нему осужден!

При всей своей жестокости содействие нелегальной миграции стало мировым бизнесом, приносящим гигантские доходы торговцам и организованным преступным синдикатам, создавая серьезные проблемы правительствам задействованных стран и потенциально обрекая мигрантов на жестокое обращение и эксплуатацию. Преступные группы, которые организуют работорговлю и содействуют ей, высокодинамичны и легко адаптируются. Некоторые из них – частично из-за более низкого риска и более мягких наказаний – плавно переходят от торговли наркотиками к торговле людьми. Поэтому наказание Сени было практически предreshено, если ему будет вменяться именно эта новая статья.

В то время как обвинитель собирал сведения против Сени, тот, в свою очередь, принялся собирать сведения о своем противнике – государстве Новая Зеландия и его судебной и политической системе.

Сене удалось выяснить, что судебная система в этой стране основывается на прецедентном праве, представляющем собой правовую систему,

в которой основным источником права признаются решения высших судебных инстанций (судебные прецеденты), имеющие обязательную силу. Такая система предоставляет суду правотворческие функции. Систематизация законов государства производится по отдельным отраслям права (обычно с пересмотром имеющихся и отменой устаревших). Прецедентное право исходит из того, что жизненные ситуации с трудом поддаются кодификации в законах. Оно существует именно потому, что нужно как-то унифицировать эти ситуации: судья судит в соответствии со своими понятиями, и пока его решение не опровергнуто судом высшей инстанции или существующим законом, оно является прецедентом, то есть частью свода законов.

Сеня понимал, что он вовлечен в политическую авантюру, из которой нужно было найти выход. Он также начинал осознавать, что волей судьбы оказался в самом центре показательного политического спектакля по отвлечению общественного внимания от истинных проблем страны. Конечно, по своей важности дело Вечнова не равнялось «делу Дрейфуса», расколовшего общественность Франции на два лагеря, однако было в этих двух делах что-то общее.

У «дела Дрейфуса» был счастливый исход. Сто лет назад состоялось историческое решение апелляционного суда по этому делу: Дрейфус был не только помилован, но еще и награжден

Орденом Почетного легиона – высшей наградой Французской республики. «Дело Дрейфуса» стоит того, чтобы о нем помнили и сто лет спустя. Альфред Дрейфус (1859–1935) был капитаном французской армии и работал в Генеральном штабе. Свистопляска началась с того, что уборщица обнаружила в корзине для бумаг письмо, в котором некий тайный агент сообщал немцам о секретах французского Генштаба. Контрразведка изучила почерк шпиона и пришла к выводу, что письмо написал Дрейфус.

Сам Дрейфус измену решительно отрицал. Адвокаты доказывали, что почерк похож, но все же не идентичен. Однако суд единогласно признал Дрейфуса виновным в государственной измене и 22 декабря 1895 года приговорил к пожизненному заключению в тюрьме на Чертовом острове у берегов Южной Америки.

Тут надо сказать, что капитан Дрейфус был евреем. И добавить, что Франция сто с лишним лет назад, как, впрочем, и сейчас, была страной антисемитских страстей. Контрразведка выбрала Дрейфуса на роль шпиона еще и потому, что он был единственным евреем, служившим в Генштабе. Но было и немало французов, которые осуждали антисемитизм.

«Дело Дрейфуса» стало полем битвы для тех и других. Вскоре выяснилось, что настоящим агентом был майор Фердинанд Эстергази, аристократ из элитарной семьи. Однако власти решили, что признать «дело Дрейфуса» липой,

ошибкой, – значит повредить престижу армии. Второй суд вновь признал Дрейфуса виновным, а вот Эстергази объявили полностью чистым, хотя новый начальник французской разведки полковник Пикар установил, что роковое письмо было написано Эстергази. Дело дошло до сената. Часть сенаторов заколебалась, однако исполнительная власть намертво стояла на своем решении.

Наконец волнения выплеснулись на улицы Парижа. По улицам прошли демонстрации под лозунгами «Да здравствует армия!». Тут в ситуацию вмешался тогдашний кумир французской публики, писатель, француз по национальности, Эмиль Золя. Он написал открытое письмо президенту республики Феликсу Фору под заголовком «Я обвиняю». 13 января 1898 года письмо было опубликовано в газете «Орор». В нем Золя назвал оправдание Эстергази преступлением против человечности. В ответ власти обвинили писателя в клевете и в оскорблении армии. Против него было возбуждено дело, и суд присяжных признал вину писателя доказанной; его ждал год тюрьмы и денежный штраф в три тысячи франков, но Золя имел право на апелляцию и пока находился на свободе. Однако апелляция Золя провалилась, и он был вынужден бежать из страны в Англию.

Пороховая бочка взорвалась. В Париже толпы обывателей принялись громить еврейские магазины. Жгли статью Золя. Скандировали: «Смерть Золя, смерть евреям». В петициях

антисемиты требовали выгнать всех евреев из Франции. Большая часть прессы подхватила ультиматум националистов.

В результате политического кризиса к власти во Франции пришли новые силы во главе с премьер-министром Вальдеком-Руссо. Дрейфуса вернули из заключения на родину, где несчастный узник был помилован президентом Лубэ.

Лишь в июле 1906 года, через двенадцать лет после начала дела, решением апелляционного суда Французской республики Альфред Дрейфус был признан полностью невиновным.

Однако губительным отличием «дела Вечнова» от «дела Дрейфуса» было то, что на стороне Вечнова в Новой Зеландии не стоял ни один человек.

Всю надежду Сеня возлагал на основное заседание суда, где твердо решил заявить о своей невиновности и даже, если потребуется, отстранить адвоката и защищать себя самому.

Буквально за несколько недель до ареста Сени из той же тюрьмы был освобожден некто Сауд Ибрагим, который еще в 2002 году обратился к правительству Новой Зеландии, ища политическое убежище. Выяснилось, что он обвинялся судами Франции и Бельгии в террористической деятельности. По правде говоря, отношения у Новой Зеландии с Францией всегда были напряженные из-за испытаний ядерного оружия, проводимого французами в южной части Тихого Океана.

Однако терроризм – это не шутка. Сауд был заключен в тюрьму. Это вызвало вспышку возмущения в новозеландском обществе. Сауда называли борцом за установление демократического режима в Алжире и требовали его немедленного освобождения. Демонстранты боролись за восстановление либеральных прав в Новой Зеландии. Разве может быть благороднее повод выйти к воротам тюрьмы, где несправедливо заключен террорист?

Когда Сауд узнал о пикетах партии «Зеленых» вокруг его тюрьмы, он даже прослезился. Причем, надо сказать, среди пикетчиков не было ни одного мусульманина!

В конце концов под давлением общественности Сауд Ибрагим был освобожден и получил статус беженца. К нему присоединилась его семья, все это время проживавшая где-то в Южной Азии. Совсем скоро Сауд станет гражданином Новой Зеландии, осуществив давнюю Сенину мечту. Новозеландцы вообще очень чувствительны к любой несправедливости... Правда, в случае с Сеней никаких пикетов у его тюрьмы почему-то не устраивалось. На его судьбу новозеландскому народу было не только глубоко наплевать, но даже наоборот – народ требовал расправы над контрабандистом живым товаром. Конечно же, доставка рабочих в Новую Зеландию гораздо опаснее терроризма!

Как объяснить сей парадоксальный факт, что справедливости всегда требуют только в отношении убийц и террористов? Наверное, их

подспудно побаиваются и пытаются к ним подлизаться... Другое объяснение найти трудно...

Глава 18. А судьи кто?

«А судьи кто?» – припомнился Сене Вечнову в день суда возглас Чацкого. И сразу же ответил сам себе, подражая голосу Деточкина из кинофильма «Берегись автомобиля»: «Я ничего такого про судей не говорил!»

Сеня сильно волновался. Пульс его явно бежал вперед, торопясь обогнать хромающие вялые секунды. Он сам не помнил, как, мытый и бритый, в белой рубашке, отправился в Верховный суд.

– В белой рубашке – прямо как на казнь... или в гроб! – недобро пошутил он над собой. Его чувство юмора всегда активизировалось в самых неуместных обстоятельствах, и, наверное, происходило от древнего обезьяньего обычая скалить зубы, когда другое проявление агрессии и раздражения было попросту невозможно.

– Люкс! – удовлетворенно отметил Вечнов, оказавшись один в фургоне, а потом и в камере ожидания.

Видимо, это происходило неспроста. Тюремщики, зная «невинные» развлечения заключенных во время транспортировки в суд и

обратно, старались доставлять таких доходяг, как Сеня, в Верховный суд без попутчиков, чтобы те не успели его испачкать и попортить анфас, хотя на предварительные слушания их возили вместе, чтобы дать им, так сказать, обтесаться...

«Ну какой же я контрабандист живым товаром? — подумал Сеня. — Я никого в наручники не заковывал, никого под стражей не держал!»

Он понимал, что его настроение неправильное. Если подсудимый хочет преуспеть понравиться судье, он должен постараться настроиться на волну мысли самого судьи. Он должен верно ее угадать и начать думать, как суд, то есть руководствоваться государственными интересами. Тогда его доводы, по крайней мере, не будут раздражать тех, от кого зависит его судьба.

«Охранники подают печенье и кофе. Бесплатных обедов не бывает!» — хмуро прокомментировал Сеня, запивая печенье кофе.

Наконец начался суд. Прокурор сообщил, что на недавнем суде все трое украинцев заявили, что Вечнов вымогал у них деньги и ввел их в заблуждение по поводу въезда в страну. Вызвать их на процесс было уже невозможно, потому что их депортировали за неделю до начала суда над Сеней.

Прокурор по-прежнему требовал лишения свободы на семь лет, а адвокат, хотя и настаивал на облегчающих обстоятельствах, включающих письма родителей, жены и друзей, Сенино

безоблачное прошлое, но в конце заявил, что международной преступности все же надо дать предупреждение и пример и что Сеня признал свою вину на предварительном заседании!

Сеня все время пытался вставить слово, но ему не давали говорить. Когда он потребовал, чтобы обсуждалась суть его вины, а не всякие побочные вопросы, ему резко заметили, что пока у него есть адвокат, он не имеет права разговаривать, и ему дадут слово, когда придет его черед. Сеня замолчал.

Потом суд стал перебирать подобные случаи, и Сеня сполна вкусил все прелести прецедентного правосудия.

Приводился в пример суд над малазийцами, которые по поддельным визам ввезли в страну рабов в количестве более тысячи человек. Организатор был осужден за нарушение паспортного режима на два с половиной года, а остальные пять человек банды — на меньшие сроки.

Адвокат просил исходить из этого прецедента. Сеня попытался выкрикнуть, что он никаких рабов не ввозил и что его адвокат говорит чушь, но его микрофон тут же отключили.

Адвокат несколько расстроился по поводу неблагодарного поведения подзащитного и отметил, что приведенный случай можно было бы принять во внимание, если бы Вечнов не проходил по другому, то есть по новому закону. Ведь малазийцев осудили за нарушение

иммиграционных правил, а не за контрабанду живым товаром.

Так и не найдя прецедента в новозеландской судебной практике, стали обсуждать подобные приговоры в странах британского содружества.

В конце концов судья решил, что Сенин случай очень похож на австралийский, когда капитан корабля спрятал трех человек в контейнере, в котором те чуть не задохнулись, и пытался ввезти их в Австралию. Капитан был осужден на четыре года при минимальном сроке в три года. Однако и он проходил по другому закону, и его осудили за нарушение иммиграционных правил, а не за контрабанду живым товаром...

Сеня похолодел. Он встал и заявил, что требует, чтобы ему дали слово.

— Я предоставляю вам слово во время слушанья только в том случае, если вы откажетесь от услуг вашего адвоката и сами станете защищать себя. В противном случае вам будет предоставлено только последнее слово перед вынесением приговора. Итак, вы желаете дать отвод вашему адвокату?

Сеня замешкался.

— В таком случае сядьте и не мешайте работе суда, — раздраженно заявил судья, и Сене безумно захотелось разmozжить его лысый череп.

Но Сенино возмущение таки возымело действие. Все стали говорить о неагрессивном характере его преступления, и что к украинцам, которых

вдруг стали называть «потерпевшими», не было применено средств давления, и они, в общем, в какой-то мере были активной частью преступления.

Адвокат добавил, что не было также риска для жизни, и, наконец, что в организации преступления участвовало менее трех человек, и поэтому Вечнов не может быть квалифицирован как часть бандитской группировки и что роль Вечнова все же была неглавной.

Наконец Вечнову дали слово. Он отказался говорить через переводчика, боясь, что тот неправильно переведет и исказит его слова. Собравшиеся понимали Вечнова с трудом. Он так и не научился подражать новозеландскому акценту. Слушатели быстро засохли и начали позевывать в кулачки.

Речь Вечнова была горячее, но краткой.

– Я не виноват! – сразу же заявил он. – Я не знал, что эти люди собираются въехать по поддельным паспортам. Я не получил за мою помощь никакого вознаграждения. Я совершенно ни при чем! Если вы отпустили их, я требую, чтобы и меня немедленно отпустили!

– Вы все сказали? – с улыбкой спросил судья.

– Да! – хрипло ответил Вечнов.

– В таком случае, мне очень жаль, – вы не использовали ваше последнее слово, чтобы выразить раскаяние в содеянном, что могло бы смягчить приговор.

Вечнов попытался кричать что-то еще, но у него снова отключили микрофон и пригрозили, если он не успокоится, вывести из зала во время оглашения приговора.

После короткого перерыва судья заявил, что Вечнов приговорен к трем годам и шести месяцам лишения свободы по каждому из трех эпизодов. Сеня замер в шоке. Это что же, больше десяти лет?

Однако, к счастью, судья тут же добавил, что все три срока по совокупности должны отбываться на конкурентной основе (а это означало, что реально сидеть Сене придется только три года и шесть месяцев, что, подчеркнул судья, принимая во внимание отсутствие раскаяния подсудимого, является беспрецедентно мягким приговором.

Дальше Сеня ничего не чувствовал и не помнил, кроме дикой головной боли и довольной рожи своего адвоката, спрашивавшего разрешения дать Сенино семейное фото журналистам.

Сеня грубо послал его и потребовал немедленно подать апелляцию.

Глава 19. Узник Райской горы

К собственному удивлению, Сеня не слишком был потрясен решением суда. Он почему-то был уверен, что во всем виноват адвокат, о котором он все же узнал много отвратительных

подробностей, правда, слишком поздно, непосредственно перед началом суда.

– Что ж поделаешь, – рассудил Сеня, – если мне попался сумасшедший адвокат! Чего ждать от человека, который является в суд разряженный, как проститутка?

И Сеня твердо решил поменять адвоката, подать апелляцию и добиться отмены приговора.

Если бы за день до суда ему сказали, что, получив более трех лет тюрьмы, он не будет рвать на себе волосы, – Сеня не поверил бы. Но, видимо, запас Сениного терпения еще не был растрачен до конца. Он решил скрупулезно выстроить новую линию защиты и, засунув нос во все судебные бумаги, заставить нового адвоката придерживаться линии, выстроенной Сеней. К тому же Вечнова охватила уверенность, что если предложить суду выкуп, они его отпустят. Он слышал о таких случаях и попросил всех друзей и родственников собирать деньги, как ни тяжело это было в сложившихся обстоятельствах.

После вынесения приговора Сеню перевели в другое отделение той же тюрьмы, потому что в Новой Зеландии, как и во многих других местах, отбывают срок не там, где ждут суда. Начальник отделения с доброй усмешкой сообщил, что проводит эксперимент по уживаемости евреев с арабами, и поселил Сеню в камеру к пакистанскому мусульманину, осужденному за попытку теракта. Сеня уговаривал себя, что это

совпадение, и начальник тюрьмы не имеет никаких секретных планов избавиться от Вечнова. Тем не менее каждую ночь ждал, что сосед по камере его задушит, а, просыпаясь и видя яркие лучи чужого солнца, радовался ему, как радуются вести, что диагноз рака не подтвердился и пациенту сохранена жизнь еще на один короткий, но в то же время бесконечный тюремный день.

Небо в Сенину камеру заглядывало через зарешеченное окошко под потолком, и если Сеня вставал на прикрученный к полу стул, то был виден весь район, который по недоброй иронии назывался «Райская гора», и выходило, что Сеня отбывал срок в раю. Однако созвездие Южного Креста увидеть ему так и не удалось, как он ни пытался. Ночью в окно заглядывали незнакомые звезды, но страстно искомое созвездие появлялось и заходило где-то с другой стороны тюрьмы, за пределами Сениного окошечка, хотя днем вид из окна был действительно райским.

Тюрьма, в которой содержался Сеня, была одной из самых старых в стране. Снаружи ее главный корпус выглядел как замок с двумя грозными башнями, и подходил больше на роль музея, чем на роль вместилища обреченных душ.

Где-то Сеня читал, что грешникам в аду дают иногда поглядеть, как хорошо живется праведникам в раю, чтобы страдания их были еще нестерпимее. Если бы, посмотрев в окно, Сеня наткнулся бы на безжизненную пустыню, как нередко бывало в Израиле, где, куда ни

глянь, ландшафты почище марсианских, ему было бы легче. Но вот зеленеющие склоны Райской горы мучили его нестерпимо. Казалось, до нее можно достать рукой, но Сеня знал, что ему НИКОГДА не суждено пройти по этим райским склонам, – даже если он и добьется освобождения в результате успешной апелляции, все равно его сразу депортируют и в Новую Зеландию больше никогда не впустят. Сеня и сам бы больше никогда не ступил на эту проклявшую его землю, но он отдал бы все за то, чтобы хоть раз прогуляться по зелени травы этой Райской горы.

В Новой Зеландии любят давать тюрьмам красочные названия – то ли в издевку, то ли в назидание заключенным. Сенина тюрьма так и называлась – Тюрьма Райской горы (Mt. Eden Prison). Более того, слово «Eden» происходит из иврита, на котором «рай» обозначается словами «ган эден» (райский сад).

За последнее время, кроме суда, произошло еще одно событие, которое глубоко поразило Сеню. Заключенный, с которым он дрался за свою курточку в фургоне перед предварительным слушанием, попал в Сенино отделение. Но в каком виде! С переломанными руками и сломанной челюстью. Сене сказали, что кому-то сильно не понравилась его привычка отбирать чужие вещи. А так как Сеня был единственным человеком, которого этот «герой» знал в отделении, то он стал таскаться за Сеней хвостом. Бедняга был теперь совершенно

беспомощным, и, видно, не знал, кто зачинщик расправы, думая, что, может быть, это Сеня. Парень выглядел теперь совсем иным, кротким и несчастным, и Сеня больше не держал на него зла и ухаживал за ним как за родным братом.

Глядя на это перевоплощение, Сеня вспомнил мудрую притчу, которую рассказал ему наркоиудей: один араб хотел отомстить своему врагу и сделал это через 50 лет, а потом жалел, что сделал это слишком рано. А мораль была такова: «Сиди и жди, и тело врага твоего проплывет мимо тебя по реке...»

Кстати, и наркоеврея временно перевели в Сенино отделение, потому что тот согласился сознаться в одном небольшом преступлении и получил приговор на небольшой срок, но его по-прежнему ждал большой процесс. Сеня неохотно признался себе, что скучал по наркоеврею, но все же внешне ничем не выражал своей симпатии...

В ожидании повторного слушанья Сеня старался быть активным и неунывающим. Он ловко уворачивался от обычных в тюрьмах разборок и побоев, и усматривал, как это ни было мучительно, добрый знак в том, что его тюрьма называлась Райской горой. Название местности напоминало «Волшебную гору» Томаса Манна, и он даже ассоциировал себя с главным героем. Так же, как Вечнов, прилетевший лишь на несколько дней в Новую Зеландию и застрявший так надолго, Ганс Касторп не собирался надолго задерживаться в горном санатории Берггоф, куда он приехал навестить своего больного

туберкулезом двоюродного брата, однако провел там целых семь лет.

И причиной тому – не только любовь к русской красавице, но и основания более общие. Этот «безобидный простак», к тому же склонный блюсти усвоенную с детства благопристойность, будучи помещен в «испытательную колбу» высокогорного заточения, оказался способным с новой остротой воспринять жизнь, предстоящую на волшебной горе в необычном, провоцирующем на размышления обличье.

Как и Ганса Касторпа, Вечнова поражало праздное существование обитателей Райской горы, отмеченное подчеркнутой животностью. Этих существ интересовали только жратва, наркота и сексуальные извращения. Так же, как и больные туберкулезом в санатории, все сидящие в тюрьме хронически больны. Тюрьма, словно чахотка, оставляет на них свой жестокий и неизлечимый отпечаток.

Разлинованное решеткой пространство, окружающее Райскую гору, отбрасывало тени на души тех, кто завистливо наблюдал в эти зарешеченные окна течение свободной жизни. Как мучительна для каждого из них была невозможность свободно отправиться в этот зеленый край, и казалось, что все они посажены в душную колбу, и в качестве изощренной пытки им предлагается наблюдать чарующие виды, заглядывающие через маленькие окна под самым потолком в их смрадные камеры.

Неизбынно стремление одних людей ограничивать свободу других. Если бы в человеке отсутствовала эта пагубная страсть, на землю давно снизошло бы Царствие Божие в полной красе. Но, увы, при рождении в каждом из нас поселяется крошечный деспот, который

намерен диктовать свою волю окружающим до самой смерти, а если получится, то и после нее, простирая в будущее, как щупальца мертвого осьминога, жалкие пункты своего завещания. Было бы полбеды, если бы одна половина человечества рождалась, чтоб повелевать, а другая – чтобы подчиняться. Тогда бы они быстро договорились. Но нет! Всяк человек рождается свободным, но в то же время деспотом и поработителем, и в сем и заключается самое болезненное и неразрешимое противоречие человечества! Руссо писал, что тюремщики, порабощая других, порабощают себя.

Отчего-то все освободители, которые выпадают на поухлую долю человечества, со временем превращаются в еще больших поработителей, чем те, с кем они боролись!

С нескрываемым любопытством Ганс Касторп приглядывается к болезни и смерти, думает о рождении, смене поколений, читает книги о системе кровообращения, строении кожи, и постепенно поднимается «к той разновидности гуманизма, который не отвергает мысль о смерти и все темные, таинственные стороны жизни, не пытается с рационалистическим презрением забыть о них, а включает их в себя, не давая им, однако, взять верх над собой». Сеня тоже пытался найти баланс между собой и окружающим его бредом. Он много читал, беря книги в тюремной библиотеке. Он старался приспособиться, притереться, и если не принять этот бред, то хотя бы создать видимость того, что

с ним не происходит ничего необычного и нестерпимого. Иногда Сене это удавалось. Иногда он даже забывал, кто он такой и где находится. Иногда ему даже казалось, что так было всегда, что вся его жизнь прошла в этой тюрьме, а все, что было до, и, возможно, будет после, – только призрачный мираж, и не стоит думать о нем.

Глава 20. Нормальное мужское вождение

Так уж устроено англоязычное общество, что все у них принято заворачивать в обворожительную упаковку, называть соблазнительными словами, а потом – хлясть! – и все то же самое, что и всюду.

Один известный узник, кажется Мандела, говаривал: «Тюрьма – она и в Африке тюрьма!» Конечно, материальная разница существует. Есть страны, где тюрьмы представляют собой гнилые ямы, куда швыряют десятки людей, кормят их, как скот, и все называют своими именами, без прикрас.

Гордые потомки Альбиона, конечно же, себе такого не позволяют. Они именуют тюрьму «исправительным учреждением», разрабатывают разные программы «восстановления»

заключенных, и если почитать рекламный проспект (да, и такое бывает) очередной тюрьмы, то кажется, что речь идет о доме отдыха.

Но как бы соблазнительно ни описывали гордые англосаксы свои тюремные кущи, – тюрьма всегда остается тюрьмой. Посадите животное, привыкшее к свободе, в клетку – и оно начнет метаться и страдать. Так же и человек – не может он спокойно относиться к своему заключению. Хотя все, конечно же, зависит от человека. Кто-то относится к отсидке как к работе, ну например Ицик и Коби – агенты израильской разведки...

Сеня же страдал от каждой минуты, проведенной в заточении, и поэтому ему точно уж следовало бы считать год за три...

Тюрьма, в которой отбывал свое наказание за несовершеннолетние преступления Сеня, когда-то была древней крепостью, по форме похожей на крест. И Сеня чувствовал себя погребенным здесь, как в могиле. Этот крест с двумя поперечинами и стеной по периметру стал для Сени всем его миром, сузившимся до этого закрытого пространства неволи. Пространства между поперечинами и периметром служили прогулочными дворами. Каждая поперечина – самостоятельное отделение. Были отделения для инвалидов, для извращенцев и для «нормальных», причем в Сениной тюрьме на десять отделений с извращенцами было только два для «нормальных» заключенных. Было здесь и отделение для осужденных перед рассылкой в другие тюрьмы. А в большом дворе,

обустроенном тренажерами, туалетами и двумя таксофонами, вершились судьбы узников – здесь били, иногда даже резали, курили наркоту...

Так что легенды про мягкие условия в тюрьмах в западных странах правдивы только отчасти.

Помимо древнего «Креста» был у этой тюрьмы и современный комплекс. Отделение строгого режима представляло собой полностью закрытое, глухое здание без дворов. Выход из камер – на один час в день в коридор. Общий режим предусматривал камеры-одиночки с мебелью из железа. Отделение легкого режима – подобие лагеря из деревянных бараков, тянувшихся вдоль ограды, с воротами, газоном и даже спортплощадкой. Здесь заключенные в течение дня работали на бетонном заводе или в мастерских, и только в девять вечера их запирали в бараки.

Сеня понимал, что в тюрьме надо правильно понять расстановку сил. Нельзя примыкать ни к одной из враждующих группировок, иначе несдобровать. Могут и подрезать ненароком.

После оглашения решения суда Сеню пригласили на особый «инструктаж», во время которого женщина-офицер монотонно сообщила ему исторические сведения о тюрьме, в которой ему выпала честь отбывать наказание, а также о различных программах для заключенных.

Сеня не без интереса узнал, что на Райской горе тюрьма существовала с 1856 года, куда она была переведена после сноса старой оклендской

тюрьмы. Раньше на этом месте были военные склады.

– Вплоть до 1957 года в этой тюрьме казнили, обычно через повешенье, – торжественно сообщила женщина-офицер.

Сеня поежился. «Они бы и меня с удовольствием казнили! Им только волю дай!»

Мысли Сени потекли в направлениях, далеких от исторических аспектов места его заключения. Женщина-офицер продолжала что-то говорить о том, что теперь, после вынесения приговора, дело Вечнова рассмотрит специальная тюремная комиссия, которая оценит риск повторения преступлений со стороны Сени и его желание исправиться. От этого будет зависеть очень многое – условия его содержания и возможность досрочного освобождения.

Сеню тошнило от всей этой чуши, но он молчал. Какое преступление он может повторить в тюрьме? Что в нем было такого неправильного, что нужно было «исправить»?

Иногда мы не понимаем иностранную речь даже не из-за плохого знания языка, не из-за чудовищного местного акцента, превращающегося чуть ли не в отдельный диалект, а от совершенной чуждости хода мысли, который нам никак не удастся понять, и если нам даже пытаются его втолковать на нашем родном языке – ни голова, ни душа наша не может его принять!

Сеня считал себя невиновным, между тем суд утверждал, что он сам признал свою вину, хотя Сеня признал только то, что кому-то помог с покупкой билета и заказом гостиницы, ну и научил паре слов на иврите. И теперь ему нужно «исправиться». То есть отучиться помогать? Или никого не учить ивриту? Или не ездить в чужие страны? Или перестать быть евреем? Как ему исправиться? Вечнов очень хотел исправиться. Но что он должен сделать? Интуитивно Сеня чувствовал, что путь к его исправлению должен начаться с того, чтобы он перестал задавать эти вопросы, и он молчал, согласно кивая в такт словам офицерши.

— После рассмотрения вашей кандидатуры, — продолжала тюремщица, казалось, заслушиваясь собственным голосом, — будет составлен план вашего заключения...

«Ну что ж, очень хорошо, что у них есть планы на мое заключение. А я подам апелляцию и расстрою все их планы... Ах, какая жалость! Мадам, вы собираетесь исправить меня за три с половиной года, а я трахну ваш суд во все его исполнительные органы и буду на свободе меньше чем через месяц!» — мысленно подбадривал себя Сеня. Однако по-прежнему молчал и согласно кивал головой.

– Этот план предоставит вам возможность выйти из заколдованного круга повторения преступлений, – невозмутимо продолжала офицерша, радуясь, что ей попался такой внимательный и понимающий преступник. – План включает в себя программы, которые

помогут заключенным справляться с проблемами, ожидающими их за стенами тюрьмы, – безработица, отношения с семьей, финансовые трудности...

– Спасибо за заботу, – вырвалась у Сени произвольная реплика, но офицерша не заметила сарказма.

– You are welcome!¹⁵ – благожелательно ответила она, и улыбка осветила ее повидавшее виды лицо.

«А я ее даже не хочу», – несколько удивленно подумал Сеня. Обычно он, прожив без женщины больше двух недель, начинал хотеть практически всех лиц женского пола, включая глубоких старух и уродин. «Вот до чего тюрьма может подавить нормальное мужское вожделение... Отбили во мне всякий вкус к жизни, сволочи!»

Слава богу, офицерша не могла читать Сенины мысли, хотя считала себя чуть не экстрасенсом и видела заключенных насквозь. Обычно на такую работу идут женщины властные, которым доставляет особое удовольствие видеть мужчин униженными и беспомощными. Обычная женщина не выдержит и недели такой работы. Однако с Сеней номер с чтением мыслей не вышел, ибо мыслил он по-русски, а офицерша кроме официального новозеландского английского владела лишь тюремным сленгом в

¹⁵ Пожалуйста! (англ.) – стандартный ответ на «спасибо!»

качестве дополнительного языка, и то по большей части в пассивной форме.

Она еще долго перечисляла широкие возможности, которые открывались перед Сеней в тюрьме на Райской горе. Сене было скучно, и он практически не слушал женщину. Его крайне расстроил тот факт, что тюрьма и суд лишили его привычной жизнерадостности и игривости духа.

Глава 21. Пожиратель стейков

Покровы повседневного существования обволакивают многих из нас, как плащи, дарующие невидимость их носителям. Иногда вовсе недостаточно, чтобы поверхность тела отражала свет и чисто с физической закономерностью обладала цветом и объемом. Ведь чтобы стать заметным, необходимо сконцентрировать на себе волны человеческого внимания, и лишь тогда, вдруг, на серых обоях бытия начинают проступать удивительные, ранее незаметные фигуры.

Одной из таких фигур был некто Дэйв Эспид, который подспудно присутствовал в тюрьме всегда и всюду. Он настолько сросся с духом этой тюрьмы, что сам стал ее неотступным духом-хранителем, как одно из привидений повешенных здесь головорезов. Его никто не замечал, однако все ощущали его присутствие, когда он свободно бродил по тюремным

коридорам. Дэйв пользовался исключительными правами потому, что никто из тюремщиков уже не помнил, в какие стародавние времена он сюда попал. Его так и звали – Дух Тюрмы, что выгодно выделяло его в ряду пошловато-грубых кличек других тюремных старожилов.

Лет пятнадцать назад этот человек был осужден на пожизненное заключение за серию каких-то исключительно зверских убийств, за которые его мало было казнить один раз, но в Новой Зеландии уже сорок лет никого не казнили. Подробностей этих страшных преступлений, к счастью, никто не помнил, а спрашивать самого исполнителя, разумеется, как-то не решались. Сам он был человеком скромным и не напоминал о своих «славных» делах.

Внешность Дэйва была не менее удивительной, чем его репутация. Темные глаза были глубоко посажены и обрамлялись довольно густыми прямыми бровями. Надбровные дуги ясно выступали на покатой поверхности лба. Нос был несколько бесформенным и по цвету и форме напоминал недозревший овощ. Аккуратные усики были словно отчерчены вертикальными, густо посаженными рядками волосков. Щеки были неожиданно толсты, а подбородок состоял из двух овальных боковых частей, разделенных глубокой ямкой. Прическу Дэйв носил короткую, а шея его была тонка и казалась непропорционально subtilной по сравнению с массивной головой. «Шея веревки просит!», – частенько шутил ее носитель. Сложения Дэйв

был довольно мешковатого. Годы тюрьмы и неактивный образ жизни значительно испортили его фигуру.

Дэйв жил в тюрьме с такими исключительными удобствами, на которые не могут рассчитывать даже многие свободные обитатели подлунного мира. У него был свой телевизор, компьютер, подключенный к Интернету через спутник, мобильный телефон – предметы в тюрьме, в общем, настрого запрещенные. Однако Дэйв пользовался ими не таясь, разговаривал по телефону почти открыто, и все охранники делали вид, что ничего не замечают.

Дэйв словно действительно обладал неким секретом невидимости... Или, может, новички и старожилы считали, что это очередное привидение, которыми кишела эта старая тюрьма, тихонько прислонилось к темной каменной кладке тюремной стены и тихо, почти неслышно, разговаривает по мобильному телефону.

Тем более, если прислушаться, разговоры вечного узника были далеки от мира земного и касались исключительно Бога...

Дэйв Эспид за время своего заключения умудрился завершить заочное обучение в университете и недавно был удостоен докторской степени по теологии. О ком, как не о Боге, было говорить бывшему серийному убийце? Его друзья, христиане разных сект, часто звонили ему, приносили из ресторанов

вкусную еду, поставляли новые книги и вообще все, что было необходимо для удобной и необременительной жизни.

Когда Дэйв узнал, что Сеня из Израиля и неплохо знает иврит, он, учтиво и несколько церемонно представившись: «Дэйв Эспид», кротко, с подчеркнутой вежливостью, столь редкой для тюремного обхождения, попросил научить его читать, писать и говорить на древнееврейском языке, что, по его словам, ему было необходимо как теологу для лучшего понимания святых текстов. Сению сначала передернуло, когда он услышал, что его снова просят обучать кого-то ивриту. С тех пор как он неосторожно обучал этому языку хохлушку, свою злополучную попутчицу, обучение ивриту стало ассоциироваться в Сенином осужденном мозгу с уголовным преступлением, что-то в стиле советских времен, когда за это тоже сажали в тюрьму. Но вспомнив, что он *уже* в тюрьме, Сеня с радостью согласился, тем более, что в неволе любая возможность скоротать время на вес золота. Заключение, как скупой рыцарь, копил время в подвальных сундуках; как накопит достаточно — получит свободу... А добрые отношения с таким корифеем тюремного мира, который, кстати, не мог рассчитывать на свободу, и вовсе сулили особые привилегии...

Поцарапав разные буквы на листочке бумаги, Сеня понял, что его ученик серьезно решил взяться за дело. Он уже знал санскрит, латынь, древнегреческий и собирался выудить из Сени

все, что только возможно. Таким образом, оказалось, что без учебного пособия обойтись будет трудно, и христианские друзья Дэйва, по его просьбе, передали Сене Тору на иврите. По ней Вечнов и стал преподавать древний язык Писания. Получив Тору из рук христиан, Сеня чуть не прослезился. Ему показалось чрезвычайно трогательным, что Тору дал ему не раввин, а именно христианин!

Дэйв проявлял удивительную настойчивость, и за каких-то пять-шесть месяцев, на которые их свела судьба, выучился вполне сносно читать, писать и даже говорить на иврите.

– *Ехудим типшиим!* – частенько говаривал Дэйв Эспид с тяжелым новозеландским выговором. – *Имһаити рош һа мемшала бэ Исраэль, һаити морэ лахэм эйх лифтор эт һа баая им палестиним!*¹⁶

Эти слова, произносимые серийным убийцей, веселили Сеню Вечнова, потому что только подтверждали его подозрения о том, что успешный правитель все-таки должен быть в душе и на деле убежденным и безжалостным убийцей. Только тогда он сможет добиться достаточно беззаботной жизни для своего народа. Вот англичане, эти деликатные существа с певучими интонациями... Суммарно они извели туземцев по всему миру – в количествах, превышающих любые рекорды фашистов, но

¹⁶ Эх, глупые евреи! Если б я был главой правительства Израиля, я бы показал вам, как решить палестинскую проблему! (иврит)

сегодня об этом никто ничего не помнит, и бывшие английские доминионы процветают на опустевшей от местного населения землях. Можно предположить, что если бы в Новой Зеландии население маори было бы в том же соотношении, в каком находится население палестинцев по отношению к израильтянам, то вместо несчастных тридцати тысяч их должно было быть в тридцать раз больше! И на день Вайтанги уличные безобразия устраивали бы не десять тысяч, а триста тысяч человек!

Такие математические подсчеты Сеня от нечего делать производил в голове, в то время как Дэйв старательно выводил на листочке буквы на иврите: *алеф, бет, гимел, далед...*

— Знаешь, отчего Бог запретил евреям есть свинину и креветки? — вдруг спросил Дэйв, оторвавшись от своего кропотливого занятия.

— Ну, и почему? — улыбнулся Сеня.

— Потому что он хотел оставить самое вкусное себе! — рассмеялся Дэйв. — Бог тот еще жадина!

— И после этого ты будешь утверждать, что веришь в Бога? — усмехаясь кончиком рта, осторожно спросил Сеня.

— Вера в Бога вовсе не означает соблюдение заповедей! — серьезно ответил Дэйв, и Сеня понял, что переступил некую дозволенную черту, за которой лежал кромешный мрак души его собеседника. Он замолчал.

– Знаешь ли ты, кто самый знаменитый в мире теолог? – продолжал Дэйв.

– Ты? – попытался отшутиться Сеня.

– Дьявол, – серьезно сказал Сенин собеседник и хитро улыбнулся. – Кто, как не дьявол, лучше всего знает Бога? Более того, кому, как не дьяволу, надлежит знать все его недостатки? Ведь именно он подходит к Богу критически, а следовательно, пользуется истинно научным подходом. Вера вовсе не означает следование заветам... Мы все верим в то, что если вскрыть себе вены, – мы умрем. Но лишь немногие из нас пускаются на такое приключение... Кстати, если тебе в голову когда-нибудь придет такая блажь, скажи мне. Я могу дать тебе очень острую бритву... А верить в Бога вовсе не означает следовать его понуканиям. В этом и заключалась ошибка Иисуса. Он ожидал от людей только слепой веры. «Веруешь ли в меня?» – вопрошал Христос, и если человек отвечал утвердительно, он его врачевал или одаривал какой-нибудь другой благодатью... В этом отношении ваши старые еврейские пророки были конкретнее и непреклоннее. Они как раз смотрели больше на то, что человек делает, а не что он говорит... А чудеса в основном использовали для того, чтобы пугать египетского фараона.

– А вот у Кафки... – начал было Сеня несмело.

– Брось ты своего Кафку! И что вы все носитесь с этим доходягой? Человек явно был не в себе, завещал почти все свои произведения

уничтожить... Честно понимал, что написал ересь и нудятину. Так нет, вы нарушили волю покойного, растащили все его записочки и смакуете... Знаете кто вы после этого?

– Ну хватит о грустном, – с деланной веселостью сказал Вечнов, мучительно пытаясь уйти от продолжения этого скользкого и неприятного ему разговора с бывшим убийцей, понимая, что звание «бывший» никогда не может быть с полной уверенностью соотнесено со званием «убийцы», особенно обладающим «очень острой бритвой», а следовательно, держащим жизни всех обитателей этой тюрьмы на тоненьких ниточках. Воистину Дух Тюрьмы, он здесь и царь, и бог, такой же невидимый и столь же всесильный.

Дэйв помолчал, потом достал откуда-то две порции превосходных стейков из высококачественной австралийской говядины «Прайм Биф», которые ему накануне принесли христианские друзья из близлежащего ресторана «Bowmans», и, разогрев их в микроволновой печке, предложил Сене разделить трапезу. Сенья не мог отказаться, потому что уже очень давно не ел нормальной, а тем более ресторанной, пищи.

Они присели за стол. Сенья мигом съел свою порцию, а Дэйв стал медленно и со вкусом пожирать свою.

— Вот этот стейк, — сказал он, указывая на кусочек немного кровавого в середине мяса, — это самый лучший пример Божественного правосудия. *Некоторые*, — с особым ударением произнес Дэйв Эспид, — уже пятнадцать лет гниют в земле, а пожалуй, уже совершенно разложились... А *некоторые* продолжают наслаждаться этими божественными кусочками плоти...

Сеня молчал, боясь рассердить своего собеседника, когда тот касался такой деликатной темы.

– Я верю в Бога, – продолжал Дэйв, – чего ж в Него не верить? Только вовсе не считаю, что если Он создал нас по образу и подобию своему, то я неизвестно почему должен ограничивать свои действия. Бог говорит: «Не убий!» – а весь Ветхий Завет полнится грандиозными убийствами! Бог говорит: «Будь добр» – а сам зол и несправедлив, насколько это только можно! Я действительно верю в Бога, и во всем пытаюсь ему подражать! Ведь созданное по образу и подобию должно и действовать по образу и подобию. Не так ли?

– Пожалуй, – тихо сказал Сеня и принялся выковыривать мясо из зубов, всем видом показывая, что ему якобы не интересен этот до крайности скользкий разговор.

– Иисус со своим Новым Заветом принес еще больше горя человечеству, с его «непротивлением злу насилием», – продолжал Дэйв, дожевывая стейк.

– Ты только не говори этого своим христианским друзьям, а то они тебе больше стейков не принесут! – попытался отшутиться Сеня.

– Отчего же! Я открыто им это говорю. Они считают меня Антихристом и всячески способствуют свершению предсказанного в Апокалипсисе, – гордо заявил Дэйв Эспид.

– А ты тоже считаешь себя Антихристом? – не удержался Сеня.

– Нет, я считаю себя неплохо устроившимся человеком, – ответил Дэйв, с наслаждением

вытирая губы салфеткой. — Вообще у меня агорафобия — страх открытых пространств, и тюрьма для меня — самое лучшее место. Кроме того, здесь я могу спокойно предаваться своим исследованиям. Пожизненное заключение гораздо лучше, чем срок в двадцать лет. Когда ты заключен на всю жизнь — тебе не надо беспокоиться о будущем. Для тебя существует только здесь и сейчас, а завтра будет с ослепительной неотличимостью напоминать сегодня. Если бы мне выпало начать жизнь снова, я бы обязательно прожил ее именно так, как прожил.

— А христианских друзей не смущает, что ты не считаешь себя Антихристом? — спросил Сеня. — Разве можно сыграть *такую* роль без сознательных усилий с твоей стороны?

— Нет. Они говорят, что так и должно быть. Ведь Иисус до поры до времени не знал, что он Мессия, или, во всяком случае, был не вполне уверен, — деловито ответил Дэйв и добавил: — Разве знал Гитлер, когда писал в своем заточении «Майн кампф», какая честь вершителя судеб мира предначертана ему Богом?

— Богом ли? — поморщившись, переспросил Сеня, которого, как и всякого еврея, передергивало от имени фюрера.

Дэйв Эспид обаятельно улыбнулся, и Сеня заметил, что когда Дэйв улыбается, его лицо действительно приобретает шарм, перед которым трудно устоять. Это не была улыбка горького

убийцы. Это была приветливая и в какой-то мере праздничная, торжествующая улыбка, обладающая чрезвычайным магнетизмом. «Может, и правда Антихрист? – со страхом подумал Сеня. – Чем черт не шутит... Вот именно, черт...»

– Ну а кем еще, как не Богом? Ты почитай Ветхий Завет! Он такие избиения своего народа устраивал сплошь и рядом! – весело забалагурил Дэйв. Чувствовалось, что беседа с наивным Сеней его стала забавлять.

– Ну, хорошо. А как же число зверя? Знаменитые три шестерки? – неуверенно спросил Сеня.

– Это, что ли? – Дэйв показал на свой затылок.

Через коротко подстриженные волосы четко проступала страшная цифра. Сеня в ужасе отпрянул.

– Не бойся, дурачок. Это татуировка. Один мастер мне сделал. Надо же было как-то христиан подбодрить. А тут стейки опять же... – успокоил Сеню Дэйв.

– Как же христиане могут помогать Антихристу? Разве это не абсурд? – удивился Сеня.

– Ну, отчего же абсурд? Я тебе как теолог скажу, что существуют разные секты, и довольно многочисленные, которые считают своим долгом помочь свершению предсказаний. Поэтому они и способствуют возвращению всех евреев в Израиль. Неужели ты думаешь, что твои вихрастые взбалмошные собратья действительно

смогли бы организовать собственную страну и выстоять в стольких войнах, если бы не постоянная помощь со стороны этих сектантов? И в Америке, главной пособнице Израиля, может быть, ты думаешь, главную роль играет еврейское лобби? То есть во всех странах евреев ни во что не ставят, а в США их уважают, потому что их много? Чушь! В США твоих соплеменников точно так же ни во что не ставят. Их просто, как баранов, используют сектанты, которые веруют, что им предписано способствовать свершению предсказанного и таким образом приближению Царства Божия, ну, разумеется, после Апокалипсиса... Войны Гога и Магога на горе Медии и так далее по списку.

— Мне кажется, что то, что ты говоришь, — абсурдно, — отмахнулся Сеня.

— Так или иначе, этот абсурд кормил тебя сегодня стейком. Так же, как этот абсурд который год кормит твою маленькую еврейскую страну... — благодушно отметил Дэйв.

— Но ты не сказал, веришь ли ты сам во все это? Или ты просто подыгрываешь этим сумасшедшим христианам? — спросил Сеня своего благодетеля несколько настойчивее, чем следовало бы.

— Вот в этом и заключается вся ваша еврейская суть! Я бы не называл сумасшедшими тех, кто принес тебе Тору и накормил стейком. Ведь твой раввин так и не соблаговолил к тебе прийти,

сколько ты его ни просил! – засмеялся Дэйв Эспид.

Сеня действительно несколько раз связывался с местным раввином, но тот так и не нашел времени навестить его в тюрьме, видимо, опасаясь подавать повод для усиления и без того достаточно распространенных антисемитских выступлений в городе.

– Ну, на это есть свои причины! – обиделся Сеня. – Из-за вашего антисемитизма мы, евреи, находимся в постоянном страхе повторения катастрофы...

– А не путаешь ли ты причину со следствием? Может быть, все совсем наоборот? Именно из-за вашего постоянного страха вы и имеете дело с антисемитизмом. Если б я был евреем, я бы показал вам, как решить проблему антисемитизма раз и навсегда! – твердо сказал серийный убийца.

– Я догадываюсь, как бы ты ее решил, – тихо сказал Сеня.

– А что? Да! Я бы планомерно убил всех антисемитов. Всех до одного, до последнего, самого что ни на есть умеренного антисемитика. Вот тогда бы вас зауважали! Вот тогда с вами действительно стали бы считаться, и никакого антисемитизма на земле не осталось бы! – уверенно заявил Дэйв Эспид.

– Нас и так обвиняют в том, что мы оккупанты...
– запротестовал Сеня.

– Конечно, обвиняют! А разве ты не знаешь этой мультки? Когда тебя лупили в школьном туалете, и приходил учитель, разве ребята не выставляли тебя виноватым, что якобы это ты затеял драку, и им верили, ведь их было много, а ты один, и они громко кричали и честно смотрели в глаза, когда лгали, а ты, даже когда говорил правду, с сомнением прятал глаза? Потому что вы, евреи, ни в чем не бываете вполне уверены... В этом, пожалуй, и состоит главная функция еврейского народа – сеять повсюду сомнения... Взять вашего Эйнштейна, например! – выпалил на одном дыхании Дэйв.

– Но наши заповеди не позволяют убивать! Убивая, мы перестаем быть евреями! – возразил Сеня.

– Глупости. Есть такое понятие (ты сам меня учил) «пикуах нефеш» – мол, когда действительно надо, когда действительно вопрос жизни и смерти, то можно нарушать любую заповедь... Не так ли? – проговорил Дэйв, со смаком достал из пачки две сигареты и угостил одной Сеню.

– Не совсем так... – ответил Сеня, радостно закуривая. Ведь сигареты в тюрьме на вес золота! За пачку сигарет здесь вполне могут убить.

– Ну, так или не так, в вашем же Писании сказано: «Айн тахат айн шен тахат шен» – око за око, зуб за зуб. Террорист уничтожает пятьдесят человек, взрывая автобус, а вы бульдозером сносите его дом. Всё? Это, по-вашему, око за

око? Нужно за пятьдесят – убить пятьсот. И так планомерно и равномерно изничтожить всех своих врагов.

– Но их миллионы!

– А когда вас жгли в печах, что, счет шел не на миллионы? – разгорячился Дэйв. – Впрочем, о чем тут говорить? Если вы станете поступать, как я сказал, то вы перестанете быть евреями!

– Знаешь, что случится, если мы станем поступать, как ты советуешь? Нас просто всех уничтожат! Мы подадим для этого прекрасный повод! – волновался Вечнов.

– Может, и уничтожат. Поздно потому что... Столько тысячелетий вели себя, как уроды. Теперь, конечно, поздно меняться. Ну и пусть уничтожат! Что с того? Разве ваши враги боятся погибнуть в борьбе? Вовсе нет! Ваши враги готовы взорвать себя, чтобы уничтожить побольше вашего брата! Идите на улицы и уничтожайте своих врагов! К тому же у вас есть атомная бомба... Или вы только блефуете? Эх, если бы у меня была атомная бомба, я бы показал вам, как решать ваши проблемы – чисто, быстро, эффективно и навек!

– Но это же безумие! – прокричал Сеня, и вдруг впервые заметил, что глаза его собеседника поблескивают очевидными искорками безумства.

– Никакое это не безумие, – возразил безумец. – Вы все время исходите из того, что гибель – это плохо. Что смерть – это зло! Даже Бог так не считает. Наоборот, кого он больше всех любит,

того он и прибирает к рукам поскорее. Смерть – это никакое не зло. Это нечто столь же естественное, как трапеза. Тем более мы, пожирающие плоть, каждым своим застольем знаменуем чью-то гибель.

– Даже вегетарианцы? – устало попробовал возразить Сеня.

– А что, растения неживые? – спросил Дэйв задиристо. – Растения – единственные, кому следовало выдать награду за образцовое поведение. Сидят себе тихонько, фотосинтезируют. Превращают солнечный свет в питательные вещества, по пути перерабатывая углекислый газ в кислород. Растения – вот кто настоящие христиане! Бог любит их за их неизбывную благодать и пониженную агрессивность. Хотя как сказать... Деревянное орудие тоже может стать прекрасным орудием убийства... – мечтательно рассудил Дэйв.

– Твоя философия – страшная, – смело возразил Сеня. – Она бесчеловечная.

– А что такое «человечная»? То есть ты считаешь, дать человеку умереть от старости и болезней, утопая в собственных испражнениях, – это и есть высшее проявление человечности? Человеку надо дать возможность умереть, круша череп своего врага! Вот это человечно! Вот это по-настоящему отвечает вожелениям нормальных представителей сего рода! Кстати, я ни за что не соглашусь звать этот род *homo sapiens* – человек разумный. Можете звать его

как угодно: человек безумный, человек кровожадный, человек смердящий, человек копошащийся, человек подлый, человек лгущий, человек чушь несущий, человек прелюбодействующий, наконец... но только не разумный!

Сеня с завистью посмотрел на Дэйва, услышав слово «прелюбодействующий». Те же христианские друзья аккуратно доставляли Дэйву прямо в тюрьму лучших проституток Окленда, а тюремщики не препятствовали, скромно регистрируя в журнале посетителей в графе «степень родства» – «троюродная сестра» или «племянница», если уж возраст визитерши был слишком субтильным по сравнению с разменявшим пятый десяток Дэйвом. Таких «родственников» у мистера Эспида числился целый гарем, причем одна краше другой.

– То, что ты утверждаешь, Дэйв, прекрасно описано в учебнике по психиатрии как «мания величия» и «бредовые состояния», – выпалил Сеня сгоряча все свои неточные медицинские познания в этой области. Его раздражала эта самодовольная улыбающаяся рожа счастливого человека, хорошо питающегося и проводящего как минимум раз в неделю пару часов с красивой женщиной, и это при том, что Сеня уже прочно забыл, что это такое и с чем это едят!

Но тут же пожалел, что не сдержался, потому что Дэйв изменился в лице. Вместо приветливого безумного весельчака на него смотрел настоящий убийца.

– Брось! – жестко и отчетливо произнес он. – Что, по-твоему, означает «нормально»? Кушать человечину – это нормально? А ты пойд и спроси у маори! *Не кушать* человеческое мясо среди людоедов – это ненормально. Зрячий среди слепых – ненормален. Норма определяется соотношением большинства к меньшинству. Меньшинство всегда признается ненормальным, как бы ни было уродливо большинство. Поэтому оперировать таким понятием, как «ненормально», может только конченый идиот и дерьмо, каковым ты, по всей видимости, и являешься!

Дэйв быстро встал из-за стола и, смяв бумажку с ивритскими буквами, зашагал прочь.

После этого неприятно закончившегося разговора Дэйв все же продолжал брать у Сени уроки иврита и даже разрешал звонить по своему мобильнику домой, в Израиль, бесплатно, и по-прежнему время от времени угощал стейками. И то и другое все равно оплачивали христианские друзья – пособники Апокалипсиса.

Постепенно, когда Дэйв почувствовал, что вполне овладел древнееврейским языком, он удалился обратно, в серый фон тюремных буден, растворившись в нем так, словно его никогда и не было, и Сеня Вечнов опять почувствовал себя совершенно одиноким.

– Уж лучше с чертом время коротать, чем одному! – вздыхал он, вспоминая веселые пирушки с пожирателем стейков.

Глава 22. Оставим историю – историкам!

Личность адвоката играет решающее значение в исходе любого дела. Особенно это касается суда присяжных, в котором каждое разбирательство невольно превращается в спектакль. Этот факт хорошо известен, и американцы давно уже пристрастились устраивать настоящие шоу из всех своих знаменитых судебных процессов. Причем можно предположить, что, например, Майкл Джексон¹⁷, хотя и не был осужден, пострадал ничуть не меньше, чем Марта Стюарт¹⁸, которая была осуждена, хотя и не по тому поводу, по которому, собственно, начался ее процесс.

Новозеландцы тоже не могли устоять от такого соблазна. Народ во все времена требовал хлеба и зрелищ, и, наконец, набив полный рот булками, люди желали развеяться, а что может быть лучше, чем наблюдать суд, а еще лучше – казнь другого человека? Страна хоть и располагалась на задворках планеты, но новозеландцы зорко

¹⁷ Майкл Джексон обвинялся в развращении малолетних, но был оправдан.

¹⁸ Марта Стюарт – ведущая модных передач по ведению домашнего хозяйства и издательница журнала о том же. Ее обвинили в нарушении правил игры на бирже, а посадили за лжесвидетельствование.

наблюдали за модными тенденциями в мире. В самой Новой Зеландии, правда, отменили смертную казнь, но судов пока никто еще не отменял. Местная пресса давно заметила, что когда их читатели углублялись в чтение статей о каком-нибудь заграничном судебном процессе, лица этих добропорядочных граждан всегда становились серьезными и внимательными, и поэтому газеты не теряли времени даром. Они уже давно научились ловко провоцировать местные судебные разбирательства, исключительно для поддержания собственной популярности и для развлечения своих читателей! Популярность газет позволяла увеличить доходы от рекламы и растущих тиражей. Таким образом, например, осуждение Сени Вечнова кроме своего положительного политического значения для правящей партии страны еще и помогало продавать нижнее белье и мебель, разрекламированную на страницах с материалами о нем. Газетам и телевидению было плевать, что какой-то еврейчик Сеня Вечнов был невинно осужден за контрабанду живым товаром, что с тем же успехом можно было бы обвинить в пособничестве в этом преступлении пилота самолета, доставившего на своем борту украинцев с поддельными израильскими паспортами. Все это не имело никакого значения.

Более того, журналисты обычно даже кичатся своей неразборчивостью и безнаказанностью. Подобно серийному убийце Дэйву Эспиду, они прячут острую бритву и держат всех жителей

страны на тоненьких ниточках, словно марионеток. Стоит полоснуть статьей, и ниточка обрывается, — нет человека, его бизнеса, профессиональной репутации... Журналистам нравится оставлять за собой руины человеческих судеб. Они именуют это «свободой слова» и готовы все отдать за защиту этого неотъемлемого права любого демократического государства безнаказанно очернять любого из своих граждан.

Вынюхивая очередной скандал, газета расправляет свои гигантские страницы, словно паруса, и начинает искать попутного политического ветра. Надо сказать, штиля на этом море никогда не бывает.

Стоило какой-нибудь газете поднять шум по любому поводу, как всегда находились охотные спонсоры и сочувственные сторонники. Конечно, пресса в Новой Зеландии не была продажной... Боже упаси. Она сама решала, на что обращать свое внимание, а политические деятели выбирали товар по своему вкусу, что, безусловно, делало ситуацию более цивилизованной, чем при каком-нибудь антинародном режиме, где прессе диктуется непосредственно сверху, о чем ей писать, а о чем воздержаться.

После почти каждого скандала начиналось полицейское расследование или даже создавалась специальная комиссия парламента, причем сама газета нередко передавала материалы своего «журналистского расследования» в руки властей, таким образом оказывая посильное содействие правосудию.

Чаще всего дело даже не доходило до суда, ввиду отсутствия доказательств и взбалмошности обвинений. «Журналистское расследование» оказывалось просто «журналистской уткой», но все были довольны, кроме разве что тех, кто становился случайными жертвами вездесущей прессы. Но газеты никогда не интересовались чьим-то индивидуальным благом. Ведь их призвание при демократии – быть санитарами общества и зорко следить за тем, чтобы в этом обществе не оставалось слабых и больных особей, которых необходимо планомерно и безжалостно уничтожать для всемерного улучшения нации!

Вот и сейчас снова сработала обычная схема журналистского скандала, и поэтому Генрих Альтман находился в тяжелых раздумьях насчет кандидатуры адвоката для своего отца, Фридриха Альтмана, который на старости лет решил перебраться в Новую Зеландию, поближе к сыну. Фридриху было уже за восемьдесят, но здоровья он был крепкого и пока не собирался отходить в мир иной. Конечно, он не успел сыграть значительной роли в фашистских преступлениях. Ведь когда закончилась Вторая мировая война, ему был всего двадцать один год. Но, несмотря на относительную молодость, в те годы он успел отличиться в операциях массового уничтожения, проводившихся в концентрационных лагерях, и даже был удостоен высокой награды, что и позволило новозеландским властям объявить его фашистским преступником. Эти факты никогда

не выплыли бы на свет божий, если б сам Фридрих с гордостью не рассказал об этом журналистам, которых почему-то изначально заинтересовало его прошлое. Дело в том, что Фридрих на старости лет опубликовал в Германии свои довольно скандальные воспоминания, и, видимо, новозеландцы разнюхали, что автор почтил их скромную страну своим визитом.

Сложившаяся обстановка волновала Генриха еще и потому, что он с самого начала не очень одобрял идею публикации этих «воспоминаний», а потом и скрыто противился переезду отца. И вот теперь, когда тот приехал, сын был просто вне себя от того, что все это неожиданно вылилось в громкий скандал, наносящий вред его семейному бюджету и его профессиональной репутации директора школы, которым Генрих работал вот уже более тридцати лет. Учащиеся школы, проходя мимо него, салютовали и выкрикивали «хайль Гитлер!», а это ничего хорошего не сулило. Генрих мог запросто лишиться работы.

Нередко случается, что родители позволяют по отношению к своим детям такие действия, которые они никогда не позволили бы себе в отношении кого бы то ни было другого. Причем пока это происходит с маленькими детьми, это явление имеет разумные пределы, однако когда подобные отношения сохраняются с сыновьями и дочерьми, которые сами уже входят в возраст

дедушек и бабушек, ситуация принимает катастрофические очертания.

Дело в том, что современное общество за счет неоспоримых успехов медицины значительно продлило жизнь стариков, забыв, однако, позаботиться, чем же их занять. Выйдя на пенсию в шестьдесят, они еще по двадцать лет маются бездельем! Вот тут и начинаются фокусы в стиле «дела фашистского преступника Фридриха Альтмана». Давным-давно истлели останки жертв его геройской молодости, прах их развеян по ветру... Некому больше предъявлять ему претензии. Некому выступать свидетелями обвинения. Так нет же, хочется герру Альтману тряхнуть стариной, покинуть авансцену истории с гордо поднятой головой!

– Ну, сколько ему еще осталось? – рассуждал Генрих. – А ведь как нагадил всем нам и прежде всего самому себе на старости лет! Совсем из ума выжил. С тех пор как выяснилось, что новый папа римский имеет фашистское прошлое, все оставшиеся в живых нацисты воспряли духом.

Имя Фридриха Альтмана попало на первые полосы газет, и в какой-то момент даже поговаривали о заключении его в тюрьму, но вовремя образумились, потому что посадить восьмидесятидвухлетнего старика было бы полным безумием даже по новозеландским меркам, где тюремное заключение практикуется по любому поводу и ведет к чрезвычайной переполненности тюрем.

Генрих не желал тратить ни цента на это дело. Он считал, что отцу нужно подчиниться судьбе и тихо отбыть восвояси... Однако Фридрих так не считал, а сын боялся открыто возражать отцу, потому что с младых ногтей воспитывался в строгости и беспрекословном подчинении. К тому же у Фридриха имелся весьма внушительный капитал в швейцарском банке. Подозревалось, что капиталец был нажит на золотых зубах его жертв. Однако Генрих рассчитывал, получив наследство, воспользоваться им для благородной цели – оплатить учебу своих троих детей в лучших университетах Англии или США. Еще и поэтому он не хотел раздражать старика... Мало ли что ему может прийти в голову сделать со своими деньгами, если сын посмеет его разочаровать!

И тут Генриху пришла в голову прекрасная мысль обратиться по поводу сложившейся ситуации к своему близкому приятелю, адвокату Биллу Мудэну, который как раз блестяще закончил процесс по защите одного еврея-контрабандиста и вообще был в последнее время на высоте, и, казалось, в ближайшее время не планировал явиться в суд в женском платье. Генрих пригласил Билла на пиво в один давно облюбованный ими бар в центре Окленда и поведал адвокату о своих печалях. Билл был вне себя от восторга. Он даже чуть не пролил свою кружку, с неожиданным и несвойственным адвокатам энтузиазмом умоляя Генриха отдать

ему это дело, и обещал все сделать по дружбе практически бесплатно!

Биллу было просто необходимо закрепить свой успех, которого он добился, представляя Семена Вечнова в суде, и, более того, ему позарез было нужно отмыть себя от подозрений в сочувствии евреям вообще и израильтянам в частности. Широкие массы не отдают себе отчет в том, что адвокат, как и врач, не выбирает своего клиента. Его профессиональный долг – протянуть руку помощи любому нуждающемуся в ней. Разумеется, нельзя считать, что если адвокат защищает в суде еврея или нациста, то он таким образом проявляет свои политические убеждения и склонности. Но разве публике разъяснишь такие высокие материи, касающиеся профессиональной этики?

Из газет публика знала, что мистер Мудэн является адвокатом еврея-контрабандиста, и *volens nolens*¹⁹ начинала ассоциировать его с защитником евреев вообще. Апогей этого безумия настал, когда на капоте автомобиля мистера Мудэна, припаркованного рядом со зданием суда, хулиганы желтой краской намалевали шестиконечную звезду и написали «Смерть евреям!». Это не могло не беспокоить Билла, и защита бывшего нациста могла поправить репутацию адвоката.

Конечно, не все еще забыли его дебют в женской одежде, и это тоже огорчало Билла, а теперь

¹⁹ Волей-неволей (лат.).

повышенное внимание со стороны антисемитски настроенных масс мешало успешному восстановлению достойной адвокатской практики.

Генрих, не долго раздумывая, согласился отдать это дело Биллу. В конце концов, он ничего не терял. Если дело будет проиграно – отца депортируют обратно в Аргентину, где у него оставался особняк, если будет выиграно – останется жить с сыном в Новой Зеландии, что облегчит сыновьи заботы по уходу за стариком. А наняв своего приятеля, Генрих имел отличный шанс сэкономить немалые деньги!

На следующее утро в газетах появились публикации о том, что мистер Мудэн назначен адвокатом в деле о бывшем нацисте. Билл сам поспешил сообщить этот отрадный для него факт прессе, а та буквально вылазила из шкуры, пытаясь отвлечь внимание населения от волнений маори и других насущных проблем. Теперь, после того как страсти с израильтянами, шпионами и контрабандистами стали понемногу утихать, дело бывшего нациста вышло на первый план. Общественное мнение было на стороне нациста и требовало разрешить ему остаться в стране. Новозеландцы были раздражены на евреев за их шпионские и контрабандистские вылазки.

Власти же требовали от старого Фридриха Альтмана, в соответствии с законом, покинуть страну. Они, правда, не собирались разбираться в подробностях преступлений старого фашиста и

отказались от мысли судить его за нацистские преступления. Однако Фридрих твердо стоял на своем и добивался права остаться жить вместе с семьей сына, что противоречило закону о том, что лица с нацистским прошлым не должны допускаться на постоянное место жительства в Новую Зеландию.

Сам Билл, как уже отмечалось, был человеком чрезвычайной щепетильности и разборчивости. Безусловно, он ни в коем случае не взялся бы за это дело, едва его совесть подсказала бы ему, что здесь что-то нечисто. Мистер Мудэн верил в торжество справедливости и рассуждал, что препятствовать старику поселиться в Новой Зеландии – совершенный абсурд, прежде всего с юридической точки зрения. Во-первых, кроме показаний самого (возможно, выжившего из ума) старика и его опубликованных воспоминаний (которые могли быть литературной выдумкой), у новозеландских властей не было никаких доказательств о его активном нацистском прошлом. Никто не собирался посылать следователя в германские архивы и выкапывать давно погребенные, а в большинстве случаев и уничтоженные, доказательства. Необдуманное заявление Фридриха прессе о том, что если бы сейчас ему снова дали приказ казнить евреев в газовой камере, он не задумываясь его выполнил бы, тоже нельзя было считать заявлением резонным и здравым. Кроме того, даже если старик и совершил преступление более полувека назад, то эти преступления не были совершены

против Новой Зеландии и не находились в области ее юрисдикции. Хотя военные преступления и не имеют срока давности, что совершенно справедливо, однако всему должен быть свой предел, – рассуждал мистер Мудэн. Невозможно тащить за собой в третье тысячелетие конфликты прошлого века, – ведь это чревато тем, что эти конфликты оживут снова, как, например, эта желтая звезда и надпись на капоте автомашины адвоката. Чем больше муссируются эти вопросы, тем вероятнее, что они будут находить громкий отклик в широких кругах радикально настроенного населения, а это значит, что если сегодня мистеру Мудэну за то, что он, выполняя свой профессиональный долг, защищал еврейского контрабандиста, испортили капот, то завтра, неровен час, ему попытаются проломить голову. А это уже предвещает конец демократического общества, если в нем становится невозможно без страха реализовывать свои гражданские права и выполнять профессиональные обязанности.

Наконец пришел день основного заседания суда, и адвокат Билл Мудэн поразил всех своей блестящей речью, в которой сказал, что если только что вступившему в свою должность папе римскому не помешала его карьера в гитлерюгенде, то почему человек, желающий реализовать свое право на воссоединение семьи, должен быть святее самого Святого Отца католической церкви? Довод имел

ошеломляющий эффект. Ведь если выбор кардиналов в Риме пал на человека с таким прошлым, то, утвердив его в качестве папы, конклав словно бы во всеуслышание заявил всему человечеству, что фашизм наконец-то стал историей, и теперь уже не имеет значения, кто где служил шестьдесят лет тому назад! Еще через десяток лет на земле не останется никого, кто участвовал в этом мировом противостоянии, и страсти должны успокоиться.

– Оставим историю – историкам! – провозгласил мистер Мудэн, и суд разрешил Фридриху Альтману остаться в Новой Зеландии.

Некоторые бульварные газеты даже позволили себе высказывания столь крайних мнений, что, в конце концов, у нацистов были все основания решать «еврейский вопрос», потому что он встает ребром в Новой Зеландии и *в наше* время, и можно себе представить, как евреи *в свое* время должны были достать немцев. Другие газеты вообще отрицали факт массовых казней евреев во время Второй мировой войны, относя все это к проискам сионистов, перекраивающим историю, как им удобно, для того чтобы оправдать собственные зверства против палестинского народа. Гитлер наверняка прослезился бы от восторга, если бы ему довелось почитать новозеландскую прессу наших дней!

Следя за ходом этого дела по доносившимся в тюрьму отголоскам, Сеня только диву давался, как могла ему прийти в голову мысль об

иммиграции в такую антисемитскую страну, и как могла судьба связать его с таким адвокатом, который взялся защищать нациста, да еще проделал это с такой виртуозностью, в то время как по делу невинного Сени добился вынесения обвинительного приговора!

— Он все-таки полный идиот и скотина, и совести у него нет ни на грош! — заключил Сеня. — Нормальный человек никогда не пошел бы на такой спектакль. Его обязательно нужно поменять, и ни в коем случае не подавать апелляцию с помощью этого ублюдка!

После оглушительной победы в суде, когда слова из речи адвоката «Оставим историю — историкам!» прогремели на первых полосах газет, мистер Мудэн несколько опасался раздражения с другого полюса конфликта. Ведь еврейская община Окленда, должно быть, до крайности возмущена поведением адвоката нацистского преступника. Билл даже опасался, что с их стороны тоже могут последовать какие-нибудь инциденты вроде рисования свастики на капоте его многострадального автомобиля. Между тем его опасения не оправдались. Никакого второго полюса просто не оказалось! Ни мистера Мудэна, ни его автомобиль никто не побеспокоил в связи с его победой на процессе и призывами оставить историю историкам.

— Все-таки какие евреи приятные и цивилизованные люди. Они единственные в этой стране действительно понимают смысл гражданских свобод! — с удовлетворением

отмечал мистер Мудэн, оглядывая свежевыкрашенный капот своего автомобиля. Вот уже три недели после завершения процесса над нацистом на нем не было ни царапинки, не то что свастики. — Надо бы вменить счет за перекраску капота этому Вечнову. Ведь это из-за него я пострадал! — твердо решил адвокат.

Глава 23. Жизнь – это испытание, которое каждый должен выдержать достойно!

Сосед Вечнова, пакистанский исламист по имени Файзал, осужденный за подготовку теракта, до поры до времени игнорировал Сенино существование. Когда случалось им встретиться глазами, Файзал кривил уголок рта в ядовитой усмешке. Подобное презрение редко можно встретить в человеческом взгляде. Так смотрят на раздавленных червей или тараканов.

Вечнов пытался не думать о своей роли раздавленной мерзости, но, трясь бок о бок даже с террористом, все равно рано или поздно приходится вступать в ту или иную форму общения.

Вечнов не ожидал, что обмен случайными фразами сможет вылиться в полномасштабный религиозный диспут.

— Что же ты — еврей, а жрешь свинину? — с неприязнью бросил реплику Файзал как-то после ужина, когда их заперли в камере. Террорист

добился, чтобы ему доставляли специальную еду, разрешенную мусульманам.

– Я не ем свинину. Я взял на раздаче только гарнир, – тихо ответил Сеня.

– Что же твои пейсатые дружки не приносят тебе кошерную еду? – удивился Файзал.

– Видимо, они недостаточно пейсатые в этой стране, чтобы помогать собрату, попавшему в беду, – горько промолвил Сеня и отвернулся.

Файзал неприятно засмеялся и неожиданно выдал следующую тираду:

– Если бы я родился евреем, я бы сделал то же самое, что и собираюсь сделать, как только выйду из тюрьмы: я бы покончил с собой, причем постарался бы убить как можно больше вашего брата. Вы отмершая ветвь. Вам нужно было исчезнуть с поверхности земли еще две тысячи лет назад. У вас действительно был шанс стать избранным народом, когда Бог открыл истину Мусе²⁰, но вы всё исказили, и ему потом пришлось снова открывать истину, пока снова вы не вывернули ее наизнанку, когда он послал вам Йсу²¹. Только с Мухаммедом человечество получило истину в неискаженном виде. Вы – преступный народ, из-за которого человечество восприняло истинное божественное прозрение с

²⁰ Так именуется в Коране Моисей.

²¹ Так именуется в Коране Иисус.

опозданием на несколько тысячелетий. Ведь в Коране записаны слова Аллаха: *«Мы дали Мусе писание и вслед за ним Мы отправили посланников; и Мы даровали Йсе, сыну Марйам, ясные знамения и подкрепили его духом святым. Неужели же каждый раз, как к вам приходит посланник с тем, чего ваши души не желают, вы превозноситеесь? Одних вы объявили лжецами, других вы убиваете»* ²².

– Ну, под таким стихом из Корана и я бы подписался. Действительно, сколько ни шлет нам Бог посланников, мы все то уличаем их во лжи, то распинаем... Но что нового предлагает Коран? Если христианство принесло столько нового в этот мир, что же принес в него ислам? Насколько мне известно, в Коране пересказываются истории многих персонажей и события христианских и иудейских религиозных книг (Библия, Тора, Новый Завет), хотя детали часто отличаются. Такие известные библейские фигуры, как Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус упомянуты в Коране, как Пророки Ислама. Что же нового придумали вы? Что же мы исказили? И отчего ты решил, что твой Коран – истина в последней инстанции? – буркнул в ответ Сеня.

– Не смей поганить имя великой книги своим змеиным языком! – ответил Файзал, и Сеня подумал, что вот и настал его последний час. Быть запертым в одной камере с оголтелым террористом – еще полбеда. А вот вести с ним

²² Сура 2. Ковола 81 (87).

религиозные диспуты – в этом-то и заключался настоящий фейерверк, так сказать, кульминация Сениного существования. Для того ли он родился, вырос, получил образование, растил детей, чтобы фанатик удушил его за то, что его народ, видите ли, искажил Божье слово?..

Сеня лег на железную, прикрученную к полу койку, и отвернулся к стене. Он всем видом показывал, что разговор закончен, однако Файзал так не считал.

– Коран – это слово Бога в неискаженном виде. То, что в вашей Торе содержится кое-что, похожее на сказанное в Коране, только подтверждает, что обе книги подпитывались из одного источника, но только твои соплеменники всё перепутали и изуродовали.

– Пусть будет так, – согласился Сеня, чтобы отвязаться.

– Вот видишь! Вы, евреи, – трусы. Ты боишься отстаивать свою религию. Ты боишься меня, а твои собраты боятся даже принести тебе кошерной еды! Вы жалкие ублюдки, выродки. Вам не следует существовать вообще!

Сеня повернулся лицом к Файзалу и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я тебя не боюсь! – твердо произнес он.

– Ну, вот так-то лучше, – улыбнулся террорист, – а то я думал, что с таким слизняком, как ты, и поговорить-то будет невозможно.

– А не кажется ли тебе, Файзал, что ты несешь несусветную чушь? – разгорячился вдруг Сеня. – Но самое страшное, что ты думаешь, будто твоя готовность умереть, убивая, возносит тебя на вершину мира, делает тебя сверхчеловеком. Ну так вот что я тебе скажу: я тоже готов умереть, убивая тебя и тебе подобных. Как тебе нравится моя позиция? Я могу сказать тебе в ответ все то же самое об исламе, что ты сказал про иудаизм и христианство. Но я не буду вести с тобой религиозных диспутов, Файзал.

– Это почему? Что ты, считаешь меня недостойным... – блеснул в полумраке глазами пакистанец.

– Потому что я считаю, что за твоей оголтелой, тупой пропагандой стоят спокойные, трезвые мужики, которые промыли тебе мозги и используют тебя в своих простых, как два пальца, земных целях...

– В каких это целях? – прохрипел Файзал.

– Да все в тех же, что и обычно: власть, деньги да удовлетворение с их помощью собственных амбиций.

– Ну, конечно, вы, евреи, всегда придумаете что-нибудь совершенно невероятное, чему и сами-то не верите. Кто меня нашпиговал? Кто промыл мне мозги? Против истины твои сионистские происки недействительны.

– Ну, хорошо, Файзал, хочешь религиозно-политический диспут – изволь! – распалился Сеня и сел на койке, опершись обеими руками,

словно астматик, который ищет положение для облегчения дыхания. – Пусть будет по-твоему, мы все примем ислам...

– Нет, вас, евреев, в ислам пускать нельзя. Вы превратите его в полную насмешку и снова уничтожите истинное слово Бога. Вам нужно исчезнуть с лица земли. Вот и в Коране сказано про вас: *«...за несправедливость тех, которые исповедуют иудейство, Мы запретили им блага, которые были им разрешены, и за отвращение ими многих от пути Аллаха...»*²³

– Хорошо, мы все самоубьемся. Это тебя устроит? А остальные примут ваш ислам. И тогда ты будешь счастлив? – задиристо спросил Сеня.

– Ты что же, весь Коран наизусть знаешь? – невольно восхитился Сеня.

– Почти, – гордо ответил Файзал. – У нас многие знают наизусть все 114 сур, то есть все входящие в них 6236 аятов!

– Это невероятно тяжело! – вздохнул Сеня.

– Ничуть. Просто нужно верить в то, что Благородный Коран является Словом Всевышнего Аллаха! Тогда эти наисвятейшие слова запоминаются сами собой!

– Вот ты хорошо знаешь Коран. Я слышал, что там сказано, что если человек хороший иудей

²³ Сура 4. Женщины 158 (160).

или христианин, то он тоже попадет в рай. Разве это не так?

– Ха! Да ты знаток Корана?! Молодец! Есть в Коране такое место! Но только оно тебя не касается, можешь не радоваться. В Коране действительно сказано: *«Поистине, те кто верят, из иудеев или христиан [...] в Единого Бога (Аллаха), верят в Последний День (Страшный Суд) и ведут благоверную жизнь – воздастся им от Господа. Не будет у них ни страха ни печали»* ²⁴. Вот только в наше время благоверную жизнь может вести только мусульманин. Никто из современных христиан или иудеев не может вести благоверную жизнь! В современном мире нет благочестия вне стен ислама!

– Да, но ведь и среди самих мусульман немало разногласий. Ведь суниты и шииты вечно борются друг с другом. И главное, поводов к этой борьбе не больше, чем у протестантов и католиков. Однако столкновения между христианами на религиозной почве стали чрезвычайно редки... Северная Ирландия – скорее исключение из правил, а у вас шииты не могут ужиться с сунитами. Да только ли они? Саудовские принцы и коррумпированные президенты одних террористов поддерживают, а других готовы уничтожить. У вас столько разновидностей террористов, готовых перерезать друг другу горло. У вас нет и никогда не было

²⁴ Сура 2. Корова 59 (62).

единства. Все они исповедуют одну и ту же религию, но при возможности пытаются друг друга уничтожить. А сколько еще есть более мелких подразделений на секты и политические группировки? Ваш джихад, скорее, превратился в войну всех против всех, потому что вы и сами-то не можете договориться между собой.

– Наши разногласия – не твоего иудейского ума дело. Аллах мудр. В Коране сказано: *«А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но [...разделил], чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам»* ²⁵. Кстати, в основном причина этих разногласий – в существовании Израиля и Америки. Вот, например, коррумпированные правительства некоторых арабских стран. Если бы не поддержка сионистов Запада, мы давно бы их смели!

– Насилие никогда не приведет к миру! Ваша логика груба и непобедима, и характеризуется как раз полным отсутствием логики. Вы – правы, потому что вы – правы. И кончен разговор. Если ислам обвиняют в жестокости – вы и за это убиваете, даже не понимая, что, убивая за обвинения в жестокости, вы только подтверждаете правоту этих обвинений! Хотя чаще всего вы убиваете вообще без всякого повода. Спорить с вами невозможно и бесполезно. Вы не терпите и малой толики критики. Всё, что вам ведомо, – это насилие, а

²⁵ Сура 5. Трапеза. 53.

насилие никогда не приведет к миру! – заявил Сенья.

– Зато насилие обязательно приведет к победе! А мира нам не нужно! ответил Файзал. – Мужчине руки даны не для того, чтобы он чесал себе зад! Мужчине руки даны для того, чтобы держать оружие! Жизнь – не имеет никакого значения. Вы, западные воротилы в очках, залепленных жвачкой, этого не понимаете. Весь мир – это огромное поле битвы, а жизнь – это испытание, которое каждый должен выдержать достойно! Ты вот сидишь в тюрьме за то, что хотел денег себе подзаработать на несчастье отсталых стран, взялся ввозить рабочих в Новую Зеландию. А я здесь потому, что собирался взорвать себя на площади! Ты понимаешь разницу?

– Ну, во-первых, я не собирался никого ввозить... Но не в этом дело. Пойми же, Файзал, с вами никто не желает спорить. Более того, вы кажетесь дикими помешанными, которых нужно отлавливать и держать именно в клетках! Мир давно ушел на много столетий вперед от ваших блужданий по душевным пустыням. Отчего ты не желаешь спокойно растить семью, делать какую-нибудь полезную работу, зарабатывать деньги? Разве Аллах не прослезился бы, глядя, как ты ведешь спокойную, благоверную жизнь? Разве тебе кто-то мешает молиться сколько тебе заблагорассудится на своем коврике? Разве кто-то угрожает тебе смертью за то, что ты мусульманин? Почему весь смысл твоей жизни заключается в том, чтобы не давать жить

другим? Уверен ли ты, что именно в этом и заключается воля Аллаха? Ведь он не только твой Бог, но и Бог общий, Бог для всех, единственный в своем роде, и ты сам утверждаешь, что другого Бога нам не дано! Я не знаю, что привлекает тебя в твоём древнем и очевидно жестоком культе. Хотя вряд ли он задуман более жестоким, чем любая другая идеология. Если христиане умудрились истолковать учение Христа так, чтобы оправдать костры инквизиции и религиозные войны – то нет такой идеологии, которая не превращалась бы в клинок с окровавленным лезвием. Но почему ты, Файзал, так фанатично предан желанию убивать? Может быть, ты просто жесток от природы, может, ты просто маньяк, садист, прирожденный самоубийца, и рад, что нашел оправдание для убийств? Может быть, не найдя себе этой религии, ты просто тихо вскрыл бы себе вены в ванне? Ничего, так случается довольно часто, чаще, чем многие думают. Но тут ты нашел способ оправдать себя и захватить с собой еще несколько десятков невинных жизней, которые не хотят умирать! Почему, Файзал, ты узурпировал право на Бога? Ведь это и мой Бог, разве не так?

– Нет, не так, – ответил Файзал с раздражением и снова повторил: – В Коране сказано: *«И сказали иудеи и христиане: «Мы – сыны Аллаха и возлюбленные Его». Скажи: «Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы – только люди из тех, кого Он создал...»»* 26. Если Аллах

позволяет нам вас убивать, это значит, что он наказывает вас за грехи, и в этом и есть самое твердое, неоспоримое доказательство нашей правоты. То, что Аллах вас создал, вовсе не значит, что вы имеете право на существование. Не все, созданное Аллахом, рождено для жизни, многое рождено для смерти. Мы не смешиваем отбросы с изысканными яствами. Аллах послал нас, чтобы навести порядок, очистить человечество от отбросов, — а для этого необходимо вас всех убить! Лично мое желание взорвать себя на площади всякий сможет понять, если он столкнется с такой несправедливостью, с какой столкнулся я...

— И с какой же несправедливостью? — ехидно любопытствовал Сеня.

— Да с той самой, от которой хочется взорвать себя на многолюдной площади! — уклонился от ответа Файзал. — Сразу видно, что ты пока с такой несправедливостью не встречался. Ничего, дай время!

— Ну, если это так, если ты такой смелый и благоверный, и следуешь воле Аллаха, что ж ты до сих пор не убил меня? Вот он я — весь перед тобой, и на площадь ходить не надо, — недобро усмехнулся Сеня.

— Тебя спасла математика, — таинственно заявил Файзал.

— Математика? — удивился Вечнов.

²⁶ Сура 5. Трапеза 21 (18).

– Она самая. Вот прикинь. Мне дали всего три года. При сроках свыше двух лет за хорошее поведение могут выпустить всего через треть срока. Это значит – скоро я смогу взорваться на площади и убить человек тридцать, а если повезет, то и пятьдесят! А если я убью тебя, возможно, мне присудят лет двадцать или даже пожизненное заключение в отделении строгого режима. Вот такая простая математика тебя и спасла.

– А ты не задумывался, что я тоже могу убить тебя? – вдруг зашептал Сеня. – Убить так, что никто меня и не заподозрит. Мы же евреи! Значит, аптекари, у меня есть с собой яд на всякий случай. Цианистый калий. Вот подсыплю тебе в тюбик с зубной пастой или в тарелку с твоей мусульманской жратвой. На меня не подумают! И вся твоя жизнь окажется напрасной. Ты не сможешь, как планируешь, убить пятьдесят человек! Не пустят тебя в рай с сотнями обнаженных красавиц!

– Брось, никакого яда у тебя нет. Да если бы и был, ты никогда меня не отравил бы! – засмеялся Файзал. – Вы, евреи, на это не способны. Тебя бы стала мучить совесть, а потом сомнения, а потом раздумья, и ты так и не решился бы. Я хорошо знаю вашего брата...

– Ну, может, и так, – согласился Сеня. – Хотя как знать, вдруг я ненормальный еврей! Аномальный!

– Ну, тогда мне нужно убить тебя прямо сейчас! – прохрипел Файзал, и в темноте камеры блеснул нож. Сеню прошиб холодный пот. Он не ожидал, что теоретический диспут столь внезапно перерастет в открытый конфликт. Файзал был совсем хрупким, и Сеня почему-то думал, что справился бы с ним в драке, и даже искал повода врезать ему пару раз, но то, что у террориста оказался нож, видимо, пронесенный ему друзьями вместе с едой или Кораном, – этого Сеня не ожидал.

– Что, испугался? – довольно улыбнулся Файзал. – Я же говорю, что вы, евреи, ни на что не способны. Вот полосну тебе ножом по горлу – и делу конец.

– Ты – животное! – смело сказал Сеня. – И гордишься, что у тебя есть клык, а у меня нет.

Его очень покоробили оскорбления Файзала в трусости и никчемности.

– А ты – смелый! – довольно заявил Файзал, и нож куда-то внезапно исчез. – Ладно, давай спать.

Они легли каждый на свою койку, и в камере стало тихо. Сеня ждал, что Файзал точно набросится на него и до утра он не доживет. То, что у Файзала оказался нож, многое меняло.

«Ну и пусть убьет, – решил Сеня, засыпая. – Все равно жизнь моя пропала!»

Наутро он заметил, что Файзал не стал чистить зубы сразу. А потом, потоптавшись по камере, выпустил пасты в мусорное ведро, и лишь потом выдавил капельку на свою щетку, которую тщательно промыл.

– Я же пошутил, – приветливо сознался Сеня, радуясь еще одному подаренному дню жизни. – Нет у меня никакого яда!

– Я тоже пошутил: нет у меня никакого ножа, – хитро прищурился Файзал.

Глава 24. Что имеем – не храним, потерявши – плачем...

Любовь к жизни – капризное дело. То хочется парить над крышами домов и верить в целесообразность даже самых мелких и незначительных начинаний, а иногда все становится лишним и нестойким, даже собственное тело превращается в холодное нагромождение чуждой нам плоти. То ли время суток, то ли таинственный гормон в недрах нашего организма, а может, они вместе, сговорившись, играют с нами злые шутки, от которых то хочется жить, то снова одолевает тоска и ощущение полнейшей никчемности себя и окружающего.

Не далее как вчера Сеня заснул с мыслью о том, что ему не страшен нож Файзала, что жизнь его все равно пропала напрасно и ему больше нечего от нее ждать. Но стоило ему сегодня переговорить с родным домом по мобильному телефону, одолженному у пожирателя стейков, как жизнь снова обрела смысл. Сенина мама радостно сообщила, что приедет его навестить. Сеня удивился: «Почему одна, почему не со Светой?», но потом вспомнил, что со Светой они даже не были расписаны. Да, да... Так часто случается в Израиле, что люди, имея двух общих детей, живут, не заключая законного брака. С одной стороны, таким образом жена получает право на приличное пособие от государства как мать – одиночка, а с другой стороны, вступление в брак в Израиле чрезвычайно затруднено, если у одного или у обоих вступающих в брак не все порядке с документами, подтверждающими несомненное еврейство по матери. Другой причиной отказа от регистрации брака может служить отсутствие обрезания у жениха.

Раввинат постоянно отказывает в регистрации брака, руководствуясь этими соображениями пещерных времен, хотя сыны Авраама, пасшие коз на холмах Иудеи, имели, пожалуй больше свободы в заключении браков в те стародавние времена. Гражданских браков в Израиле не существует. Конечно, возможны приключения с поездками на Кипр, где подняла голову целая индустрия по заключению браков между израильтянами. Но многие откладывают эти

авантюры в долгий ящик и предпочитают продолжать получать пособия от государства, которое, как перезрелый остолоп, продолжает их им охотно платить, лишь бы в Израиле сохранялись вековые традиции ортодоксального иудаизма.

Дело вовсе не в иудаизме и не в исламе... Когда государство забывает, что его основная и единственная функция – это обслуживание своих граждан и защита их личных интересов, то любая религия или идеология превращает жизнь простых людей в перманентный кошмар, простирающий свои мертвенные щупальца во все закоулки человеческой жизни от колыбели до могилы. Причем не оставляя в покое и после смерти. Ведь неевреев в Израиле официально хоронить не разрешают. Неофициально же в последнее время стали использоваться какие-то пустыри, где кибуцы²⁷ содержат платные кладбища для покойников с недостаточной степенью еврейства! И это происходит не в темное Средневековье. Это происходит сейчас, в начале третьего тысячелетия, в государстве, которое принято считать цивилизованной страной!

Сеню, надо сказать, как раз все в этом положении со Светой устраивало, потому что это был уже второй его брак, и он не торопился снова сковывать себя официальными семейными узами. Его скоропалительный развод в Москве, в

²⁷ Сельскохозяйственные коммуны в Израиле.

годы звонкой юности, оставил несколько неприятных царапин в душе, и он был отчасти рад, что государство надежно защищает его от излишнего брака!

– Браки заключаются на небесах! Так зачем же закреплять их на бумаге? В небесах все бумажки разлетаются по ветру! – философски отшучивался Вечнов.

Света тихо страдала. Что бы там ни говорили, но, родив от мужчины двоих детей, как-то хочется иметь что-нибудь посущественнее, чем заверения в вечной любви и дружбе, закрепленной на небесах. Она считала, что деньги, получаемые от государства, того не стоят, а тот факт, что она была еврейкой только по отцу, а потому не признавалась еврейкой по религиозным законам иудаизма, не должен был препятствовать законной регистрации союза двух сердец.

Вечнов гадал, почему же Света не собралась поехать с мамой? Но поскольку Сенина жена официально как бы не имела отношения к своему мужу, Сеня решил, что, возможно, поэтому его семья ограничилась организацией поездки только для мамы, потому что жене, которая, как бы совсем и не жена, могли препятствовать встречаться с мужем, который официально вроде и не муж. А вот почему с мамой не поехал отец, оставалось для Сени загадкой.

Сеня в семье был безусловным лидером, и так уж повелось с самого начала, что тема незарегистрированного брака обычно не

обсуждалась псевдосупругами. Только недавно, в телефонном разговоре, будучи снова пьяна, Света прокричала ему на другой конец света в трубку, что вообще не знает, кто он такой, что он жалкий подонок, оставил ее с двумя детьми, и что она проклинаят тот час, когда его полюбила!

Сене было очень больно слышать эти слова, отдающиеся эхом во всемирных сетях сплетенных телефонных проводов, сетях, в которых запутывался ее нестойкий, отчаянный голос. Сеня терпел. Он молчал, потому что ему нечего было ответить. Как ни погляди, он был кругом виноват. Какого черта его понесло в Новую Зеландию? Зачем клюнул на халяву? Больше всего Сеню мучило бессилие! Он ничего не мог исправить! Дай ему сейчас второй шанс, и он ни за что не поднялся бы на этот проклятый самолет. Сеня даже воображал себе, как он рвет билет и бежит прочь из Гонконгского аэропорта. Но Сенина судьба давно уже махнула на него рукой и катилась сама собой под откос, не обращая на него никакого внимания.

Зашуршали бесконечные дни, остающиеся до маминого приезда. Свете Сеня старался больше не звонить, потому что, кроме рыданий и обвинений, от нее ничего нельзя было добиться. На любой вопрос она отвечала скандалом.

— Света, как дети?

— О детях вспомнил? Ты бы лучше подумал о них, когда связывался с мафией!

Света не верила, что Сеню обвинили напрасно. Она относилась к тому довольно широкому кругу людей, которые считают преступным занятие любым бизнесом.

– Света, потерпи, я очень тебя люблю, я скоро вырвусь отсюда! – говорил Сеня упавшим голосом.

– Как же... Тебе же дали три с половиной года! Когда ты вернешься, мне будет уже под сорок. Я тебя ненавижу! Ты переломал нам всю жизнь! – рыдал в трубке пьяный Светкин голос.

Внезапно она начинала плакать тише и шептала сквозь всхлипывания и шмыганье носом:

– Сенечка, миленький, что же с нами будет? Ну когда же тебя отпустят? Ведь ты ничего плохого не сделал. Дети же остались без отца. А Людочка уже начала играть на пианино! Денег нет. Все разваливается. Кредиторы досаждают. Мишеньке я купила барабан. Он вчера никому не давал спать! Сенечка, любименький, прости меня. Я очень по тебе скучаю...

А потом снова:

– Чтоб тебе неладно было, пес ты паршивый... Всю жизнь переломал. Как ты так умудрился влипнуть!

Сеня почти не осуждал Свету. Слишком много выпало ей на долю. Тем более перед этой роковой поездкой она буквально на коленях упрашивала его не уезжать. Говорила:

– Сенечка, пожалуйста, останься. Я тебя умоляю! Чует мое сердце недоброе!

Вот и накаркала... Во всякой женщине есть нечто от колдуньи-предсказательницы! Сенина мама всегда переворачивала веник, когда Сеня сдавал экзамены. И Света все нашептывала какие-то заговоры.... Сеня вспоминал ее, стоящую на коленях, в смешной пижамке со слониками, которую он подарил ей на день рождения, цепляющуюся за него и плачущую. Света тогда боялась, что Сеню убьют в Киеве, там действительно могли запросто пустить пулю в затылок без особого на то повода...

В моменты таких воспоминаний Сеня хотел провалиться сквозь землю... Раньше Света никогда не пила, ну разве что бокал вина. Не любила она спиртное. А теперь...

Сенина мама, Ида Иосифовна, наоборот, держалась молодцом. Говорила по телефону спокойно и всячески старалась Сеню поддержать, хотя тоже иногда начинала прощаться с ним навсегда. Вечнов восхищался выдержкой своей матери. Ей было за семьдесят, но она редко выдавала свое отчаянье, и вот теперь, истратив последние сбережения, оплатила дорогостоящую поездку на край света к сыну.

В спокойные времена Сеня старался быть заботливым сыном, насколько это соответствовало его понятиям о сыновней заботе, но по совести говоря, тяготился своими

родителями. Отец его был настойчивым и упрямым человеком, и поэтому Сеня не любил вступать с ним в разговор, который практически всегда превращался в горький спор, ведь ни сын, ни отец не любили уступать... Мать же была слишком не от мира сего, часто упрекала его за Свету, которая ей, как, это часто бывает, сразу не пришлась по душе. После переезда в Израиль родители стали совсем беспомощными и полностью полагались на материальную помощь сына. Теперь эта помощь иссякла, и семью ожидала полная финансовая катастрофа, однако мать изыскала средства на билет в Новую Зеландию.

А Сеня неожиданно для себя остро страдал от разлуки с ней. Так случается, когда поднадоевшие родители умирают, и вдруг оказывается, что больше не с кем поговорить, некому позвонить. Больше некому сказать «мама» или «папа», и это ужасно. Холодно и неприятно становится в мире, в котором больше нет ни мамы, ни папы. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем...», – вспоминались Сене слова его покойной бабушки. Что бы там ни говорили о конфликте поколений, но особая связь, существующая между матерью и ребенком, остается на всю жизнь, и не важно, что судьба разметала их по планете, – эта тонкая нить вибрирует на пыльных перекрестках и трепещет от каждого переживания, от каждого вздоха родного человека.

...Наконец наступил исключительный, можно сказать, триумфальный день. Впервые за все время заключения Сене сообщили, что к нему прибыл с визитом личный посетитель. До этого с ним встречался только адвокат.

После тщательного обыска Вечнова нарядили в шутовской оранжевый комбинезон, предусмотрительно застегнутый сзади на ключ, чтобы заключенные не выносили и не вносили ничего недозволенного. И вот в таком виде его повели по тюремным коридорам на встречу с мамой.

Неожиданно охранник остановился и открыл какую-то железную, окрашенную серой краской дверь. Вечнов вошел в небольшую комнату для свиданий, в которой стояло несколько стульев и стол. Вся мебель, как и всюду в тюрьме, была прикручена к полу. В углу на стуле сидела хрупкая старушка. Вечнов даже не сразу понял, что это его мать. Подолгу не видя своих постаревших родителей, мы по-прежнему воображаем их огромными, как в детстве. Мама – это нечто огромное, не так ли? А вот теперь мамой оказалась махонькая такая старушка...

– Мама! Ты?! – бросился к ней Сенья.

– Сенечка! Сынок! Что ж они с тобой сделали! – старушка с трудом поднялась и тоже бросилась к Сене. Охранник покашлял и попросил их сесть за стол друг напротив друга.

Оба подчинились и, по-прежнему крепко держась за руки, уселись за стол. «Боже, как она

постарела!» – ужалило Сеню, и он сам удивился обыденности своей мысли. Слезы подступили к горлу.

– Боже мой! Как ты исхудал! – запричитала мать. Сеня не мог более сдерживать слез, хотя весь путь по тюремным коридорам заклинал себя вести спокойно, чтобы не расстраивать мать. Он даже собирался пошутить насчет своего шутовского облачения, мол, смотри, мама, – я первый новозеландский космонавт! Но, зайдя в комнату свиданий, он совершенно забыл и о шутке, и о своих самозаклинаниях. Вместе с матерью в его новозеландский ад пробился луч потусторонней реальности, в которой остался для Вечнова весь окружающий свободный мир, которая не могла быть настоящей, осязаемой, физической реальностью, потому что она казалась ему слишком эфемерной и недостижимой. Вся его жизнь раскололась на два огромных обломка айсберга, на «до» и «после», с точкой перелома в тот момент, когда на его руках впервые защелкнулись наручники. Первая часть айсберга осталась на плаву, там, в недостижимых просторах голубых эфиров, а вторая, почерневшая и несущая на своей перевернутой вершине настоящий момент Сениной жизни, вопреки всем законам физики погрузилась в удушливые глубины океана, опустившись на самое дно, где Сеня представлял себя сплюсненной глубоководной рыбой с фонарем, висющим на носу.

Сколько раз в своих тюремных снах Сеня видел свою родную, любимую мамочку, но теперь, встретившись с ней наяву, не мог освободиться от мучительного чувства невыносимой, буквально запредельной нереальности момента! Казалось, он чувствовал бы себя не более реально, если бы в комнате, веселая и живая, очутилась его бабушка, умершая более двадцати лет назад.

«Как же это может быть частью одной и той же жизни?», – лихорадочно думал Сеня и продолжал крепко сжимать сухие и невесомые руки матери в своих ладонях. «Бабушка, которой давно нет на свете, ручейки-дорожки в детском саду, детские игры, советская школа, потом Израиль, и эта новозеландская тюрьма – просто не могут быть частью одной человеческой жизни!» Но мама была неоспоримой связующей нитью, на которую, как бусинки, нанизывались события столь разных пластов жизни Семена Вечнова. «Как она стала похожа на бабушку... Вот скоро и она умрет, неминуемо умрет, и рассыплются все мои бусинки – так рассыплются, что и не собрать!», – подумал Сеня, и слезы ручьями потекли у него из глаз. Охранник, которому надоело наблюдать эту сцену, отвернулся к стене и закурил.

– Перестаньте курить! – вдруг с удивлением услышал собственный голос Сеня. – У мамы астма!

Охранник раздраженно погасил сигарету и со вздохом уселся в углу комнаты.

Мама слегка ободрилась, увидев, что слова Сени возымели действие. «Значит, не такие уж застенки», – подумала она с надеждой.

– Сенечка, я записалась на прием к почетному израильскому консулу. Я уже говорила с ним по телефону. Он обещал тебя навестить и помочь...

– Мама, это все неважно. Спасибо, конечно. Но это не поможет. Они боятся меня, как огня, – консул и вся еврейская община... но это неважно. Не волнуйся. Береги себя! Где ты остановилась? Как ты долетела?

– И с раввином местным я тоже говорила. Он тоже обещал тебя навестить...

– Мама, мама! Все это неважно! Главное, что ты до меня добралась! Как ты себя чувствуешь? Как дети? Как Света?

– Я сняла комнату у русских иммигрантов, родственников тети Розы, – стала рассказывать мама, почему-то избегая говорить о Свете.

– Не дорого? Комната хорошая? Далеко от тюрьмы?

Сеня машинально задавал вопросы, хотя по-настоящему ему хотелось рыдать в голос, крича: «Мама! Мама! Забери меня отсюда! Мне здесь очень плохо! Меня каждую ночь могут убить!» Но он сдерживал себя и спрашивал то, что и полагалось спрашивать в таких обстоятельствах. Однако Ида Иосифовна словно читала мысли сына. Она внимательно смотрела в его заплаканные глаза.

– Боже мой, что же они тут с тобой делают! – тихо прошептала она, и на ее старческом, испещренном, словно веточками, мелкими морщинками лице отразилось такое же бессилие, как и то, что пожирало все существо Сени с самого первого мгновения его пребывания в неволе.

– Ничего, мама. Все обойдется. Все будет хорошо. Я уже подаю на апелляцию. Они обязательно меня отпустят. Очень скоро! – торопливо заговорил Сеня. Ему по-прежнему казалось, что он полностью погружен в тяжелый

злосчастный сон. Его охватило чувство отчаянья и бессилья, во много раз более оглушительное, чем то, что охватило его в пионерском лагере, когда он попросил приехавшую навестить его маму забрать его с собой, а она сказала, что не может... А потом вдруг передумала и забрала! Сене долго потом казалось, что вряд ли в его жизни будет момент более несчастный, чем тот, когда мама отказалась его забрать, и более счастливый, когда она вдруг согласилась... С тех пор Сеня подсознательно верил в сверхъестественную способность мамы его спасти. Но теперь он был бессильнее и бесправнее, чем в детстве, и его мама была столь же бессильна что-либо изменить. Теперь он точно знал, что просить бесполезно, что мама действительно не может его забрать и спасти от ежедневных побоев, от ножа Файзала, и главное, от него самого, того самого червя по имени Сеня Вечнов, который день за днем точил сам себя изнутри... От него самого, которому временами казалось, что больше незачем дышать воздухом и ступать по холодным полам меж зарешеченных окон, который сам уже не верил, что выберется из этого каземата живым, хотя и не решался себе в этом признаться...

— Тебе здесь очень плохо! — снова заплакала мама, и Сеня, пытаясь ее успокоить, стал гладить ее по совершенно седым волосам, собранным пряжкой в жесткий пучок на затылке. Он вдруг обратил внимание на эту коричневую мамину пряжку. Он на тридцать лет совершенно забыл о

ее существовании, но сейчас, внезапно увидев, словно провалился в колодец своего детства. Когда-то он играл этой пряжкой, воображая ее волшебной каретой и запрягая в нее свою миниатюрную лошадку. Ему даже показалось, что он снова держит в руке эту малюсенькую пластмассовую игрушку. У Сени закружилась голова. «Не может быть, чтобы этот предмет оказался здесь, почти на другой планете... И где сейчас эта моя лошадка? На какой помойке? А я? На какой помойке я сам?!»

– Я вижу, тебе здесь очень плохо! Ведь так? – снова услышал Сеня всхлипывающий голос мамы.

Он не мог ей врать. Он понимал, что это бесполезно. Она всегда легко читала его мысли. Сказать правду он тоже не мог, и поэтому молча гладил ее по голове, а мама все плакала и плакала...

Два часа иссякли со стремительностью затягивающейся удавки. Расставались долго и мучительно. Охраннику даже пришлось взять Сеню под руку и оттащить от мамы. Сеня понимал, что это нехорошо. Что, видя эту его беспомощность, мама расстроится еще больше. Но поделаться с собой ничего не мог. Мама приехала всего на две недели, и Сеня полагал, что увидит ее еще только раза два, не больше. Таковы были тюремные порядки. Мама же была в таком возрасте, в котором с человеком нужно проводить время так, словно видишь его в последний раз. *«С любимыми не*

расставайтесь... И каждый раз навек прощайтесь...» – пронеслось в голове Сени, когда он последний раз взглянул на маму, с опущенными руками стоящую посередине комнаты для свиданий. Она слабо улыбалась. Сеня тоже попытался улыбнуться ей в ответ.

На следующий день Сеня не поверил своим ушам. Ему сообщили, что опять поведут на свидание! Оказалось, что мама, совершенно не зная английского, добилась немедленной аудиенции с начальником тюрьмы и невероятным образом уговорила его разрешить так называемые специальные визиты. В исключительных случаях, когда у заключенного нет родственников в стране и к нему приезжают из-за границы, ему могут разрешить две недели ежедневных визитов, по два часа каждый. Но это было возможно только в отделении легкого режима, а Сеня отбывал наказание в отделении общего режима, где таких исключений обычно не делали. Визиты здесь были разрешены только раз в неделю, по воскресеньям.

В этот раз мама принесла Сене много еды, и тот стал жадно поглощать ее. Конечно, он был голоден, но в основном набросился на еду, чтобы погасить трагичность момента. Ему не хотелось и эти два часа провести в слезах. Когда Сеня поел, мама погладила его по руке.

– Сенечка, я не смогла принести тебе домашней еды вчера, потому что у меня все отобрали в аэропорту. Я не знала, что в Новую Зеландию нельзя ввозить продукты... – заговорила какими-

то напрасными словами мама, мы ведь всегда говорим не о том в подобные моменты...

– Как Света? Как дети? – настойчиво спросил Сеня.

Мама собралась с духом и выпалила на одном дыхании:

– Сенечка, я понимаю, что тебе будет трудно сейчас об этом услышать, но Света забрала детей и уехала в неизвестном направлении, ничего мне не сказав. А в тот же день ее разыскивал какой-то мужчина и вел себя очень вызывающе, так, как будто пришел за собственной женой...

Сеню залило ошеломляющим чувством ревности. Он даже сам от себя такого не ожидал. Иногда, когда другие чувства приходится подавлять, человек выплескивает все свое раздражение и досаду в появившееся новое чувство, и тогда оно достигает катастрофической силы. Все его естество сначала как бы затянулось в единый узел, и когда боль стала нестерпимой, то в груди внезапно разорвался снаряд!

– Мужчина с темными волосами?! Широкоплечий мужчина с темными волосами?! – заорал Сеня. Мама испугано отдернула руку. – Мама, отвечай: мужчина, который приходил за Светой, высокий, широкоплечий, с темными волосами?

– Да, – тихо сказала мама.

– Вот сволочь!!! – заорал Сеня, и охранник тут же предупредил, что если он не будет вести себя спокойнее, свидание будет прекращено.

– Ты его знаешь? – нерешительно спросила мама.

– Конечно! Это же Осип, мой партнер по бизнесу! Он давно на нее глаз положил. Вот подлец! Ненавижу! Я его убью! Я выпущу ему кишки! Дай время! Я выйду отсюда и обязательно его убью! Клянусь всем святым!

– Сенечка, что с тобой здесь стало, как ты ожесточился, – испуганно зашептала мама, – ты никогда таким не был! Может быть, Свете так будет лучше. У нас совсем было плохо с деньгами, ей было тяжело с нами жить. Вот только детей нужно было оставить, а твой партнер наверняка сможет поддержать ее материально! Может, между ними ничего такого нет! Может, он просто решил ей помочь! По дружбе!

– Что? По дружбе? Что ты такое говоришь, мама? Что такое ты говоришь? – завопил Семен.

– Ну, хорошо, хорошо... Только успокойся! – замахала руками мама, и Сеня заметил, что ее обычно бледное лицо стало землистого цвета.

«Боже мой, только бы не умерла!» – испугался он и вежливо попросил охранника принести матери воды. Кроме астмы у нее было слабое сердце.

– Воды не положено! – сухо ответил тот. – Закончите свидание – вот тогда и попьете вдоволь.

– Изверг, – прошептал Сеня, но решил впредь стараться держать себя в руках.

– Сынок, такая она штука – жизнь, – запричитала мама. – Света – молодая женщина, у нее двое детей... Вы ведь даже не расписаны! Ах, я тебя предупреждала не связываться с этой женщиной...

– Ладно, хватит, – отрезал Сеня, – расскажи лучше о себе, о папе.

– Сенечка, о себе мне рассказывать нечего, о папе тоже...

При последних словах мама снова изменилась в лице.

– Мама, я вижу тебя насквозь, как и ты меня. Что с папой?

– Папа очень серьезно заболел, – тихо проговорила мама.

– Что с ним? Что именно? – заволновался Сеня.

– Рак легких. Я не хотела тебе говорить по телефону, но врачи сказали, что ему осталось месяцев шесть, не больше, и я боюсь, что ты не успеешь его повидать...

– Господи, что же это такое! Что же это такое! – застонал Сеня, обхватив голову руками.

– Беда не приходит одна, – грустно сказала мама и поджала губы. – Беда никогда не приходит одна!

Глава 25. Кровавые деньги

Вернувшись в камеру после встречи с мамой, Вечнов не находил себе места. Хотелось крушить все, что попадется под руки. Однако Файзал не спускал с него глаз, и Вечнову приходилось сдерживаться. Он стал вышагивать по камере, пока сокамерник шутливо не окликнул его:

– Ну, и что ты перед моим носом маятником болтаешься? Сядь, а то зарежу!

– Да пошел ты! – грубо оборвал его Сени.

– Что у тебя стряслось? Ушел на свидание таким счастливым, а пришел – прямо пар, да какой там пар, огонь из ушей вырывается! – не унимался Файзал. Его почему-то очень забавляло состояние Сени.

Вечнов сел на свою койку и уставился на Файзала. Он впервые заметил, что у его сокамерника весьма округлые черты лица. Он был довольно молод, явно младше Сени. Может, лет двадцать восемь, не больше. Вообще, несмотря на род его занятий, у Файзала была нежная девичья кожа, и его смуглое лицо напоминало скорее индуса, чем араба. Черные, пышные, прямые брови ложились ровными мазками вдоль верхней границы слегка узковатых глаз. Лицо было гладко выбрито, что еще больше выдавало его сходство с девушкой. «Тоже мне, террорист», – подумал Вечнов. «Хорошо хоть не голубой...»

Свои мысли Сеня, разумеется, не стал высказывать вслух. Между тем Файзал не унимался.

– Ну облегчи душу, иудей, неужто и с тобой приключилась несправедливость? А то ты только звякни, у меня как раз запасной пояс шахида есть, вместе и подорвемся... – не переставал подтрунивать Файзал.

– Да, представь себе, приключилась несправедливость... – ответил Сеня, и ему безумно захотелось выложить все, что на него навалилось после посещения мамы. Конечно, пакистанский террорист был последним человеком в тюрьме, в ком следовало искать понимания, но Сеня уже не мог остановить свой порыв.

– Хорошо, я расскажу, если ты обещаешь не прерывать меня своей террористической пропагандой, – пробурчал Сеня, и Файзал, ободрившись, уселся на свою койку поудобнее и приготовился слушать.

– В общем, все тривиально, как в плохом водевиле. Моя жена сбежала с моим партнером по бизнесу. Забрала с собой детей. У отца обнаружили рак, он умрет до того, как я успею освободиться, – выпалил на одном дыхании Сеня.

– Это все? – разочарованно спросил Файзал.

– А ты чего ждал? Остросюжетного детектива с погонями и перестрелками? – раздраженно спросил Вечнов, уже начиная жалеть, что

поделился своими сокровенными переживаниями с такой скотиной. – Плюс я подозреваю, что партнер по бизнесу обчистил счет компании и присвоил два миллиона шекелей, которые туда перевели незадолго до моего ареста. Эти деньги мы должны были перевести одному заводу в Израиле, и партнер предлагал мне их прикарманить и смыться. Я послал его подальше... Он-то один, как перст, а у меня жена и двое детей. Куда я в бега подамся? А тут, видишь, сам пропал, и деньги пропали, а вот теперь и жена с детьми...

– А два миллиона этих ваших... как их там?

– Шекелей.

– Да, их самых. Это много? – поинтересовался Файзал.

– Больше полумиллиона американских долларов, – вздохнул Вечнов.

– Надо же, а за мою жизнь предложили меньше... Всего триста тысяч новозеландских долларов, – разоткровенничался Файзал.

– Это как? – заинтересовался Вечнов, которому тоже захотелось узнать что-нибудь о Файзале и слегка отвлечься от своих бед.

– Долгая история, – занудил Файзал, но потом согласился поделиться...

– Я родился в Новой Зеландии, в семье иммигрантов из Пакистана. Рос, как все, – школа, колледж. Потом родители, как это принято у нас, договорились, чтобы я женился на девушке из

нашей деревни в Пакистане. Дали мне денег и послали знакомиться с невестой в Пакистан. С ее родителями они уже обо всем договорились. Мне был тогда двадцать один год. Ну, приезжаю я в Лахор, немного огляделся и отправился в нашу деревню, в которой я никогда не был. Взял такси. Как выехали за город, таксист свернул на какой-то пустырь и вышел из машины. Потом стал угрожать пистолетом и велел раздеться. Я спросил, зачем. А он весь трясется от сладострастия. Ну, я подумал – живым не дамся. Раздеться все же пришлось. Когда он ко мне приблизился и стал меня целовать, я попытался выхватить у него пистолет, но тот стал сопротивляться; сам не знаю, как получилось, но курок нажался, и ему выбило мозги. Представь себе – я весь в крови, а рядом труп. Решил вызвать полицию. Подумал, если буду убегать – все равно догонят, но точно не поверят, что я его застрелил из самообороны. Полиция меня тут же повязала. Дальше все произошло очень быстро. Молниеносный суд и пожизненное заключение. Конечно, моим словам никто не поверил. Сделали из всего этого даже политическое дело, мол, изменник вернулся из Новой Зеландии и застрелил таксиста. Никакие мои доводы не помогали. Да и на урду²⁸ я говорил с грехом пополам. У меня родной-то язык английский. Посольство Новой Зеландии от меня сразу отмахнулось. Говорили, что мне еще повезло, что

²⁸ Официальный язык Пакистана.

если бы судил меня не Lahore's High Court – гражданский суд, а религиозный, то приговорили бы к казни.

Так я просидел без малого десять лет в гнилой яме с еще тридцатью головорезами, пока не появился луч надежды. Семья убитого вроде бы выказала намерение принять так называемые blood money (кровавые деньги) – выкуп за совершенное убийство. По религиозным законам, убийца таким образом может откупиться, и если семья согласна – его отпускают! Мы еще все удивились – вроде требовали моей смерти, а тут вдруг успокоились. Долго торговались с семьей, заставили собрать триста тысяч новозеландских долларов. Мои братья и родители продали дома. Передали дело в религиозный суд. Мой отец приехал с деньгами в чемодане. Так там положено – не будут рассматривать дело, пока сторона, платящая выкуп, не покажет деньги.

Начался суд. (Такие дела только в религиозных судах решают, а религиозные суды в Пакистане могут отменять решения гражданских.) Только судья объявил о начале процесса, как семья отказалась от денег и снова стала требовать казни. Ну, судья и присудил смертную казнь через повешение. Отца чуть удар не хватил прямо в зале суда. Хотя судьба его настигла по дороге в аэропорт. Ему подсунули такси, водителем которого был родственник убитого, тот его застрелил, а деньги забрал. Полиция, разумеется, не нашла виновных!

Ну, а я стал дожидаться казни. Писал во все инстанции, даже принцу Чарльзу и королеве английской. Некоторые даже пытались за меня заступаться, но из Новой Зеландии – молчок.

– Так как же ты сидишь передо мной тут живой? – с нетерпением спросил Вечнов.

– Дня за три до казни на тюрьму совершила налет ячейка Аль-Каиды, чтобы освободить своих, тоже приговоренных к смертной казни. Ну, и меня до кучи захватили. Ребята Аль-Каиды помогли мне перебраться через границу в Афганистан, а там по поддельным документам я прилетел в Новую Зеландию, где в аэропорту заявил, кто я такой. Меня сразу арестовали, но потом, разобравшись, выдали новозеландские документы и выпустили.

Семьи у меня почти что нет. Только братья. Мать умерла от горя, узнав о смерти отца. С братьями отношения тоже не складываются, все-таки не могут простить мне потерянных денег, из-за которых они лишились своих домов, и смерти отца. Ребята из нашей ячейки – единственная моя настоящая семья. Я прошел подготовку в специальном лагере в Афганистане, подучил Коран. А ребята тем временем взялись за семью таксиста. Вырезали всех – даже домашних животных. Моя жизнь теперь мне все равно не принадлежит. С Пакистаном, кажется, я уже расплатился. Теперь пришел черед Новой Зеландии – моей фактической родины. Я скоро разорвусь в клочья на центральной площади Окленда, и кроме того, что в этом заключается

мой долг перед моими друзьями, в этом еще будет и маленькая частичка моего отношения к родине, которая так славно оставила меня подыхать и пальцем не пошевелила, чтобы спасти.

А знаешь, однажды, когда в Пакистане осудили какого-то новозеландца англосакса, то Новая Зеландия чуть не разорвала дипломатические отношения с Пакистаном, и его отпустили!

Это я тебе к вопросу о несправедливости рассказал... А ты говоришь, жена убежала с партнером по бизнесу...

Глава 26. Занавески в маминной спальне

Конечно, рассказ Файзала о его трагедии поразил воображение Сени. Однако, погруженный в свои заботы, он вскоре задвинул мысли о сокамернике на задворки своей повседневности. Ему было неприятно думать, что его, Сенина, трагедия может показаться фарсом по сравнению с настоящей «несправедливостью», приключившейся с пакистанцем. Кроме того, Сеня был уверен, что его несправедливость поправима, и что апелляция вот-вот расставит все по своим местам.

После памятного разговора с террористом Сене зажило спокойнее; теперь, после такого откровения, ему казалось, что Файзал безопасен, по крайней мере для Сени. Теперь он его не

убьет. Пакистанец действительно перестал подкалывать Сеню своими обидными репликами, и они продолжили сосуществование в атмосфере взаимной терпимости, по большей части не замечая друг друга.

«Черт его знает, – думал Сеня, – может, если бы вот так каждый еврей поговорил по душам с каждым из террористов, что-нибудь да и изменилось бы в этом мире... Конечно, этот фанатик все равно взорвет себя, ибо если человек что-то для себя решил – его уже вряд ли удастся переубедить! Ведь не зря говорят, что человека легче убить, чем переубедить! Может быть, поэтому убийство до сих пор подчас является самой эффективной формой убеждения! Японцев можно было увещевать до окончания времен завершить войну в 1945 году, но стоило американцам сбросить атомные бомбы на Нагасаки и Хиросиму – и от воинственного духа самураев не осталось и следа! До сих пор такие миротворцы, что хоть иконы узкоглазые с них пиши! Как же можно ожидать, что современный мир откажется от такой эффективной формы убеждения, как убийство человек в нечеловеческих масштабах!»

Между тем конфликт с Файзалом на личном уровне для Сени был исчерпан. Теперь он мог легко представить, что Файзал даже заступился бы за него, возникни такая необходимость. Ведь многие антисемиты ненавидят «евреев вообще», хотя нередко имеют среди них довольно близких друзей. То же самое можно сказать и о фактах

трогательной дружбы между израильскими евреями и арабами. Люди ненавидят друг друга на уровне стаи, племени, народа, политической партии, религиозной секты...

Терроризм тем и страшен и неистребим, что самоубийца с бомбой не идет убивать каких-то конкретных, знакомых ему людей, а демонстрирует убийством незнакомцев свою неудовлетворенность этим миром. Вместо того чтобы писать книжки, выступать на радио, он идет и взрывается в толпе незнакомых ему душ. Такая у него форма самовыражения!

Однако на личном уровне вражда между представителями разных людских стай вовсе не обязательна. Так что Сеня не без удовлетворения отметил про себя, что «эксперимент начальника тюрьмы по уживаемости еврея с исламистским террористом» удался.

Две недели встреч с мамой пронеслись курьерским составом. Мама много хлопотала. Даже подавала просьбу на замену меры пресечения на домашнее заключение, хотя было непонятно, как это возможно осуществить в чужой стране, где у Сени не только не было никакого дома, но куда он так до сих пор и не был допущен официально. То есть законно он мог находиться в этой стране только в тюрьме или зале суда, ну и по дороге туда и обратно.

Мама пыталась всеми силами сократить пребывание Сени в тюрьме хоть на пару месяцев. Она почему-то совершенно не верила в успех

апелляции. Сеня же не терял надежды. Он, наоборот, настроился бороться изо всех сил, и провал апелляции означал бы для него крушение всех надежд, а надежды на скорое освобождение, и главное, вера в торжество справедливости, помогали Сене выживать в крошечности тюремных буден.

Эти две недели были счастливыми! Свидания с мамой разрешали каждый день, и это было так здорово, несмотря на унижение клоунского костюма, который приходилось надевать каждый раз, этого комбинезона с молнией и замком сзади для предотвращения контрабанды. Перед облачением в него и после визита Сеня неукоснительно проходил личный досмотр, хотя сильно его не беспокоили, считая человеком благоразумным и внушающим доверие. Он, пытаясь следовать образу мысли своих тюремщиков, совершенно перестал препираться с охраной, и в их глазах начинал вступать на путь «исправления». То, что с нашей точки зрения показалось бы безвкусным лицемерием, было просто нормой жизни этих людей. Они свято верили в свою полезную, причем именно «исправительную» функцию. Сеня им подыгрывал, и они его не донимали, так, что он при желании мог бы внести и вынести слона.

Мама снимала квартиру у русских и, уезжая, договаривалась с ними, что за определенную мзду мужчина будет навещать Сеню – не по доброте душевной, а «дружить» за деньги, подобно проститутке, берущей почасовую оплату за

суррогат любви, но работать проституткой не для тела, а для души...

Приходящий мужик вместо любовных утех потчевал Сеню анекдотами да реалиями новозеландской иммигрантской жизни, до которой Сене, в общем, не было дела. Однако этот суррогат дружбы скрашивал его существование, потому что без еженедельных визитов в тюрьме – мрак. Нечего ждать, никаких свежих новостей... Просто начинаешь лезть на стены от отчаяния!

Говорили обо всем. Особенно Сеню развлекали местные анекдоты. И оплаченный мамой мужик специально собирал их для Сени всю неделю. Анекдоты сдабривались новозеландской спецификой...

Новоприбывший иммигрант спрашивает у хозяйки съемной квартиры:

– Вы знаете, у нас на окнах два ряда сеток. Голову ломаю – для чего?

– Для того, чтобы вы могли спокойно спать при открытых окнах.

Мелкая сетка предназначена для того, чтобы в комнату не могли проникнуть комары. А сетка покрупнее не пропускает мух...

Сеня смеялся, потому что эта двойная сетка – было так по-новозеландски... «Тугодумные

идиоты», – хихикал Вечнов, и у него становилось легче на душе.

Новозеландский альпинист, поднявшись на вершину, видит, как двое мужиков, на вид иностранцев, спрыгивают с крутой скалы, облетают вокруг и снова оказываются на вершине.

«Вот, – думает, – иммигранты дают!»

– Как это у вас получается? – спрашивает альпинист.

– А здесь очень сильные восходящие потоки воздуха, у любого получится. Сам можешь попробовать.

Альпинист прыгнул – и камнем полетел вниз. Один из «летунов», задумчиво глядя ему вслед, произносит:

– Слышь, архангел Гавриил, неважный у тебя все-таки характер...

Сеня смеялся до слез.

Однажды Вечнову досталось и другое «развлечение». Ему неожиданно принесли письмо без обратного адреса. Сеня был чрезвычайно удивлен, особенно оттого, что сразу узнал на конверте почерк своей жены! Первым движением Сени было изорвать письмо в клочья, не читая. Он легко вообразил, что это может быть за послание. В стиле: «Прости, дорогой, но с Осипом мне хорошо. Ты переломал мне и

детям всю жизнь... но я все равно буду тебя вечно любить...» или подобная муть. Только этого Сене и не хватало. Он уже напряг пальцы, приготовившись порвать ненавистный конверт, но вдруг остановился.

«Все-таки это письмо проделало путь почти через весь земной шар. Может быть, у этой шлюхи хватило ума написать что-нибудь более дельное, чем обычная женская чушь», – подумал Семен и вскрыл конверт.

Его взгляд быстро забегал по строкам, пропуская слова и целые фразы. Он делал это чисто интуитивно, чтобы понять, содержит ли письмо что-либо ценное, или принесет ему еще больше страданий. С первых же строк Сеня понял, что он ничего не понимает в жизни...

Милый Сенечка, родненький
ты мой!

Не знаю, дойдет ли это письмо до тебя, но я молю Бога, чтобы ты его получил. Произошло страшное! Со счета вашей компании пропало два миллиона. Осип решил, что это ты украл деньги, а про тюрьму все напел, чтобы запутать следы. Он позвонил мне и стал угрожать похитить детей и убить их, если мы не отдадим деньги. Я стала

умолять его образумиться и проверить, что ты действительно сидишь в тюрьме в этой проклятой Новой Зеландии. Но он дал мне срок три дня. Я подумала, что он все-таки берет нас на пушку. Но за эти три дня случилось ужасное – вашего бухгалтера нашли мертвым в иерусалимском лесу. Полиция сказала, причина смерти – удар электричеством. Откуда электричество в лесу? Я сразу поняла – это Осип его убил. Теперь черед за нами. Я сразу собралась и, ничего никому не сказав, увезла детей. Я не могу написать тебе, где мы находимся, потому что письмо может каким-нибудь образом попасть не в те руки. Я даже отправила его с почтового отделения совсем в другом городе, чтобы запутать следы. Вот какая я у тебя стала конспираторша!

Сенечка, мне очень страшно, но нам обязательно нужно выжить. Прости меня за все, что я говорила тебе, я верю, что ты ни в чем не виноват. У меня такое чувство, что тебя подставили. Только я не могу себе представить, кто и как. И еще мне кажется, что это связано с этими двумя миллионами. Я

вначале думала на Осипа, но он не стал бы рыскать по Израилю в поисках этих денег, если сам же их и украл... Ведь так?

Поскорее бы все это кончилось. Пожалуйста, если ты прочтешь это письмо, дай мне знак. Попроси по телефону маму поменять занавески в ее комнате. Если она это сделает, я буду знать, что ты получил от меня письмо. Тогда я продолжу писать.

Сенечка, миленький, я пристроилась, как смогла. Детей в школу не отправляю. Очень боюсь, что Осип нас найдет. Перебиваюсь случайными заработками. Нигде не свечусь со своими документами. Одна радость – больше не пью...

Прости меня, я не задумывалась, чем ты рисковал, добывая нам деньги на жизнь, а вот когда бухгалтера нашли мертвым и я поняла, какой зверь этот Осип, мне стало стыдно, что я тебя ругала. Чует мое сердце – они специально все подстроили, чтобы упечь тебя в тюрьму... А деньги прикарманить. Только вот кто, если не Осип?

Ради Бога, береги себя! Целую и обнимаю тебя тысячу раз!

Вечно твоя Света

«Вот так история! Ну и ну! – сказал себе Сеня, перечитав письмо три раза. – А я – козел... Что же я так плохо про нее подумал? Господи, Светочка, родная моя, прости меня...»

Сеня сразу отправился кланяться у пожирателя стейков мобильный телефон и удивил маму своей просьбой поменять занавески. «Пожалуйста, сделай, как я прошу», – грубовато прервал он ее вопросы.

После разговора с матерью Сеня забился в облюбованный им угол в тюремном дворе у мусорного бачка. Он часто уходил туда, чтобы ему никто не мешал думать. Мусорный бачок служил ему чем-то вроде камина, ну, как у Шерлока Холмса.

«Что же произошло? Если Осип ищет деньги, значит, это не он их снял со счета... Но тогда кто же? Осипу, видать, несладко приходится. Ведь те, кто перевел эти бабки для завода, могут его завалить. Но кто же кончил бухгалтера? И почему так странно? Электричеством... Точно, не Осип. Во-первых, он на это не способен... Хотя как знать? Я тоже на многое был не способен, пока жизнь не заставила...»

Куда же могли пропасть деньги? Осип заподозрил меня! Но он ведь сам предлагал мне снять эти деньги со счета и рвать когти, а я отказался. Да и как я мог бы это сделать, если, когда я уезжал из Киева, деньги еще были на счету в израильском банке? Интересно, кто же их оттуда снял? Да и не наличными же... Значит,

единственный, кто мог это сделать, – бухгалтер. Поэтому его и убили. Но как? У него ведь не было права подписи для пользования нашим банковским счетом. Может быть, те, кто перевел нам эти деньги, разобрались и сами навели справедливость? Так, сидя здесь, ни в чем не разобраться! Но почему Света считает, что меня подставили? Кто мог знать, что я так влипну, поехав на пять дней в Новую Зеландию? Лучше перестать об этом думать, иначе я сойду с ума!»

Глава 27. Все дороги ведут в Амстердам...

После получения письма от Светы Вечнов пребывал в прекраснейшем настроении. Света ему верна. Осипу с двумя миллионами вышло по бороде. Единственное, что беспокоило Сеню – кто же взял деньги? Да и кто убил бухгалтера, тоже было небезынтересно!

Сеня, впервые почувствовав преимущество того, что он надежно спрятан от потенциальных убийц в тюрьме на краю света, решил начать свое собственное, так сказать независимое, расследование. Первым делом он разыскал через маму домашний номер своей секретарши и позвонил ей. Та чуть не выронила телефонную трубку от удивления. Возможно, она удивилась бы меньше, если бы ей с того света позвонил бухгалтер!

– Семен Яковлевич? – нерешительно спросила она.

Несмотря на то что в Израиле все русскоязычные обычно обращались друг к другу на «ты» и без отчества, в Сениной конторе были приняты российские нормы. «А то так в гроб положат, а все буду «Сеня», «ты!»», – ворчал Семен и заставлял своих сотрудников обращаться друг к другу, как положено, хотя сам звал всех на «ты» и просто по имени.

– Я, Лена, я. У меня нет времени. Наверное, знаешь, откуда я звоню. Ответь мне, тебе известно, кто снял деньги со счета? – решительно заговорил Сеня и снова почувствовал себя строгим начальником. В свое время он имел на Лену виды, выходящие за пределы служебных отношений, но как-то руки не дошли. Да и не в его принципах было следить на рабочем месте. Да и зачем? За деньги выйдет дешевле, профессиональнее, быстрее и без шума и пыли, которые обычно сопровождают служебные романы с секретаршами. Лена же, как и положено секретарше, была тайно в него влюблена, и, видя Сенину нерешительность, неверно интерпретировала его «неожиданную порядочность».

– Семен Яковлевич, здесь такое происходит! – запричитала Лена и расплакалась.

– Прекрати реветь. Я знаю, что у вас происходит. Отвечай! Ты знаешь, кто снял деньги со счета? Ты ведь работала с банковскими документами...

Чья подпись стояла под квитанцией? Ты видела квитанцию?

– Никакой квитанции не было, – ответила Лена, продолжая всхлипывать.

– А что же было? Не испарились же два миллиона со счета сами собой?

– Был факс в банк, – ответила Лена упавшим голосом. – Я сама подшила этот документ ко всем другим факсам о переводах.

– Факс? – переспросил Сеня. – Но с чьей подписью?

– Лев Эдуардович умер! Его нашли мертвым в лесу. Мне так страшно! – снова разрыдалась Лена.

– Я знаю, что бухгалтера убили. Лена, скажи мне, чья подпись стояла под факсом?

– ...чья? Вы разве не знаете? – услышал Сеня Ленин голос после минутного молчания, прерываемого Сениными «ну?!»

– Если б знал, не спрашивал! – отрезал Сеня. – Чья подпись?

– Ваша! – прозвучал ответ, и у Сени потемнело в глазах.

– Как – моя? Я ведь к тому времени уже сидел в тюрьме в Новой Зеландии! – заорал Сеня.

– Семен Яковлевич, я тогда еще не знала, что вас посадили. Я просто увидела факс и подшила его в папку.

– Но куда был сделан перевод? – не унимался Сеня.

– На счет какой-то компании в Амстердаме, – ответила Лена.

– Какой компании? Чьей компании?

– Откуда мне знать... – снова заплакала Лена. – Мне даже последнюю зарплату не заплатили! А теперь Льва Эдуардовича убили. Мне страшно!

Сеня, поняв, что от Лены больше ничего не добиться, резко оборвал разговор и побрел в задумчивости в свой угол...

«Так, так, так! Значит, кто-то подделал мою подпись. Хотя зачем? Можно было просто пропустить через копировальную машину листок с письмом, так, чтобы он скопировался на листок с вырезанной из другого документа и моей наклеенной подписью. И подделывать ничего не надо. А поскольку мы часто делали банковские переводы, то банк принимал наши распоряжения по факсу. Значит, это сделал бухгалтер. Лена слишком глупа для такого, да и должна быть в бегах, если бы прикарманила деньги. Эх, Лева, Лева... Сучья жила... Видимо, как только узнал, что я так влип в Новой Зеландии, решил прикарманить деньги. А еще интеллигента из себя корчил. Да и сейчас, будь он жив, наплел бы мне свою чушь... «Семен Яковлевич! Я почел своим долгом сохранить ваши деньги!» Лева давно не доверял Осипу и даже несколько раз высказывал свои опасения Сене. А может, и

правда хотел спасти деньги от Осипа? Так или иначе, все они такие интеллигентные, хоть крести! А где теперь его честь и совесть? На полке в морге. Нет. Наверное, уже в могиле. Как же он это все прокрутил? Видимо, договорился с какой-нибудь оффшорной компанией в Голландии пропустить через нее деньги, процентов за десять от суммы... Но кто же тебя завалил? Как теперь узнать? Может, те быки, что переводили нам деньги, а может, и правда Осип? Ведь он сам собирался прокрутить подобную аферу. Только не успел. Вернулся из Киева – а денег нет...

Позвоню-ка я на квартиру Леве, выражу соболезнования жене покойного, может быть, что-нибудь разнюхаю...»

Домашний телефон бухгалтера он помнил наизусть. Однако к телефону никто не подходил, несмотря на то, что в Израиле было такое время, что обязательно кто-нибудь должен был находиться дома. «Видимо, жена пустилась в бега, а может, отправилась в Европу за деньгами... Будет теперь остороженько снимать бабки наличными и раскладывать по разным счетам, чтобы не замели...», – подумал Сеня.

Оставалось одно, самое неприятное. Попробовать позвонить Осипу, человеку, который грозил Свете убить его детей! Он и раньше пытался дозвониться до него, но телефон глухо молчал.

«Ну, попытка не пытка!», – решил Сеня и набрал по памяти номер мобильного телефона Осипа.

– Алло! – ответил ненавистный, но до боли знакомый голос.

– Ты – сука! – немедленно вырвалось у Сени.

– Семен? Ты? – в голосе Осипа звучало неприкрытое удивление. – Короче, слушай! – быстро заговорил Осип, не давая Сене вставить ни слова, хотя у Сени много чего накопело. – Лева, бухгалтер хренов, спиз...л бабки! Я сначала подумал на тебя, когда пошел в банк, потребовал факс, а там – твоя подпись. Ну, короче, слушай... Потом кто-то завалил Леву. Все подумали на меня. Я на самолет – и в Киев, от греха подальше. Ну, короче, слушай... Думал, что те, чьи деньги, сами во всем разобрались, ну, слевой и поговорили... Но нет! Они теперь у меня на хвосте. Мол, где бабки? Я вот что думаю. Кто-то Леву из своих грохнул. То ли жена, а может, ее хахаль... У Левиной бабы ведь был любовник. Сотрудник из ее института. Она же ученый. Кстати, у них там что-то с электротехникой связано... Ну, ты знаешь. Ну, короче, слушай... Деньги вернуть не удалось... Все пошло кувырком...

– Так ты в Киеве? – удивился Сеня.

– Ну да! В Израиле мне хана... Да и тут тоже хана... Твоя старуха, что тебя с хохлами отправила, достала! – затараторил Осип, но сразу осекся. Сеня почувствовал, что он что-то скрывает.

– Ей-то, блядище, что надо? – заорал Сеня.

– А? Что? Ничего не слышно! – Осип явно ломал комедию, притворившись, что не расслышал вопроса Сени.

В трубке повисла тишина. Сеня для проформы попытался перезвонить, но на том конце ответа, конечно же, не было.

– Просто детектив какой-то! Пинкертон из меня сделали, блин! – раздраженно выпалил Сеня и отдал телефон владельцу.

Глава 28. Пулю в лоб и две в живот

Сеня решил собраться с мыслями. Получалось, что, кроме как бухгалтеру, некому было слямзить деньги, и сделал ли он это из корыстных побуждений, или для того, чтобы спасти их от Осипа, было уже не важно. Эту тайну он унес с собой в могилу. Сене казалось маловероятным, что это Осип убил бухгалтера. Ну не стал бы он для этого пользоваться электричеством. Сеня знал, что у Осипа был пистолет, причем ни один.

«Да и какой смысл Осипу его убивать? Ведь все, что Сениному партнеру было нужно, – это вернуть пропавшие деньги. А кому нужен мертвый бухгалтер с деньгами, зависшими где-то за границей на счету какой-то левой компании? А может, Леву пытали и заставили отдать деньги? Но кто? Ведь хозяева денег по-прежнему

охотятся на Осипа (хоть бы они его поскорее поймали!). Если Леву пытали, то зачем убили в лесу? А может, его убили в другом месте, а тело бросили в лесу? Как это теперь выяснишь... Не звонить же из тюрьмы в Новой Зеландии в Израиль и расспрашивать полицейских и следователя?

Невероятно, чтобы Левина жена пошла на убийство. Она хоть и имела любовника, но Леву тоже нежно любила. Это все знали, за это, возможно, Лева ее и прощал... Так может быть, это дело рук любовника? О нем я ничего не знаю. Видел только один раз на вечеринке. Тип очень обаятельный, нужно признать. Хотя внешность всегда обманчива.

Детей у бухгалтера не было... Терять им, в общем, было нечего. Хотя нет, жена Левы доктор наук, причем увлечена своей наукой. Не стала бы она из-за двух миллионов идти на такое... Да и не так уж это много – два миллиона шекелей. Ну хороший дом в Европе, ну мебель, ну барахло... Вот тебе и все два миллиона... Это я и пытался вдолбить Осипу, но тот никогда не слышал. У него всегда одно на уме – деньги поделить и рвать когти. Идиот! Как я вообще мог взять в партнеры такого отморозка?»

Сеня чувствовал себя очень некомфортно без четкой теории, объясняющей происходящее.

«Ладно, если верить даосистам, все в мире иллюзия. Так что я построю себе пусть ложную,

но зато целостную картину того, что произошло...

Итак, бухгалтер, узнав об аресте Сени и опасаясь, что Осип в Сенино отсутствие сбежит с деньгами – неважно, из благородных побуждений или с корыстными намерениями, – посылает фиктивный факс в банк с Сениной подписью и успевает сделать перевод на счет одной из амстердамских компаний, с которой предварительно договаривается о сохранении денег или о переводе их дальше, на контролируемый им счет. Он во всем признается жене и предлагает ей уехать на время за границу, переждать бурю, в связи с неизбежным развалом Сениной компании в результате его ареста и исчезновения двух миллионов. Возможно, он дает жене нотариальную доверенность с апостилем, данные счета и инструкции, как эти деньги получить. Такая доверенность нужна на всякий пожарный случай, чтобы она могла получить эти деньги в Амстердаме. Жена пробалтывается своему любовнику, который работает в лаборатории, разрабатывающей портативные электрические батареи высокой мощности. Каким-то образом перед отъездом он встречается слевой и убивает его... Детали не важны, хотя весьма интересны. Возможно, они вписали бы в криминальную историю новую страницу... Дальше любовник увозит напуганную вдову в Амстердам, убеждая ее, что Леву убил Осип...»

Итак, с этим теперь все более или менее ясно... Хотя бы до поры до времени. Сеня почувствовал себя уютнее. Он подумал, что если это так, то еще не все потеряно. Он в результате успешной апелляции скоро выйдет из тюрьмы, попытается отыскать Левину жену и таким образом выйдет на деньги. Хотя интуиция подсказывала, что любовник кинет несчастную женщину, как только доберется до денег...

Постепенно Сеню перестали интересовать деньги, смерть бухгалтера и прочая чушь. Все, что его теперь волновало в этом сюжете, не подставили ли его со всей этой новозеландской историей? Почему старуха достает Осипа? Разве они вообще были знакомы?

И тут Сеню осенило. Конечно, ведь именно Осип дал ему адресок старухи! В тот памятный вечер, узнав, что Сеня никак не может найти турагента, работающего с Новой Зеландией, услужливо подбросил ему адресок.

«Но что же старухе теперь нужно от Осипа? Нонсенс! Хотя почему нонсенс? – рассуждал Сеня. – Осип сначала был против моей идеи фикс смотаться в Новую Зеландию. Он предлагал снять деньги со счета, а потом уже рвать когти. Когда я наотрез отказался, он вдруг изменил свое отношение к этой поездке и даже позаботился, дал адресок. Но как Осип мог знать, что в Новой Зеландии я попаду в тюрьму? Никто не мог знать... Хотя почему никто? Если Осип был знаком со старухой, он мог знать и то, что паспорта у хохлов поддельные. И даже то, что в

Новой Зеландии есть новый закон, карающий за эту ерунду сроком до двадцати лет и штрафом до полумиллиона долларов?.. Может быть, таким способом он хотел меня вынудить взять деньги? Для уплаты моего штрафа?.. Чушь какая-то получается. Хотя не такая уж и чушь! Это самый удобный путь увести деньги и все свалить на меня... Он поставил мою подпись на факс, а бухгалтер каким-то образом заменил данные счета, куда перевели деньги! Осип всегда был ленив и мог быть очень неосмотрительным. Скажем, оставил этот документ на столе, а Лева взял его и подменил... Нет, слишком сложно. В жизни все происходит гораздо проще... Однако откуда Осип мог знать про поддельные паспорта?.. Про тюрьму?.. А может, не знал, а действовал, как всегда, интуитивно, хотел меня сплавить подальше со всеми этими заморочками, а самому провернуть дельце. Но все-таки как он мог знать про ворованные паспорта? Ведь если бы я вернулся, то подлог сразу раскрылся бы!»

Вдруг Сеню словно ударило молнией.

«Паспорта! Это Осип достал старухе паспорта! Ведь у Осипа была подружка в министерстве внутренних дел Израиля *«мисрадна-пним»*. Она еще в прошлом году внезапно переехала жить обратно в Киев, и Осип с довольным видом заявлял, что в Киеве теперь чувствует себя как дома!

Сомнения быть не может. Осип с помощью своей подружки провернул аферу с кражей бланков паспортов и продал их старухе, более того,

намеренно порекомендовав ей Сеню как возможного сопровождающего для хохлов! А теперь хохлы вернулись и потребовали деньги назад, а старуха, естественно, наехала на Осипа! Ведь наверняка у старухи крыша имеется...»

«Боже мой, как меня подставили! – пронзила Сенино сознание отвратительная мысль. – Хотя, может, я все-таки ошибаюсь. Очень часто так бывает, что все сходится один к одному, и сомнения быть не может. А потом все оказывается совсем не так».

Сеня вспомнил, как у Светы однажды пропали все драгоценности. Она уволила уборщицу, а через несколько дней обнаружила, что исчезла шкатулка с драгоценностями. Все говорило за то, что ее взяла уборщица. Будучи бабой скандальной, она как-то слишком покорно смирилась со своим увольнением. Сеня уже решил навести справедливость по-свойски, но в последний момент шкатулка нашлась...

«Да, истина многолика! Теперь мне кажется, что все сходится, но вдруг раскроется еще какой-нибудь факт и не оставит и следа от моей теории», – рассудил Сеня со вздохом.

«Ведь если посмотреть на это дело строго – фактов у меня раз-два и обчелся... Единственный выход – поскорее выйти из тюрьмы и разыскать Осипа, да поговорить со старухой, прежде чем пустить им обоим пулю в лоб и две в живот», – мечтательно подумал Сеня, хотя знал, что рука у него на это все равно не поднимется...

Глава 29. Мертвые не лгут

Через несколько дней Сеня снова позвонил маме, и тут его ждал сюрприз – трубку взяла Света!

– Это ты? – радостно закричал Сеня.

– А у тебя, что есть еще одна жена? – спросил низкий голос в трубке, и Сеня поморщился: «Опять напилась!»

– Осипа убили, вот мы и вышли из подполья. Оказывается, он сам от кого-то прятался в Киеве. Вчера по новостям сообщили: «В Киеве убит израильский бизнесмен...». Бизнесмен гребаный! Туда ему и дорога!

– Да ты что! А я с ним на днях говорил! – признался в растерянности Сеня. – Он сказал, что не убивал Леву.

– А он тебе не сказал, что он – архангел Гавриил собственной персоной? – съязвила Света.

– Нет... Да, кстати, архангел Гавриил, точно как в том анекдоте... – пробормотал Сеня.

– Ты, как я погляжу, там неплохо устроился, анекдоты травишь? – задиристо спросила Света, но не стала дожидаться ответа. – Короче, дело темное. Ты говоришь, Осип бухгалтера не убивал. Жена его, кстати, тоже из подполья вылезла, и она от Осипа пряталась. Так кто же убил-то? Полиция вообще заявила, что несчастный случай, неизвестное природное явление... И закрыла дело. Классно, да? Деньги пропали, два трупа, а им все – природное явление...

– Так кто же Осипа приговорил? – заволновался Сеня.

– А ты его самого спроси! Он тебе не совет... Мертвые не лгут... А знаешь, почему? Потому

что молчат! – неожиданно философски заметила Света. В подпитии у нее иногда возникали весьма просветленные мысли.

– Ну, а ты-то что опять навеселе? Как дети? Дай мне с ними поговорить!

– Дети спят. Ночь у нас уже. А я не пью. Так, слегка. Грамм тридцать... Ну, может, пятьдесят! А выпила от радости, что козла этого твоего завалили... Тоже мне, козлик безобидный! Не убивал... Я ему не верю!

– Так ты ж говоришь, мертвые не лгут... – задумчиво повторил Сеня.

Разговор не клеился. Света опять вернулась в свое озлобленное состояние, и от чувств, излитых в письме, не осталось и следа.

В полной растерянности Сеня позвонил жене покойного бухгалтера. Когда он услышал гудки, то вдруг осознал, что забыл, как ее зовут. Люда? Нет! Лиля? Тоже нет... Как-то на Л...

– Алло! – ответил женский голос.

– Извините за поздний звонок. Это Сеня Вечнов. Я очень сожалею о том, что произошло слевой.

– Сеня, вы! – оживился голос.

– Вы извините за поздний час...

– Ничего, ничего! Так вы уже освободились? Вы в Израиле?

– Если бы... Вот хотите верьте, хотите нет – звоню вам из новозеландской тюрьмы.

На другом конце провода помолчали.

– Ну, и каковы шансы на освобождение?

– Подаю на апелляцию. С Божьей помощью, скоро вернусь... Вы простите, что я задаю такие вопросы, но вам Лева ничего не говорил о деньгах, пропавших со счета?

– Нет. Я об этом узнала от Осипа. Он звонил и угрожал! А Лева накануне гибели сказал, что пойдет прогуляться в лес. Вы знаете, он ведь у меня заядлый грибник! Был... Да. И какие грибы под Иерусалимом? Так, смех один, да и только... А потом его там нашли. Говорят – шаровая молния. А я не верю. Сначала мы подозревали Осипа и прятались от него, но вот теперь и его убили, и мне почему-то кажется, что это не он...

– А кто, по вашему мнению?

– Да откуда ж мне знать, миленький! – вздохнула Лидия Исааковна. (Сеня внезапно вспомнил ее имя и даже отчество.)

– Лидия Исааковна, а вам никто не звонил, никто не приходил? Муж вам точно ничего не говорил про деньги?

– Нет. Вот только за несколько часов до того, как Лева отправился в лес, ему звонила Лена, ваша секретарша...

– Ах, вот оно что!

– Мне вообще казалось, что у них слевой назревал роман.

– Да бросьте... Такая пустышка, дурочка... Хотя как знать?

– Да, теперь спросить некого... Да и спросила бы
– Лева все равно соврал бы. Пожалел бы мои чувства... Я ведь его очень любила! А вот теперь он мертв... Он всегда мне лгал, когда хотел оградить от неприятностей...

– Да, да. Мертвые не лгут... – задумчиво произнес Сеня.

– Простите, что вы сказали?

– Да, так, ничего. Еще раз примите мои соболезнования...

– Спасибо конечно, но тут соболезнованиями не поможешь...

Этот разговор привел Сеню в еще большее замешательство. Так что же выходило?... Может быть, в лес бухгалтера пригласила Лена... Нужно немедленно ей позвонить и все разузнать. Вот тебе и дурочка...

Сеня лихорадочно набрал телефон Лены, но в трубке прозвучал механический голос: «на миспар эйно мехубар...» – телефон отключен!

«Вот так так! Значит, это Лена подделала факс! Бухгалтер, возможно, узнал об этом и начал шантажировать. Но зачем она пригласила его в лес? И как она его убила? Ах, ну конечно же... У Лены был электрический пистолетик для самозащиты... Или газовый? Нет, кажется электрический. Она параноидально опасалась, что ее изнасилуют, и всем и каждому об этом не без удовольствия рассказывала...

Так, что же, Лева решил ее того... Встреча с романтическими целями? Но почему в лесу? Что они, дети? Может, просто хотел навести мосты, а она его током? Ну, дела! Совсем запутался. Одно ясно, что деньги украла она. Или все-таки Лева? Тогда почему Лена сбежала? А может, и не сбежала. Ведь ей последнюю зарплату не заплатили. Вот и отключили телефон за неуплату!

Нет, ну вы поглядите, как все замечательно выходит. Я – в тюрьме. Осип – убит. Бухгалтер – мертв. Конечно же, шаровая молния... А Осипа, наверное, не иначе как метеоритом убило!

Короче говоря, мое расследование можно считать временно приостановленным. Сидя здесь, ни в чем разобраться нельзя. Нужно сконцентрироваться на апелляции... А там посмотрим!»

Глава 30. В поисках справедливости

Первым серьезным препятствием на пути Вечнова к свободе стала попытка уволить своего адвоката. Мистер Мудэн, услышав Сенино решение, воспринял его спокойно, но при этом заявил, что Вечнов неблагодарный тип, что без его, адвоката, помощи Вечнов осудили бы на двадцать лет, и что Вечнов напрасно думает, что если он решился пойти на преступление против

Новой Зеландии, то ему удастся уйти от ответственности.

Сеня грубо и не без удовольствия уволил мистера Мудэна и обратился к другому адвокату, которого ему посоветовал наркоеврей. Новый адвокат сказал, что с радостью возьмется за дело Вечнова. Единственной заминкой было, что согласно адвокатской этике он не мог приступить к работе, пока не будет получено открепительное письмо от прежнего адвоката Сени. Он также сообщил, что его услуги обойдутся примерно в двадцать тысяч долларов. Мистер Мудэн уже вытянул с Сени двадцать пять тысяч и соглашался подать апелляцию всего за дополнительные пятнадцать тысяч долларов. У семьи Вечнова просто не хватало средств, чтобы оплатить нового адвоката, тем более что Сеня собирался предложить суду выкуп в размере десяти тысяч долларов.

Однако Вечнов ни за что не хотел возвращаться к своему прежнему адвокату и твердо решил изыскать средства на нового. После испытанного в суде он понимал, что самому себя ему защищать не дадут. То есть формально позволят, но фактически, что бы он ни говорил, его засмеют и просьбу о пересмотре приговора отклонят, даже не рассматривая. Судьи ведь происходят из той же братии, что и адвокаты, а посему ни за что не допустят, чтобы возник прецедент, чтоб в таком сложном деле преступник, сам себя представляя в суде, добился каких-либо положительных результатов.

Вечнов снова связался с мистером Мудэном, однако тот сказал, что очень занят и стал тянуть с открепительным письмом. Мудэн не лгал. После завершения подробного освещения дела Вечнова в новозеландской прессе к адвокату снова повалили клиенты. Инцидент с женской одеждой, надетой им однажды в суд, был полностью забыт!

Однако Вечнов настоял на открепительном письме, и в конце концов ему принесли пакет от адвоката. Только вместо письма там был счет на десять тысяч долларов, которые Сеня якобы не заплатил мистеру Мудэну за уже начатую работу по подготовке апелляции. Вечнов позвонил адвокату и стал орать так, что у мистера Мудэна заложило ухо. Тот отвел трубку подальше и сказал, что Вечнов может думать все что угодно, и если он не согласен со счетом, то может обратиться в арбитражный суд, но еще не было случая, чтобы этот арбитраж принимал решение в пользу клиента. Адвокатская братия Новой Зеландии крепко держала за горло свой народ.

Сеня обругал мистера Мудэна последними словами и бросил трубку, однако через несколько дней снова позвонил ему, извинился и спросил, не согласится ли тот взяться за его апелляцию на прежних условиях, отказавшись от липового счета? Мистер Мудэн опять обиделся, потребовав, чтобы Вечнов извинился письменно и больше не смел называть этот счет липовым. Когда Вечнов подчинился, адвокат сказал, что взвесит возможность взяться за его апелляцию и

отменить этот счет, но ему надо подумать и он даст ответ через пару недель.

Дело затягивалось. Апелляцию можно было подавать только в определенный срок после вынесения приговора. Вечнов был уже согласен на все, чтобы вернуть своего старого адвоката.

Наконец после каждодневных Сениных звонков мистер Мудэн торжественно сообщил Вечнову о своем согласии и принялся за работу. Теперь он был гораздо более покладистым и согласился с большинством того, что Вечнов пожелал написать в просьбе о пересмотре приговора. Единственное, с чем адвокат не согласился, это с попыткой Вечнова заявить, что он отменяет свои показания по всем трем пунктам обвинения и отрицает, что помогал украинцам.

– Вам не следует этого делать! Вот увидите, если вы на это пойдете, вас даже никто и слушать не будет, и я с профессиональной точки зрения в таком процессе участвовать не согласен. Впрочем, можно добиться пересмотра приговора и не отказываясь от вины.

Вечнов подспудно чувствовал, что эта адвокатская рожа, для покрытия гонораров которой его жене пришлось продать их квартиру в Иерусалиме и с двумя детьми переселиться к Сениным престарелым родителям, снова впутывает его в гиблое дело.

Наконец мистер Мудэн под беспрестанным давлением Вечнова составил новое заявление в

суд, которое после долгого изучения Сеня решился наконец подписать.

В этом заявлении снова пространно описывалось все преступление, но отмечалась незначительность участия в нем Вечнова. Вечнов заявлял, что не отзывает свои прежние показания и признание вины, однако просит суд пересмотреть интерпретацию фактов и обстоятельства преступления. В заявлении отмечалось, что Вечнов не согласен с той интерпретацией фактов, которая была дана во время основного слушания, и просит пересмотреть эту интерпретацию и приговор.

Сеню снова нарядили в чистое и повезли в Апелляционный суд. На этот раз его не угощали ни печеньем, ни кофе. Это заседание совершенно не привлекло внимание прессы.

Когда началось слушанье, представители Короны (государственные обвинители) возразили, что существует, по крайней мере, две сложности в апелляции Вечнова. Во-первых, нет доказательства того, что адвокат Вечнова согласился с интерпретацией фактов на основном заседании против воли подсудимого, ведь именно такая интерпретация фактов и легла в основу вынесения приговора. Также провозглашался тот факт, что обвинение окажется в невыгодной ситуации, если Вечнов передумает и откажется от принятой интерпретации фактов, поскольку теперь вызов в суд основных свидетелей обвинения, трех украинцев, практически невозможен, поскольку

они депортированы из страны. Так как Вечнов на основном суде согласился на прежнюю интерпретацию, не было необходимости заслушивать свидетелей, и они не участвовали в основном процессе. Теперь же их свидетельства могли потребоваться, коль скоро Вечнов вдруг решил пересматривать интерпретацию фактов.

Второй сложностью, согласно государственным обвинителям, было то, что большая часть нового заявления Вечнова фактически отрицает его вину, в то время как он признал себя виновным ранее, а делать это Вечнов не имеет права! В частности, он пытается изобразить себя введенным в заблуждение и «обманутым», а именно использованным украинцами без понимания их преступных целей.

Апелляционный суд принял во внимание заявление представителей обвинения.

Далее были рассмотрены основания просьбы Вечнова о пересмотре приговора. Адвокат Вечнова заявил, что их просьба базируется на трех основаниях.

Во-первых, его честь судья Матэрсон вынес приговор, не определив спорных фактов, с интерпретацией которых Вечнов не был согласен.

Во-вторых, было назначено чрезмерное наказание: не следовало исходить изначально из семи лет лишения свободы.

И третий довод, как казалось Вечнову, самый сильный, заключался в том, что его относительно

строгое наказание не соответствовало легкости наказания украинцев, что как бы заявляло, что попытка пересечения границы с поддельными паспортами является более легким правонарушением, чем сопровождение этих нарушителей человеком с настоящим паспортом, а это может стимулировать других нарушителей специально нанимать сопровождающих лиц в качестве «козлов отпущения», поскольку Сенин случай будет использоваться в будущем как прецедент. Вот теперь Сеня начал думать по-судебному, рассуждая категориями интересов государства...

Дополнительно адвокат заявил, что не были учтены такие облегчающие обстоятельства, как отсутствие какой-либо опасности по отношению к украинцам, и что австралийское дело с перевозкой мигрантов в душном контейнере не должно было использоваться как прецедент.

Наконец, адвокат, в соответствии с требованием Вечнова, заявил, что судья Матэрсон не принял во внимание тот факт, что Вечнову приходится отбывать наказание вдали от семьи и что судья отнесся к этому фактору так же, как в случаях с контрабандой наркотиков, в которых этот фактор не учитывается.

Сене показалось, что все идет хорошо, и когда ему снова дали слово, он в общих чертах повторил на своем ломаном английском то, что сказал адвокат.

Потом было объявлено решение суда.

Апелляция была отклонена на основании аргументов обвинения. Принять выкуп в размере десять тысяч долларов суд отказался на основании того, что, с одной стороны, такая выплата будет слишком тяжела для бюджета Сениной семьи, а с другой – возможность «откупиться» такой незначительной суммой будет неверно воспринята преступным миром.

Больше Вечнову было не на что надеяться. Вот теперь он был полностью раздавлен!

Глава 31. Человеколюбие людоедов

Вечнов не мог очнуться, пока не очутился запертым в фургоне, везущем его назад, в тюрьму. Он был вне себя от охватившего его возмущения. Злоба, клокоча, пыталась вырваться наружу, ему хотелось размахивать руками, но наручники сковывали движения, и казалось, еще минута – и Вечнова разорвет на части. Казалось странным, как его и без того тщедушное тело, еще более исхудавшее в последние месяцы и имевшее в этой вселенной столь ничтожный вес, могло вмещать столько невыраженной злости и горькой ненависти!

– Будь проклята моя чертова жизнь! Будь проклято все! Ненавижу! Ненавижу! Подонки! Как это возможно, чтобы ни в чем неповинный человек оказался запертым на три с половиной года в клетку, да еще на краю земли!

– Впрочем, чему удивляться? – с досадой рассудил Вечнов, немного успокоившись. – Эта земля всегда отличалась исключительно «теплым» отношением к чужакам. В течение столетий всякий, кто ступал на песчаные берега Новой Зеландии, немедленно бывал убит и съеден. От кого можно ожидать большего *човеколюбия*, чем от людоедов? И в гостеприимстве новозеландцам не откажешь! Каждого незваного гостя сразу приглашают на обед, в котором тот принимает самое

непосредственное участие – в качестве основного блюда!

Вечнову хотелось быть, не картинно, по-театральному, а реально, с хриплыми, холодящими душу нотками.

Вечнову хотелось сойти с ума, изматывая себя повторением какого-нибудь одного слова. «Подонки! Подонки! Подонки! Подонки! Подонки!»

Вечнову хотелось немедленно превратиться в людоеда и наброситься на кого-нибудь, сжимая челюсти мертвой хваткой, как затравленный волк, и рвать в клочья плоть. Ему даже казалось, что у него во рту начинают расти клыки, и действительно, на языке чувствовался вкус крови, только это была его кровь от искусанных чуть ли не в ошметки губ.

Вечнову хотелось биться в припадке. Он повторял: «Лучше бы меня казнили! Лучше смерть, чем эта беспомощность! Я раздавлен, как насекомое! Ненавижу! Подонки! Оглоеды!»

– Я обязательно вырвусь и отомщу этой стране! Я найду, как! Я обязательно найду, как! Только бы вырваться! Я всем отомщу! За мной останется целая гора трупов! Ишь, как все удобненько выходит... Этих хохлов отпустили, а меня на три с половиной года! Нацисты... Тоже мне, Вечного Жида себе нашли... Козла отпущения! – неистовствовал Вечнов. – Какая древняя, слепая сила нелепости и жестокости руководит этими безобразными подобиями людей! В них нет ни

разума, ни милосердия. Они – ублюдки от рождения до смерти, от каблуков до самой макушки. Ах, хорошо бы этому судье с размаху дать кувалдой по макушке, чтобы череп лопнул, как арбуз! А адвоката просто повесить на его же галстук! Господи, убей их! Пожалуйста, Господи, накажи этих паскудных тварей! Я столько перенес и никогда не роптал на тебя! Ты должен их убить!

Злоба, как красные пузыри кипящего борща, представляла собой адово варево. Однако лицо Вечнова было мертво, и казалось, что он готов на любое убийство. Не обязательно из мести, не обязательно преследуя какую-либо конкретную цель. А просто на убийство ради самого убийства, для того чтобы выпустить пар, чтобы кипящий борщ, перелившись через край, не обжог самого Вечнова смертельным ожогом. Хороша же эта долбаная исправительно-принудительная система, которая из вполне безобидных людей штампует убийц!

– Я обязательно укокошу эту старуху. Не поленюсь снова съездить в Киев. Войду к ней офис и задушу голыми руками. Причем специально буду душить медленно, как меня медленно душат в этой вонючей тюрьме, а когда она будет уже почти мертва, отпущу, и как только в ее маленьких вороватых глазках вспыхнет лучик надежды, немедленно размозжу ей череп! – твердо решил Вечнов, и ему стало немного легче, потому что он с удивлением поверил каждому своему слову.

– Отомщу сначала старухе, а потом уже примусь за остальных. Три года – не тридцать и не тринадцать, или сколько там отсидел Монте-Кристо? Вы еще крупно пожалеете, дорогие актеры моего спектакля. Дайте время, я оправлюсь... Я вызову вас на авансцену и уничтожу по одному!

Фургон остановился, и Вечнова вывели наружу. Было холодно. Небо начало темнеть, и на нем стали проступать чужие звезды. Созвездия Южного Креста Вечнов, наверное, и не распознал бы, даже если бы ему позволили подольше задержаться на свежем воздухе. «Сами валяемся в грязи, а смотрим на звезды!» – припомнил Сеня чью-то фразу, которой он придавал мало значения, а теперь она показалось ему пророчеством небесным. «Сами копошимся в грязи, но все-таки смотрим на звезды!» Вечнов в последний раз взглянул на едва проступившую бледную звездочку, и его затолкнули в помещение. Как бы он хотел оказаться там, рядом с этой невыразимо далекой звездой, пусть мертвым, пусть вечно вращающимся по недостигаемой с Земли орбите!

Когда ему снимали наручники и отбирали цивильную одежду, он припомнил Руссо: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах...», и его стошнило от неуместности своей излишней интеллигентности.

– А что, интеллигентность никогда не мешала убивать старух. Это ведь целое направление в российской культуре. Старухобийством

называется. Большое искусство и очень утонченное, интеллигентное. Вон Раскольников, студент с философскими измышлениями, и то за милую душу без особой на то причины старушенцию кончил, и сестрицу ее заодно, до кучи. А у меня-то причина есть! Ой, какая причина, всем причинам – причина! Мать всех причин! – почти вслух проговорил Вечнов и вдруг усомнился. Внезапно ему стало скучно. «А такая ли уж это причина? Ну посадили, ну и что? Скучотища! А я себя уже графом Монте-Кристо вперемешку с Дрейфусом вообразил!»

Мысль о том, что его история скучна и тривиальна, была Вечнову совершенно нестерпима, и он просто приказал себе не думать *так*. «Для меня это – не банальность. Всякий человек страдает по-своему.

Вон Коби с Ициком, казалось, в тюрьме сидят, словно на работе работают. А грузинский еврей – тот вообще выглядит так, словно в тюрьме родился, вырос и собирается умереть, причем считает это весьма комфортным, – бесплатная еда и круглосуточная охрана, просто люкс. По телефону по-прежнему ворочает своими наркоделами... Вершит самосуд, убирает свидетелей. А я! А я-то бессилен! Совершенно, абсолютно, стерильно бессилен! Как медуза, выброшенная на берег!»

Вечнов посмотрел на следы наручников на своих совершенно исхудавших запястьях. Кроме костей, в них, казалось, ничего не осталось! Все, как прежде. Человек рождается свободным, но

повсюду в оковах... Ничего не изменилось! Если посреди Тихого океана вспучится новая земля, какая-нибудь Сверх-Новая-Тудыть-Ее-Мать Зеландия, на ней тоже заведутся букашки и станут надевать друг на друга наручники, а потом те, освободившись от наручников, станут лупить обидчиков топорами, за что их снова закуют в наручники, и так без конца... Последняя мысль, что он и есть такая настырная букашка, не готовая смириться со своей судьбой, отозвалась глухим ударом в Сенином рассудке, и он остановился. Охранник немедленно больно пихнул Вечнова в плечо, чтобы он двигался поживее.

– Ты словно не живой, что ли! – недовольно приправил он свой удар пояснением.

Вечнов зашагал быстрее и подумал: «А живой ли я? А живой ли? Ой, не знаю... Нет, я неживой!»

Вернувшись в тюрьму, Сеня забился в угол и стал потирать натертые наручниками запястья. Он ни с кем не хотел говорить, и жлобы не стали к нему приближаться, видно, на подспудном животном уровне догадываясь, что теперь не время – этот тщедушный доходяга настолько не в духе, что может и убить. А умирать до ужина им как-то не хотелось...

Вечнов закрыл глаза. Голова сильно кружилась. Злоба, не находящая выхода, начинала свое злоторное действие внутри, покалывая то сердце, а то печень.

Сеня опять вернулся к мыслям о мести. Нелепость планов его не смущала. Он верил всему, что рождал его измученный бесконечным следствием, заключением и судом рассудок. Впрочем, по Кафке, «стоит лишь впустить в себя зло, как оно уже не требует, чтобы ему верили»...

«Я стану террористом. Раньше я не понимал террористов. Как так – убить себя? А теперь – понимаю. Они не себя убивают. Они *собой* убивают! Превращаясь в живой снаряд! Как я

теперь понимаю террористов! Я готов сейчас же напичкать себя взрывчаткой и взорваться, как живая бомба, где-нибудь в центре Веллингтона или Окленда! А лучше бы в зале суда! Но в суд с взрывчаткой не пустят...»

Мысли Вечнова начинали путаться, и он снова вернулся к привычной мякине. «Как я смог стать преступником в стране, в которую меня даже не пустили? Ведь официально до сих пор мне отказано во въезде в Новую Зеландию. Как они еще не запретили дышать их поганым воздухом?»

Вечнов инстинктивно потянул ноздрями воздух и почувствовал ставшую привычной тюремную вонь.

«Но больше всего меня испепеляет мое полное бессилие. Если бы я был мертв, то обладал бы большей силой, чем живой. Мертвого невозможно мучить! Я – хуже чем мертвый! Во всяком случае, мертвому все нипочем. Почему люди такие уроды? Вот их жалкие суды. Сколько раз им повторяли: «Не судите, да не судимы будете!» Нет, подавай им все судить да рядить! Почему правосудие – то, что должно быть символом справедливости, – является рыхлым ударом березовых розг? Зачем этот мир хлещет всех вслепую по не менее слепым ягодицам, и уворачиваются только самые ловкозадые? Те, у которых глаза на жопе? Вот как эти хохлы – они ведь клинические идиоты! Их нужно отправить в психушку и лечить электричеством, причем пожизненно. Душем Шарко со смертельным

исходом! Ничего не понимают! Ничего не знают! Пересекают границу с фальшивыми паспортами, а с них все как с гуся вода! И не то чтоб они оказались хитрее меня или умнее. Просто всем так было удобно. Обвинить крайнего, а главных виновников отпустить! Они сначала нанимают старуху, чтобы та достала им ворованные паспорта. Потом пристают ко мне, чтобы я помог им в дороге! И они невиновны, а я – контрабандист живым товаром!»

Вечнов никак не мог примириться со случившимся. Если бы он, и правда, был наркоторговец, действительно убил человека или ограбил банк – он бы так не страдал, потому что происходящее было бы закономерным и естественным. Человеческое стремление к справедливости совершенно неизменно. Причем каждый человек видит справедливость по-своему, и поэтому все мы носимся по земле, как ужаленные идиоты, в поисках справедливости. Нам не нужны ни деньги, ни покой, ни духовные наслаждения. Нам нужна справедливость, которая чаще всего заключается не в желании, чтобы нам было хорошо, а в желании, чтобы другому было плохо!

Вечнов считал себя невинно осужденным, он чувствовал себя обманутым, обведенным вокруг пальца, и это больше всего корбило его самолюбие.

«Э, а я и не подозревал, что в действительности значит фраза «Невинно осужденный». Недаром таких производят в ранг святых! Но в тридцать

седьмом году таких были толпы, а в толпе легко. Все свои. Вся страна идет по этапу. Весело! В толпе и на расстрел веселее... – подумал Сеня, но вспомнил о своем прадеде, которого как раз вместе со всей его семьей фашисты вели на расстрел, и ужаснулся своей мысли. Только Сенин дед спасся от фашистов, потому что в это время сидел на Колыме за антисоветскую пропаганду.

– Пожалуй, бывает хуже. Я все-таки большой эгоист. Эвон куда махнул. На расстрел... Но все-таки я тут – словно на чужой планете. Кругом ни одного родного лица. Только ненавистные квакающие звуки, издаваемые белесыми рожами, да выпученные глаза маори...

– Не грусти, – вдруг обратился к Сене наркостей, и его лицо показалось Сене до боли родным. – У нас в Грузии говорили...

Вечнов расслышал странную фразу, что-то вроде «джеви пэри убрало».

– Ну, и что это значит? – раздраженно спросил он.

– Все суeta суeta. Нет разницы – на свободе ты или в тюрьме. Пока ты сам не найдешь для себя выход, свободы тебе не видать, как собственных ушей. Я всегда дарил людям то, чего они сами желали. Наркотики давали им максимальную свободу, хотя и порабощали их.

– Так уж и дарил, – сплюнул сквозь зубы Вечнов.

– Ну хорошо, продавал. Ты думаешь, я не мог преуспеть в легальном бизнесе? Ошибаешься. Я просто хотел делать то, что мне по душе.

– Что же, тебе по душе торговать зельем? – спросил Сеня и немного обрадовался, почувствовав, что нестерпимая злоба, клекотавшая у него в груди, как в скороварке, потихоньку начала отступать.

– Для меня главное – это чэст, – с грузинским акцентом произнес наркоеврей.

– «Чэст» – по-английски, что ли? «Чэст» по-английски – это грудь.

– Нет. Чэст в смысле совэст, – серьезно и торжественно ответил грузинский еврей.

– Да ты с ума сошел! – снова разозлился Вечнов. – Что ты несешь?

– Можно быть убийцей – и при этом милосердным. Можно быть жестоким – и при этом справедливым. Можно торговать наркотой – и быть чэстным. Вот что я хочу сказать, – и добавил с совсем уж с несносным грузинским акцентом: – Нэт у тэбя, Сэня, внутрэннова стэржна, вот ты и маэшья!

Сеня отвернулся к стене, и грузин отошел.

– Нет, ты посмотри, этот наркобарон будет еще меня учить! Проповедник хренов, святой отец из храма героя! Стержня у меня нет, а у него кол в зад забит, вот ему и кажется, что у него стержень!

А потом вдруг устало добавил:

– Будь проклята эта чертова жизнь!
И Сене неожиданно захотелось убить себя.

Глава 32. Галка в клетке

Убить себя? Себя убить? Что может быть более противоестественным и уродливым? Вечновым овладела навязчивая мысль о самоубийстве, спускающаяся на топкое дно подсознания, мысль, которая заставляет с самого раннего детства скользить испуганными глазами по острой, слегка зазубренной кромке лезвия кухонного ножа – этого самого распространенного, после автомата Калашникова, орудия убийства на земле. Простая анатомия самоубийства велит отчаяться до конца во всех иных путях выживания и попытаться выжить через смерть!

Сокамерники считали, и возможно, не без основания, что Сеня не в себе. Он часто заговаривал сам с собой, иногда размахивал руками. Его сторонились, но если Сеня попадался на пути какого-нибудь жлоба, то его били – буднично и торопливо, как отгоняют надоевшую муху.

Сеня сначала уворачивался от ударов, но потом перестал. Он старался не попадаться никому на глаза и большую часть времени отсиживался по

углам, хотя иногда лихорадочные мысли заставляли его подняться на ноги и беспорядочно бродить среди теней царства Аида, так не похожих на тени и больно дерущихся. И как сказано у Кафки: «многие тени усопших заняты только тем, что лижут волны реки смерти, потому что она течет от нас и еще сохраняет соленый вкус нашего моря. От отвращения река эта вздымается, начинает течь вспять и несет мертвых назад в жизнь. А они счастливы, поют благодарственные песни и гладят возмущенную реку». И Сеня послушно вместе со всеми лизал эту реку смерти, и Сеня надеялся, что она вынесет его вспять – в мир живых! А кругом только «плач да скрежет зубов»²⁹ ... выбиваемых зубов... Странно, что уголовный кодекс умалчивает о постоянных избияниях, которым подвергаются заключенные. Причем этот факт хорошо известен и сомнению, казалось бы, не подлежит. Подлая судебная система, запретив пытки и телесные наказания, перенесла все эти функции на самих заключенных, так сказать, переводя их на полное самообслуживание. Уголовный кодекс

²⁹ «Сознание своей греховности, угрызения совести, сетование о невозвратимом вызывают состояние души, называемое отчаянием. Это внутреннее мучение грешников в аду называется в Св. Писании плачем и скрежетом зубов: «Тогда сказал Царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его, и бросьте во тьму кромешную; там будет плач и скрежет зубов». Место заключения грешников не есть только беспросветная тьма; оно и содержит в себе нестерпимые муки. Подобные душевные состояния на земле выражаются названными видимыми знаками: плачем и скрежетом зубов» (Митрофан, монах. Загробная жизнь. М., 1897. С. 240).

умалчивает и о других унижениях, которые готовит нам тюрьма, — от первобытной брани до совершения над вами гомосексуальных ритуалов преобладания!

В наше время во всем мире назревает признание того факта, что современная система уголовного правосудия и наказания не только не выполняет задач, декларируемых ее функционерами, но и порождает проблемы, справиться с которыми обществу сложнее, чем с самой преступностью.

Речь уже идет не просто о кризисе принципов наказания, а о кризисе правопорядка вообще. Наказание за преступления становится более преступным, чем само преступление, за которое было назначено наказание. Разве не преступно со стороны судьи осуждать подсудимого на неформальные муки, включающие избиения и издевательства сокамерников и возможное насилие гомосексуального толка? Отчего же просто не внести эти дополнительные наказания, которые неминуемо становятся основными, прямо и честно в уголовный кодекс? Мол, так мол, и так, граждане осужденные (тамбовский волк вам товарищ), вам надлежит принять во внимание, что всякое наказание, связанное с тюремным заключением на любой срок, будет включать избиения, издевательства и гомосексуальные притязания. А если не хватает у наших церберов духу внести это все в уголовный кодекс, то разве они не большие преступники, чем те, кого они осуждают?

Кроме доводов совести и элементарной справедливости есть и более утилитарные соображения. Система тюрем в том виде, в котором она существует, становится все более разорительной для общества, неэффективной с точки зрения назначенных ей социальных целей. Она не решает реальные конфликты и проблемы, а только, усугубляя, загоняет их внутрь. И Новая Зеландия вовсе не является исключением. Ей ведомы все те же прелести тюрем... В сложившихся обстоятельствах речь идет уже не о кризисе, а о катастрофе. История знала системы уголовного правосудия и наказания, превращенные в машины по истреблению собственного народа. Эксперты дают разные оценки по количеству людей, уничтоженных в ГУЛАГе: от 30 до 70 миллионов. Когда разница в оценках составляет десятки миллионов человеческих жизней, это, пожалуй, страшнее самих оценок!

Но так ли отличается современное правосудие от этих мрачных эпох? А правосудие развитых и респектабельных стран, так ли оно отлично от жестоких трибуналов тридцатых? Принцип остался тот же. Все та же неразборчивость, избыточность, сверхжестокость репрессий, когда и преступления-то никакого нет, и мягкотелость или полное отсутствие наказания, как в случае с убийцами Джона Смита. По существу, правосудие занимается уничтожением не приспособившихся к *нему* людей, а не обузданием тех, кто действительно приносит

ощутимый урон обществу. Настоящие преступники продолжают беспрепятственно крутить свои махинации из тюрем. Вот взять хотя бы городскую тюрьму Paragua новозеландского города Крайстчерч, название которой по странной иронии в переводе значит «церковь Христа». По мнению полицейских чинов, кто-то из охранников тюрьмы предоставлял заключенным свой мобильник для заказов дозы наркоты прямо из соседних баров. Что это за тюрьма, где бары соседствуют с камерами, не очень понятно, но ситуации это не меняет! А в Сениной тюрьме и подавно все кому надо крутили свои дела через телефоны-автоматы!

Правосудие остается таинственным и просто пожирающим нас драконом, в то время как матерые преступники чувствуют себя прекрасно в его отеческих объятьях. Вы никогда не задумывались, почему адом (подобие земной тюрьмы) поручили управлять Сатане? Не лучший вариант для перевоспитания грешников! На воле никто не позволит им с такой интенсивностью избивать и насиловать своих собратьев! Более того, они становятся основным фактором и инструментом пытки, которыми бесстыдно пользуется эта система. Формальное право заменяется в тюрьмах «тюремным правом», и в тюрьмах мы наблюдаем не порядок, основанный на человеческих понятиях, а нечто такое, что даже сами арестанты с трепетом называют «беспределом».

Так что же, всех рассадить по одиночкам? Увы, даже в Новой Зеландии такое невозможно. Власти Новой Зеландии оригинально решили проблему переполненности местных тюрем. В связи с нехваткой мест в камерах было решено в дневное время содержать заключенных в тюремных автомобилях, припаркованных на городских улицах. На ночь заключенных развозят по пустующим судебным клетям. Эти припаркованные на улицах автомобили – что-то вроде фашистских душегубок, где в роли ядовитого газа выступают агрессивные арестанты³⁰.

Ну хотя бы теоретически, все-таки одиночка или общая? Возможно, после пары месяцев одиночки человек взвоет и предпочтет сексуальное насилие над собой, лишь бы пообщаться с другим представителем рода человеческого, пусть потным и вонючим.

Однако Сене сейчас больше подошла бы одиночка – поток его мыслей был столь интенсивен, что ему действительно нужно было, как говорится, побыть одному.

Вас пытаются изнасиловать и бьют коленом по лицу, а вы аккуратно пытаетесь отодвинуть бьющее вас колено, и, интеллигентно, стараясь не чавкать, прожевываете собственные очки и говорите:

³⁰ Новозеландская «Дэйли Телеграф» пишет, что впервые к подобному выходу из сложившейся ситуации прибегли именно в тюрьме MtEdenPrison в городе Окленд, где и был заключен Вечнов.

– Простите, не сейчас! Вы знаете, мне нужно побыть одному!

Жизнь давно заставила Сеню завидовать Йозефу К. из романа Кафки «Процесс». С тем обходились весьма вежливо, и несмотря на арест, позволяли жить обычной жизнью, чем превращали долгий фантасмагорический процесс в не отличимый от настоящей жизни, в которой всем нам рано или поздно, мытьем ли, катаньем ли, когда-нибудь вынесут приговор. Это – хорошо известный факт. Многие относятся к своей жизни как к испытанию, судебному эксперименту, процессу, в результате которого грянет заключительный аккорд ля бемоль – Страшный суд. Недаром евреи каждый год перед жутким Судным днем «Йом Кипур», днем искупления и поста, при встрече говорят друг другу: «*Гмар хатима това!*», что означает: «Хорошего приговора!» Хотя зря такое беспокойство. Как говаривал полумертвый Кафка, «только наше понятие о времени заставляет нас называть Страшный суд именно так, по сути это военно-полевой суд». Скорый суд, как аперитив к расстрелу... Уж больно мы себя возвеличиваем, считая себя избранниками...

«Все мы избранники, но нам тоже когда-нибудь вынесут приговор!» – многие месяцы дребезжали в Сенином мозгу слова Камю, и вот теперь Вечнову нечего было ждать. Приговор, окончательный и бесповоротный, был вынесен! Приговор на всю оставшуюся вечность, потому что такое из памяти уже не сотрешь.

«Просто поразительно, насколько Кафка был наивен, – думал Сеня свои гробовые мысли, словно перебирал бесконечные четки. – У Йозефа К. все гораздо светлее и безоблачнее, чем у меня, хотя более депрессивную книгу найти трудно. Людоедская реальность гораздо более проста и непритязательна. По почкам и в наручники – вот вам и весь разговор. А к нему уважительно, с подходом. На «вы»... Европейская культура, утонченная литографическими пасторальностями, избыточным образованием, веками изнеженной веры в чуму, непременно минующую лучшую часть человечества... А потом у нас с Йозефом начинается суд. Суд один на двоих, суд без конца и без начала, общий на всех, для экономии государственных фондов, как братская могила, на дешевом надгробье которой нас самих заставят надписать свои имена, и мы в предсмертном волнении напишем их с орфографической ошибкой или вовсе забудем, надписав только Йозеф К. или Семен В.

У Йозефа в зале суда очень темно, и у меня тоже, на нас обоих экономят, не желая платить за свет, да и зачем, ведь мы оба мало что понимаем даже при свете... При свете хуже, ибо у меня видны побои на лице, а человек с побоями разве может быть невиновен? Если били, значит, было за что. Раз вмазали – значит, точно – ублюдок, и надо добавить еще. Напасть на подранка и добить. Навалиться кучей и вырвать сердце. Мы с Йозефом только предполагаем, что осуждены, но

едва ли спрашиваем себя, какое нас ждет наказание. Я всегда мечтал иметь брата, и теперь он у меня есть. Мой брат-близняшка, Йозеф Кац. Конечно, же, его фамилия Кац. Он просто взял другую фамилию, чтобы нас не путали во время следствия и казни. Сначала мы оба сомневаемся, будем ли наказаны вообще, но у Йозефа жизнь идет своим чередом, а моя пущена под откос, искромсана ножницами, поругана и испепелена окурками вонючих сигареток! Я даже бросил курить в тюрьме, уж больно интенсивная конкуренция за сигареты. Все равно отберут, да еще избыют. А так – здоровый образ жизни, спасибо пенитенциарной системе, поправила здоровье, свистоблудка!

С Йозефом, опять же, обходятся очень вежливо до самого конца. Спустя довольно большой промежуток времени два хорошо одетых и вежливых господина приходят к К. и приглашают его следовать за ними. С величайшей учтивостью они ведут К. в безлюдное место за городом, просят положить голову на камень и перерезают ему горло. Перед тем как умереть, Йозеф говорит лишь: «Как собака». Хотя, впрочем, кажется, ему ударяют ножом в сердце... Ведь с перерезанным горлом не поговоришь...

А меня забыли зарезать! Это я – как собака! Это мне самому теперь приходится доводить дело правосудия до конца! Выжить через смерть! Какое интересное решение! Обязательно

выжить... в этой фантастической реальности смрада и побоев.

Реальность гораздо мрачнее фантасмагорий. Они, эти родовые депо человеческих страхов, стоят, обрамленные в красивые переплеты с золотым тиснением. А реальность дышит мертвечиной в лицо. Реальность пахнет тюремной парашей и тычет кулаками в зубы! Бьет ногами в пах, да так, что темнеет в глазах! Вот что такое реальность, в существовании которой столь интенсивно сомневаются мудрилы от философии. Ткнуть их мордой в парашу – и все их великоученые заморочки сразу отпадут! Декарта – мордой в парашу! Каково?

Кафка страдал клинической депрессией и страхом публичных мест, – я тоже, видимо, страдаю клаустрофобией, ибо хочу коллапсировать сам в себя под давлением этих тюремных стен. Ну, а депрессия моя благоприобретенная, что, в общем, вполне уравнивает нас с Кафкой. Это делает меня, с позволения сказать, неокафкианцем.

Это я как собака – приговорен, но недорезан. Йозеф не знает, в чем его обвиняют. Но я-то знаю! В том, что от нечего делать попытался объяснить хохлушке-идiotке по ее же просьбе, что такое Йом-Кипур, помог попутчикам, не говорящим по-английски, купить билеты и забронировать гостиницу! Всё! Не убивал, не грабил, не насиловал! А надо было бы, раз все равно сидеть! Причем, возможно, еще и помиловали бы, за убийство-то да за насилие!

Вон людоедов выпустили, а они ведь мужика кокнули! А я забронировал гостиницу для дебильных попутчиков – и меня обвинили в контрабанде живого товара. Так можно обвинить в чем угодно. Вы выпили чашку кофе? Вы – террорист. Вы читали газету? Вы – изменник. Вы купили своему ребенку игрушку – вы растлитель малолетних! Вот в чем главное мое отличие от героя Кафки. Я – реален. Реален настолько, что единственный выход, который мне остается – это убить себя. И плевать на месть. А что месть? Если б мне была дана сейчас такая воля нажать на кнопку – такую прикрытую стеклом красную выпуклую кнопку, просто прижать кожу подушечки указательного пальца к ее красной, опрятно выпуклой поверхности – и уничтожить мир, я бы сделал это, не задумываясь.

Да он и сам себя обязательно уничтожит и без моего указательного пальца! Ведь это только вопрос времени, когда указательный палец какого-нибудь, такого же истерзанного человека, как я, придет в соприкосновение с ядерным пультом или чем-нибудь еще. Мир ведь находится перед той же дилеммой, что и я. Для него единственный способ выжить – это совершить самоубийство.

А что месть? Я ее уже совершил. Несчастливая галка Кафка (конечно же, галка, а кто еще? Ведь по-чешски «кафка» означает «галка»), «клетка пошла искать птицу». Эта клетка меня и нашла, а кафка-галка оказалась в заточении собственной грудной клетки, пораженной чахоткой... Так вот,

эта галка как-то нацарапала трясущимся в чахоточной лихорадке клювиком в своем дневнике, который завещала уничтожить после своей смерти, но галку не послушали и опубликовали, а я воровато подглядел ее запретные мысли... Эта кафка-галка сказала, что «неведома разница между совершенным и задуманным убийством». Если я задумал задушить старуху – значит, я уже ее задушил. Задумал убить судью – значит, уже убил. А что еще могли сотворить с реальностью его галочки, измученные туберкулезом мозги? Спасибо, Кафка, ты облегчил мне задачу. Впрочем, если «неведома разница между совершенным и задуманным убийством», то нет разницы и между совершенным и задуманным *самоубийством*. Так что и в этом ты мне помог, несчастный Франц. Да будет тебе земля пухом! Ты слишком рано умер! Ты пропустил все самое главное! Я бы хотел посмотреть, что написала бы наша галка, поглядев на огни Треблинки и Освенцима, в которых сгорели ее любимые младшие сестрички!

Недаром Камю говорил, что мир Кафки – это невыразимая вселенная, где человек позволяет себе болезненную роскошь ловить рыбу в ванне, зная, что там он ничего не поймает. В этом мире нечего ловить! «Мол, видишь сам, здесь нечего ловить!» Я всю жизнь пытался, и всё, что сумел выловить, – это нелепый приговор в поганой стране, на обреченной планете, как кукле-

марионетке, вращающейся в абсолютно бессмысленной Вселенной.

Господи, чему ты пытаешься меня научить? Тому же, что и наркоиудей? Что у меня нет стержня? Что я, как твой агент Иисус, должен

отстрадать во имя грешников? Ты специально ждал, пока мне исполнится 33 года, чтобы учинить со мной такую нелепую расправу? Я всю жизнь боялся тюрьмы и сумы. Теперь ты одарил меня и тем и другим одновременно. Мой бизнес разорен, я на краю земли, скрупулезно планирую, как себя убить. Теперь ты доволен? Может быть, нужно добавить чего-нибудь еще в твой искусный винегрет из разочарований и нелепиц? Правда, Господи, помилосердствуй – сообщи, какие именно у тебя на меня планы? Чтобы я возглавил народ маори и восстановил людоедство? Поверь, я на это вполне способен! В этом заключаются твои планы на меня?»

Семен Вечнов иступленно посмотрел вверх, но вместо Бога увидел заплеванный потолок камеры.

– О, как ты себя запустил, Господи... – разочарованно пробормотал Вечнов и неожиданно получил удар в челюсть. Огромный жлоб утомился Сениными кривляньями и выбил ему два боковых зуба.

Сеня с трудом поднялся на ноги и сплюнул кровь.

– Спасибо, Господи, я все понял. Твой ответ мне совершенно ясен. Ты хочешь, чтобы я подох, как собака.

Прости, но я не доставлю тебе такого удовольствия...

Глава 33. Перевоспитание Бога

Недели сменялись неделями, хотя время текло с такой омерзительной медлительностью, что Вечному хотелось подкараулить и убить само время, но он не знал как. Легко убивать время на свободе. Бесконечная череда событий и забот, а также каких-никаких развлечений позволяет почти не замечать течения времени, что, безусловно, его убивает, ибо, не замечая, мы перестаем осознавать, что вот еще миг прошел, а вот – другой. И наше бытие испепеляется легко и незаметно, как китайская палочка, освежающая воздух, один раз подожженная, а после уже курящаяся сама собой до полного своего затухания...

В тюрьме время убивает тебя. Главным наказанием ведь является именно данный тебе «срок». Есть пытки огнем, есть пытки водой. А тюрьма – это пытка временем. Система человеческого правосудия не нашла ничего лучшего, чем организовать эдакое подобие ада на земле, и этот земной ад пугает, пугает всех нас, повинных и неповинных, маленьких и не очень, даже больше, чем ад настоящий! От сумы да тюрьмы – не зарекайся! Вот пред чем мы все равны! Пред бессилием нищеты, бессилием несвободы и бессилием смерти! Эти три бессилия звучат рефреном сквозь наши тусклые жизни, в конце концов сливаясь в один заключительный аккорд. Да, да, именно тот самый аккорд. Помните? В тональности ля

бемоль! Та-да! Та-да!!!! Та-да!!!! Вот и приехали. В смерти все три страха соединяются, ведь мертвый – нищ и несвободен. Действительно, какая же свобода в небытии или в ожидании Страшного суда? А от этого нам всем хочется поскорее избавиться, от всех трех несвобод, хотя мы понимаем, что избавиться от них невозможно, потому что, избавившись от них, мы станем *действительно* несвободны!

А чернявая галочка-кафка щебечет, что первый признак начала познания – желание умереть, что *эта* жизнь кажется невыносимой, а другая – недостижимой. Уже не стыдишься, что хочешь умереть; просишь, чтобы тебя перевели из старой камеры, которую ты ненавидишь, в новую, которую ты только еще начнешь ненавидеть. Сказывается тут и остаток веры, что во время пути случайно пройдет по коридору *главный*, посмотрит на узника и скажет: *«Этого не запирайте больше. Я беру его к себе»*.

«Наивная вера в «Главного», в начальника тюрьмы, который по совместительству еще и *Верховный Судья*! Что дает нам эта вера?» – рассуждал Вечнов.

Он как-то притерся и все меньше попадал под удары жлобов. К нему привыкли, он даже начал выполнять какие-то работы, за что ему полагалось десять долларов в неделю! На эти деньги Вечнов покупал себе кофе. Можно было покупать сигареты, но он не хотел ради двух-трех торопливых затяжек снова быть битым в процессе лишения драгоценной пары пачек

сигарет, заработанных в результате недельного труда. Ведь этой оплаты на большее и не хватало...

Но речь не шла о наживе! Вечнову просто надо было хоть как-то убить время, пока оно полностью не убило его. Он много читал, но книги из тюремной библиотеки пахли смрадом разочарования. Тогда он закрывал глаза и думал. А галка-кафка ему шептала, что путь его все равно бесконечен, тут ничего не убавишь, ничего не прибавишь, и все же каждый прикладывает к нему свой детский аршин. «Конечно, ты должен пройти еще этот аршин пути, это тебе зачтется».

Сеня скучал по наркоеврею, который остался дожидаться своего суда, так и не признавая себя виновным. Вечнов действительно по нему скучал. Уж очень родным казалось его лицо... Вечнов все думал про этот самый стержень в себе, о котором говорил грузинский еврей. Какого стержня Вечнову не хватает? С другой стороны, ведь если стержня нет, то его нельзя сломать?

– Пусть я беспозвоночное, – рассуждал Сеня, – пусть так. Пусть нет во мне ничего, что могло бы послужить этим самым стержнем. Пусть все, что я собой представляю, это пятидесятикилограммовое тело...

Сеня не мог есть свинину, он всегда пытался придерживаться какого-никакого кашрута, но кошерной еды в тюрьме не полагалось, и он съедал только противный гарнир, потому что

кроме свинины, отвратительно жирной и вонючей, в тюрьме ничего к столу не подавали, словно мучая Сеню особым, индивидуально придуманным для него мучением – постоянным, лишь едва утоленным голодом.

«Кроме тела моего, у меня ничего и нет», – думал Сеня, а галка-кафка ему щебетала, что человек не может жить без постоянного доверия к чему-то нерушиму в себе, причем и это нерушимое, и это доверие могут долго оставаться для него сокрыты. Одно из проявлений этой скрытости – вера в личного Бога.

– А у меня нет личного Бога, – грустно вздыхал Вечнов, хотя он ошибался.

Для Сени Бога вообще не существовало до тех пор, пока он не попадал в какие-нибудь формажорные обстоятельства. Мир в спокойном состоянии руководствовался исключительно законами физики и химии. Лишь когда наступали тяжелые времена, из этих самых законов проступал образ строгого, но не жестокого отца. Бог для него был чем-то эфемерным, и он вспоминал о нем только в минуты отчаяния. Теперь же тюрьма становилась для Вечнова беспрестанным, тягучим отчаяньем, растянутым на годы. И поэтому теперь Бог присутствовал рядом всегда. Вечнов постоянно заговаривал с ним, и тот ему иногда отвечал... То оплеухой жлоба, а то плевком какого-нибудь ублюдка в его тарелку. Бог Вечнова был жестокий еврейский Бог, беспрестанно карающий и судящий. Хотя Вечнов так не считал, как не считал деспотом

своего отца забитый, тщедушный сынишка Кафка, хотя и осмелился на свое знаменитое письмо к отцу, пронизанное такой болью и страхом. В Иисуса, однако, Вечнов поверить не мог, хотя и хотел. С Иисусом, с его культом страданий Вечнову было бы легче. Однако он был противен Сене, как и всякому настоящему иудею. Нет, не своими идеями и учениями. Они, в общем, имеют глубокие еврейские корни. Вечнов не мог верить в Христа из-за того свиного привкуса, который имеет христианство для любого еврея. Этот свиной привкус добавился не сразу. Возможно, апостол Павел, никогда не видевший Христа живым, не вселял доверия в еврейские неверующие жестоковые души. Вопрос о том, был ли Иисус Мессией – не самый главный вопрос, разделяющий иудаизм и христианство. Главное различие между этими двумя религиями заключается в том, какое значение они придают вере и поступкам людей. В иудаизме утверждается, что Бог придает большее значение поступкам людей, нежели их вере в Него. И еврейский Бог как строгий отец следовал за Вечновым по пятам и воспитывал его оплеухами и плевками. В любой синагоге, от самой реформистской до самой ортодоксальной, любой раввин всегда делает упор на дела людей. Соблюдение заповедей – это как поведение детей за столом. Отцу можно – а детям нельзя. Отец – убивает, а детям – «не убий!»

– Невозможно нигде услышать раввина, проповедующего спасение души посредством

веры, что является краеугольным камнем христианской доктрины. В иудаизме самым первостепенным долгом еврея является дело, действия, поступки – одним словом, поведение в строгом соответствии с библейскими заповедями и законами иудаизма. В христианстве, напротив, большая часть законов поведения, унаследованных от иудаизма, была постепенно предана забвению, а в центре внимания оказалась вера в Бога. Но человек, будучи несовершенным и слабым существом, непременно будет грешить, нарушая законы, а Бог неустанно будет наносить ему оплеухи и подзатыльники. Вечнов впитал с молоком матери и прокуренным дыханием отца этот принцип – «сделал – получил!», как в смысле наказания, так и в смысле вознаграждения. Поэтому жизнь Вечнова в тюрьме превратилась в вечный путь к послушанию и следованию неведомым велениям Бога, который в неволе проводит больше времени, чем на свободе. Тюремный Бог еще более жесток, чем Бог обычный. Он требует уважать его закон, который он не разъясняет, и поэтому Вечнов постоянно получает тычки и подзатыльники. Ошибся – и все! Оступился – поздно раскаиваться! Вечное проклятие! Хотя идея «вечного проклятия» затрагивает еще два спорных положения, отличающих иудаизм от христианства: «ад» и «вечные муки». Слово «ад» не упоминается в еврейской Библии ни разу. «Вечные муки» – понятие, совершенно чуждое иудаизму. В Библии упоминается «шеол» – слово, обозначающее всего-навсего могилу, но

никак не ад (или геенну огненную, как было неправильно переведено позднее христианами: «шеол» – «геенна»). В книге Бытия, например, Иаков говорит о «нисхождении в шеол, не повидав сына Иосифа» (Быт. 37:35), но патриарх Иаков вовсе не имел в виду ад или преисподнюю, как это переведено в Новом Завете. Иаков имел в виду могилу, только и всего!

Вечнову было бы проще с Христом, чем с суровыми еврейскими патриархами. Но он не мог верить в Христа. Однако к Христу можно прийти и без Христа, к нему можно прийти незаметно для себя и для него, никого при этом не тревожа!

Вечнов не был религиозным иудеем. Он не знал досконально закона Торы. Однако, подспудно чувствуя отвращение к христианству, все же так же подспудно глубоко и нежно любил Иисуса, несчастного наивного шалопаю, давшего себя распять за грехи окружающих жлобов. Его коробила христианская мысль о том, что Бог предаст проклятию людей, которых он создал несовершенными, за то, что они несовершенны! В отличие от христиан, Вечнов не представлял еврейского Бога весьма жестоким существом! Такой карикатурный Бог-садист, происходящий от созданной Павлом карикатуры на библейский Закон, лежит в основе весьма распространенного мифа о том, что «Бог евреев мстителен и жесток», в то время как Бог Нового Завета, Бог христиан – «любящий и благостный». Но нет ни Бога евреев, ни Бога христиан, ни Бога мусульман! Бог-то один! Разве не это кричат с

минаретов? Разве не это вещают в синагогах? Разве не о триединстве Бога талдычат в церквах? Нет Бога еврейского и Бога нееврейского...

Теперь, скучая по наркоеврею, Сеня почему-то придал его черты своему Богу. Раньше Бог напоминал Сене отца, но теперь черты отца каким-то удивительным образом поистерлись и заменились ликом наркоиудея. Вот и жил Сеня в кругу двух своих неотступных товарищей – строгого наркобога и галки-кафки. Галка нашептывала ему, что все его беды оттого, что он слишком привязан к миру материальному. Ведь если бы брренное тело не тянуло Сеню вниз, к заплеванному тюремному полу, – он был бы свободен! В сущности, все, что удалось новозеландским извергам – это заключить под стражу его тщедушное, теряющее килограмм за килограммом тело. Чем меньше Вечнов будет жить в своем теле, тем менее он будет несвободен, по крайней мере, до смерти, до Страшного Суда, или просто до небытия – неважно, что ему присудится в конечном итоге. Ведь жизнь – это то, что здесь и сейчас. А здесь и сейчас – был только смрадный тюремный воздух и оставляющее волдыри нещадное тюремное солнце. Но здесь и сейчас существовало и нечто большее, чем тело. Это нечто и был настоящий Сеня.

«Я – это ведь не только и не столько груда тщедушных костей, в которую превратилось моя плоть. Я – это то, что базлающие проповедники

именуют душой, духом или духовным миром. Зовите это как пожелаете».

Галка-кафка поддакивала Сене, щебеча: «Нет ничего другого, кроме духовного мира; то, что мы называем чувственным миром, есть зло в мире духовном, а то, что мы называем злом, есть лишь необходимость какого-то момента нашего вечного развития».

«Конечно, – прозревал Сеня Вечнов, – в том-то и дело, что все, что со мной произошло, не есть *зло*! Это просто один из моментов моего вечного развития! Зачем? Во имя чего? В чем смысл? О, эти вопросы ни к чему. Вот и галка-кафка подтверждает, что «есть вопросы, мимо которых мы не смогли бы пройти, если бы от природы не были освобождены от них». А от природы мы полностью освобождены от этих вопросов. Нам не положено, да и не требуется знать: зачем? во имя чего? в чем смысл?»

«И те, кто пытается дать нам ответ на эти вопросы, – продолжала щебетать галка, – лгут! Просто не могут не лгать! Ведь «лгут меньше всего, когда меньше всего лгут, а не тогда, когда для этого меньше всего поводов!»»

Поняв, что больше не надо искать ответов на эти вопросы, Вечнов получил больше свободы, чем если бы его немедленно отпустили на все четыре стороны, хотя во все четыре стороны от Новой Зеландии простирается лишь гибельный океан.

«Пусть я заключен здесь, но это только мое тело, да, только тело здесь заключено. Сам я свободен,

причем свободнее, чем тогда, когда был юридически на свободе! Освободив себя от обязанности задаваться вопросами «зачем?», «во имя чего?», «в чем смысл?» и поняв, что я свободен от этих вопросов по праву рождения, — я обрел настоящую свободу... И пусть я по-прежнему эгоист. И пусть в целом свете я люблю только одного человека по-настоящему — и этот человек я сам! Но в то же время я и ненавижу себя с той же силой, что и люблю. Однако это вовсе не уравнивает мои чувства к себе и не делает меня равнодушным!»

А галка-кафка вторила Сениным мыслям, щебеча: «Кто в мире любит своего ближнего, совершает не большую и не меньшую несправедливость, чем тот, кто любит в мире себя самого. Ты, Сеня, свободный и защищенный гражданин земли, ибо посажен на цепь достаточно длинную, чтобы дать тебе доступ ко всем земным пространствам, и все же длинную лишь настолько, чтобы ничто не могло вырвать тебя за пределы земли. Но в то же время ты еще и свободный и защищенный гражданин неба, ибо посажен еще и на небесную цепь, рассчитанную подобным же образом. Если ты рвешься на землю, тебя душит ошейник неба, если ты рвешься в небо — ошейник земли. И тем не менее у тебя есть все возможности, и ты это чувствуешь! Теоретически для тебя существует полнейшая возможность счастья: верить в нечто нерушимое в себе, но не стремиться к нему. Не задавать этих неверных вопросов. Ведь вопросы

«зачем?», «во имя чего?», «в чем смысл?» неверны в самой своей сути и потому на них никогда не получить ответа! Нужно просто верить! А вера не терпит сомнений! Нельзя сказать, что нам не хватает веры. Сам факт нашей жизни имеет для веры неисчерпаемое значение».

«При чем тут вера? Ведь нельзя же не жить».

«Именно в этом *«нельзя же»* и заключена безумная сила веры; в этом отрицании она получает облик».

Как ни удивительно, но со временем Сеня страдал все меньше. Он более не замечал побоев, а может быть, они и прекратились. Он перестал ненавидеть окружающих, себя, новозеландские власти. Наконец, после стольких беспокойных мучительных лет жизни, на Сеню снизошло то, что можно именовать – созвучно щебету галки-кафки – «нерушимым единым». Ведь «нерушимое едино; оно – это каждый отдельный человек, и в то же время оно всеобщее, отсюда беспримерно нерасторжимая связь людей». «В том-то и дело, – добавляла галка, – что дух лишь тогда делается свободным, когда он перестает быть опорой!»

«Мне не нужно никакого стержня! Мне не нужно Бога-отца! Этого воспитателя! Мне нужно Бога-друга. Мой Бог – это галка-кафка. Считайте меня галка-кафкианцем, если пожелаете! Я больше не Йозеф К. и не Семен В. И никакая другая буква. Мой процесс закончился, не начавшись. Меня

никто не судил. Меня вообще невозможно судить. Вы можете перемолоть мое ничтожное тело, вы можете вырвать и съесть мое сердце, но вы не можете принести мне вреда! «Вера – как топор гильотины, так же тяжела, так же легка». А для меня больше нет ни ударов, ни страха, ни смрада. Я действительно стал свободным, лишь оказавшись в вонючем остроге, потому что только здесь, как под увеличительным стеклом, собрались все лучи моего солнца. Мне больше ненадобно «ограничивать свой круг и постоянно проверять, не спрятался ли я сам где-нибудь вне своего круга». У меня нет и не может быть границ. И пусть я сошел с ума (хотя если я сам это признаю, то, видимо, не такой уж я сумасшедший), но я больше не верю в зло. Я кормлю мою галку-кафку хлебными крошками с тюремного стола, и она мне щебечет, что зло – не существует. Зло – это излучение человеческого сознания в определенных переходных положениях. Иллюзия – это, в сущности, не чувственный мир, а его зло, которое, однако, для наших глаз и составляет чувственный мир. Вот, собственно, и всё...»

Эпилог

Мы не случайно оставили Сенечку Вечнова в тюрьме. Теперь, вместе со своим новым другом-богом галкой-кафкой, он нашел свой путь копошения в мире теней. Не будем им мешать.

Ведь годы, проведенные в тюрьме, – это тоже годы жизни, невосполнимые и сосредоточенные. Мало ли, что еще может произойти, когда живешь в толпе оголтелого быдла? Оставим его на доброй ноте, в покое и самосовершенствовании, в трепетном внимании к своему существу и в отсутствии желания задавать вечные, но от того не менее бессмысленные вопросы.

Что же произошло с Сенечкой после? Ему скостили срок за хорошее поведение и выслали из страны, в которую он так никогда официально и не въехал. Из четырех стен в здании аэропорта его препроводили прямо в самолет, летящий в Гонконг.

Сенечка с удивлением понял, что фактически свободен, только выйдя из самолета в Гонконге. Он был почти уверен, что его препровожают из рук в руки израильским властям, которые будут его судить за кражу паспортов, которых он, конечно же, не крал. Ведь Сенечка Вечнов уже привык к тому, что его осуждают вне зависимости от его вины. К этому трудно привыкнуть, но, привыкнув один раз, можешь быть спокоен на всю жизнь. Такого человека, как Йозеф К., ничем невозможно удивить, а значит, и осудить по-настоящему невозможно, потому что всякий приговор должен вызывать определенную толику удивления, иначе он совершенно недейственен и приговором-то считаться не может.

В Гонконге ему отдали его документы и отпустили на все четыре стороны, внезапно создав дилемму.

«Может быть, бежать? Может быть, воспользоваться ошибкой? Но куда бежать? Кругом Китай... Денег нет. Есть только билет до Тель-Авива.

«По яао тай шин, Сеня, по яао тай шин!» – сказал бы себе Сенечка по-китайски, если бы знал этот язык, что означает «не волнуйся Сеня, не волнуйся!» Мне пора возвращаться домой, чтобы это ни означало. Снова тюрьма – ну что ж, какая разница? Ведь все мы лишь меняем камеры в течение нашей жизни. Свобода – она не снаружи, единственная свобода – она внутри, и ни в какую тюрьму ее не запершь».

С такими мыслями Сеня сел в самолет, который принес его на могучих, расправленных, словно в каком-то ритуальном священнодействии, крыльях в Землю Обетованную.

Сеня вышел из самолета и приблизился к паспортному контролю. Он был готов ко всему, но все же зажмурился, словно от физической боли, подавая свой паспорт. Сейчас, конечно же, прозвучит сирена, прибежит полиция, его схватят и снова уведут в тюрьму, и теперь уже на всю оставшуюся жизнь.

Но зятая в форму рыжая девица на паспортном контроле с удивлением покрутила в руках Сенин паспорт, силясь разобраться, где он

пропадал столько времени, потому что штемпеля Новой Зеландии в нем так и не было.

– Ты, что отсутствовал несколько лет? – спросила она.

– Да, – ответил Сеня.

Девушка шлепнула печать ипустила Сеню в страну...

Потом была встреча с родными. Мама была несказанно рада возвращению Сени. Отец, хоть и очень исхудал, все же продолжал бороться со своей страшной болезнью. То, что Сенечка застал его живым, было своего рода чудо! Вести о том, что всё, что Сеня построил за свою жизнь, бесповоротно разрушено, он принял почти равнодушно. Семья пряталась от кредиторов в городе на юге страны, куда последовал и Сеня.

Попытки найти пропавшие деньги не увенчались успехом. Все говорило за то, что бухгалтера действительно убило шаровой молнией, а Осип, как оказалось, погиб в пьяной драке в киевском ресторане, и это вовсе не было никакое покушение.

Сеня посылал запросы в Европу, чтобы выяснить, что это была за компания, которая получила деньги, но все безрезультатно. Прошло слишком много времени, и от компании и след простыл. Сенин банк даже слышать ничего не хотел. Они показывали ему копию факса с его подписью и говорили, что если бы он пришел жаловаться на следующий день, то можно было бы чем-то помочь... Но он явился почти через

два года! Вечнов не стал вдаваться в подробности, где он провел эти годы...

Сенечка тихонько устроился на работу медбратом, и у них со Светой, совершенно бросившей пить, родился третий ребенок. Карапуз оказался здоровеньким и очень похожим на Сеню.

Галка-Кафка осталась жить с Сеней. Ей нравился его тихий, неприметный образ мысли. Ей надоело вместе с другими птицами-кафками выводить клювами на своих надгробьях собственные имена.

Если в Израиле никто про Сенину историю не вспоминал, то в Новой Зеландии пресса еще долго не могла успокоиться. Газеты и два года спустя писали про «русского израильтянина», 33-летнего Семена Вечнова, который был заключен в новозеландскую тюрьму на три с половиной года, поскольку был признан виновным в продаже троим украинцам поддельных израильских паспортов. Газеты писали, что эти паспорта были приобретены ими через «украинского партнера Вечнова». После этого прецедента федеральная полиция Новой Зеландии, совместно с властями Австралии, ФБР и Интерполом, решила провести широкомасштабную операцию по выявлению и задержанию лидеров «русских» преступных группировок. Еженедельник «Sunday Telegraph» (выходящий в Сиднее) писал, что «русские гангстеры еврейской национальности занимаются вымогательством, контрабандой

оружия и рэкетом проституток, а также вовлечены в мошенничество, торговлю наркотиками и шантаж». По данным газеты, эта информация содержалась в отчете полиции Австралии и парламентской комиссии по борьбе с уголовными преступлениями. Особо подчеркивалось, что некоторые преступники в прошлом были сотрудниками КГБ и обладали методами вербовки агентов. Их главарем, безусловно, считался Семен Вечнов.

Особо неистовствовала «New Zealand Herald», в 2004 году «раскрутившая» историю про задержание в Новой Зеландии «агентов Масада» Коби и Ицика – израильтян, арестованных при попытке незаконного получения местных паспортов.

Израильские шпионы, вернувшись домой, получили израильские паспорта на новые имена (они так часто меняли имена, что уже начинали забывать настоящие). Центр решил, что провалилась не система, а просто речь шла о случайном провале, и поэтому агенты Коби и Ицик были снова посланы на задание, поскольку должны были уничтожить знаменитого главаря одной террористической организации до того, как тот умрет своей смертью, чего израильские власти серьезно опасались. Главарь был очень стар и болен. Практически сразу по новым паспортам Коби и Ицик отбыли в Канаду, где принялись отлавливать нового инвалида, чтобы проверить такую же аферу, как в Новой Зеландии.

В одном из кафе в Торонто Коби с Ициком приглядели подходящего инвалида, но вдруг с ужасом заметили, что за ним ухаживает один из Сениных хохлов, с которыми они вместе сидели в новозеландской тюрьме. Израильтяне решили смыться, пока тот их не заметил и не узнал, но хохол оказался проворнее и подошел к столику израильтян. За прошедший год он успел подучить английский и прибыл в Канаду по программе «caregiver», позволяющей иммигрировать тем, кто более двух лет согласен ухаживать за инвалидами или стариками. Хохол попал сюда, введя в заблуждение канадский визовый отдел, сообщив, что якобы в то время, когда он отбывал срок в новозеландской тюрьме, он проходил курс по уходу за больными в Киеве. Липовый диплом ему предоставила все та же старуха, в компенсацию за причиненные неудобства в Новой Зеландии. Правда, хохлу больше не пришлось пользоваться поддельным паспортом. Так что можно было поздравить мировую систему правосудия с маленькой, но приятной победой.

Израильтяне смешно стали прятать лица за книжицами меню, но хохол отодвинул их руки, и, внимательно разглядев лица своих сокамерников по новозеландской тюрьме, предложил всего за тысячу долларов выкрасть у своего подопечного инвалида свидетельство о рождении. Израильтяне, поотнекивавшись, согласились принять посильную помощь от представителя украинского народа.

Затем они получили канадские паспорта с помощью все той же истории о бедной Генриетте и свидетельство о рождении еще одного инвалида, с которым они познакомились через второго хохла, который, как, впрочем, и женщина из Сениной одиссеи, тоже ухаживал за инвалидом в Торонто. Женщина была очень разочарована, что израильские шпионы отказались купить свидетельство о рождении ее подопечной старухи, оправдавшись тем, что им, во-первых, нужны только два свидетельства, а во-вторых, только лиц мужского пола и младше восьмидесяти лет...

Вооружившись канадскими паспортами, Ицик и Коби проникли в Сирию и уже были готовы совершить покушение на лидера террористической организации, но тот умер своей смертью буквально за день до их прихода к нему на квартиру.

Не солоно нахлебавшись, израильтяне решили перебраться в Израиль, не возвращаясь в Канаду. Они поехали на машине в Ливан, где их взяли в плен и опознали боевики Хизбаллы.

Израиль немедленно потребовал вернуть своих похищенных агентов, которых назвал в своем официальном обращении «военнослужащими армии Оборона Израиля». Хизбалла ответила залпом ракет по северным городам Израиля. Израиль перешел границу Ливана и начал затяжную войну, в результате которой Хизбалла выпустила более трех тысяч ракет по городам

Израиля, полностью парализовав жизнь в этом регионе.

И после вмешательства ООН агентов так и не выдали. Израиль отступил из Ливана. А Ицик с Коби провели еще много лет в страшных сирийских тюрьмах, ища своих галок-кафок и с мечтательным сожалением вспоминая светлые деньки, проведенные в новозеландской тюрьме...

Каматаян, вернувшись из Новой Зеландии, первым делом уничтожил всех своих попутчиков и их семьи. Уж очень ему было неприятно вспоминать путешествие на весельной шлюпке к берегам Новой Зеландии. Вскоре Каматаян женился на местной девушке и перестал сам выходить в море, став, ко всеобщему удивлению, нежно любящим отцом. Однако по его приказу новозеландская ячейка террористической организации готовила колоссальный теракт по уничтожению нескольких детских садов в Окленде...

В феврале очередного года те самые пятеро маори, которые убили Джона Смита, планировали похитить и съесть премьер-министра Новой Зеландии. На эту мысль их навела новость из Канады, что ячейка местных молодых исламистов планировала взять приступом здание парламента и отрезать голову премьер-министру Канады³¹. Маори и

³¹ «8 июня 2006 года в Верховном суде канадской провинции Онтарио начались слушания по делу исламистов, готовивших крупномасштабный теракт в Канаде. Семнадцать человек, в том

исламисты испытывали все больше взаимной симпатии...

Страдания Сени были не напрасны. Он сыграл свою роль в истории Новой Зеландии. Лейбористская партия, затеявшая «охоту на ведьм» сначала против израильских шпионов, а потом против «мафиози Сени», чтобы отвлечь внимание общественности от разгула распущенных ею же маори, все-таки удержалась у власти! По окончательным результатам голосования, обнародованным избирательной комиссией Новой Зеландии, лейбористская партия во главе с премьер-министром Элен Кларк завоевала победу на состоявшихся 17 сентября 2006 года парламентских выборах с преимуществом всего в два места в парламенте, в связи с чем власть останется в руках этой партии еще на три года! Как это ни удивительно, Сеня не получил благодарственной телеграммы от миссис Кларк...

Однажды, возвращаясь с ночного дежурства в больницу, Сеня обнаружил в почтовом ящике

числе пять подростков, планировали захватить в заложники депутатов парламента вместе с премьер-министром Стивеном Харпером, заминировать парламент, студию Канадской вещательной корпорации Си-би-си и телебашню в Торонто, а затем потребовать вывода канадского воинского контингента из Афганистана и освобождения заключенных мусульман. В случае отказа властей выполнить их требования боевики намеревались обезглавить всех заложников и взорвать объекты. Следствие связи канадских исламистов с «Аль-Каидой» не выявило, но отметило идеологическую близость. Террористов взяли в минувшую субботу при получении ими трех тонн взрывчатки. Это крупнейшая операция канадских спецслужб. Лидер заговорщиков – 43-летний Кайюм Абдул Джамаль, житель Торонто (Время. 2006. № 99. 8 июня).

странный конверт, адресованный Свете. Письмо было из-за границы, и он машинально вскрыл его. В конверте была распечатка состояния сберегательного счета, которые банки обычно рассылают в конце каждого года.

В распечатке значилось полмиллиона швейцарских франков! Сеня протер глаза и посмотрел еще раз, но сумма осталась на месте.

Войдя в квартиру он подал конверт Свете и вопросительно посмотрел ей в глаза. Она улыбнулась и небрежно сказала:

— А, забыла тебе рассказать... Пока ты сидел в тюрьме, мне тут досталось наследство от тетки из Швейцарии. Только ты не беспокойся, тебе не нужно ломать голову, как им распорядиться. Эти деньги я приберегла на черный день, если тебе еще раз придет фантазия посидеть в какой-нибудь тюрьме на другом конце света!

— А наследство оказалось точно в размере пропавших денег? — съехидничал Сеня. — Разве что за вычетом процентов десяти, за услуги посредников, да накладных расходов...

— Математик ты мой милый, — улыбнулась Света.

Сеня нежно обнял и поцеловал жену. В соседней комнате проснулся новорожденный ребенок... За окном едва слышно шелестела листва. Под потолком деловито пролетела муха...

— Вот оно как все замечательно устроено, — задумчиво промолвил Сенечка. — В жизни все уравновешено: радость и печаль, удача и

невезение, счастье и невзгоды, рождение и смерть...

Света крепко прижалась к Сене.

– Философ родненький ты мой! Я больше никогда тебя от себя не отпущу! – сказала она.

Но больше всех от истории, изложенной в этой книге, выиграл персидский кот Томас, принадлежавший супруге новозеландского адвоката Сенечки. В связи с вернувшейся популярностью финансовое положение Билла поправилось, и он вновь смог нанять уборщицу, что позволило убедить жену адвоката больше не брить налысо бедное животное.

УЗНИК «РАЙСКОЙ ГОРЫ» . ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА

Произведения, в которых герой подвергается тюремному заключению, в мировой литературе составляют особую нишу. Уже в античности мы встречаем подобный сюжет, но там он обычно занимает лишь небольшую часть повествовательного пространства, это проходной эпизод, в структуре сюжета выполняющий чисто функциональную задачу. Например, в романе «Дафнис и Хлоя» это способ усилить разлуку героев, в «Золотом осле» — способ показать сложность испытаний, выпадающих на долю персонажа. По мере усложнения идеологических структур романа мотив тюремного заключения становится все более значимым: он определяет развитие сюжета, формирует характер героя и т. д. Во французской литературе XIX века такие персонажи, как Жан Вальжан, Человек в Железной Маске, граф Монте-Кристо, стали хрестоматийными. В эпоху романтизма герои-узники были несомненно популярны, начиная с «Шильонского узника» Байрона и заканчивая «Кавказскими пленниками» Пушкина и Лермонтова. На русской почве эта тема прозвучала пронзительнее, чем где-либо, в «Записках из Мертвого дома» Достоевского, в произведениях Солженицына.

В начале XX столетия, в эпоху модернизма, роман о суде, приговоре, заключении достиг своей концептуальной вершины. Это уже не момент в развитии сюжета или характера, это способ осмысления действительности, невозможный ни в каких иных условиях, кроме тюрьмы. Действие целиком переносится в тюремные стены, как, например, в «Приглашении на казнь» Набокова, и главное здесь уже не внешние события, а движения души узника. Стало возможным завершить роман смертью героя по приговору суда, узаконенным убийством, освещенным лучами философской концепции автора, как в «Постороннем» Камю, в «Процессе» Кафки. Во второй половине XX века эта тема на какое-то время утратила свое философское значение. В повести Бориса Кригера «Южные Кресты» (2007) мы наблюдаем гармоничный синтез различных тенденций, воплощенных «тюремным романом» на протяжении веков. Здесь и тонко поставленные смысложизненные вопросы, и проверка характера, и детективная интрига, и оптимизм авторов XIX века — повесть завершается не смертью, а освобождением героя.

При этом произведение Кригера обогащено историко-этнографическими сведениями, напрямую связанными с актуальными социальными, экономическими, этическими проблемами. Такие шокирующие своей современностью истории, как дело Дрейфуса вековой давности, без сомнения, должны быть

известны образованному читателю, но, изложенные в авантюрной форме в контексте современных мировых событий, они приобретают особую яркость. Большое место в повести занимают вопросы судебной и журналистской этики. Автор балансирует на грани авантюрного романа и памфлета, но неотъемлемые качества прозы Кригера — юмор и ирония — не только органично сплавляют жанры в единое целое, но и где-то смягчая, где-то заостряя повествование, делают его поистине изысканным блюдом авторской литературной кухни.

Роман с географией

Географический аспект «Южных Крестов» — перемещения в пространстве, путешествия, столкновение различных национальных менталитетов — является очень важным элементом поэтики. В мировой литературе можно найти примеры романов-путешествий, художественных и этнографических. Здесь же «географические» детали и целые главы, посвященные, например, описанию колонизации Новой Зеландии и тех проблем, которые с этим связаны в современном мире, расширяют читательское понимание причинно-следственных отношений в судьбе отдельного человека. Также «географические» сведения являются существенной частью романной проблематики,

частью целого комплекса актуальных
общечеловеческих вопросов, затронутых
автором.

«Южные Кресты» можно сравнить с авантюрными историями эпохи романтизма, где присутствует гротеск, много необычных героев, как, например, в новеллах Э. Т. А. Гофмана. Конечно, содержание и смысл повести этим не исчерпываются, но при чтении первых шести-семи глав у читателя может возникнуть обманчивое ощущение легкости повествования. Это происходит не в последнюю очередь благодаря мозаичности глав, стремительной смене персонажей и мест действия и появлению таких ярких личностей, как террорист Каматаян и неудачливые разведчики Ицик и Коби. Если немного сместить акценты в описании Каматаяна, можно получить злодея вполне в романтическом духе. Лаконичный образ «пирата XXI века» является ведущим в течение всего двух глав, но воспоминание о нем сохраняется до конца книги.

«Из пиратов за товаром следили пять человек во главе с Онелем Сарау, по кличке Каматаян, что на тагалог, одном из филиппинских диалектов, означает «смерть».

Это был крепкий филиппинец в возрасте Христа, однако явно с противоположными наклонностями, которые выдавали его карие глаза с характерным разрезом и не менее характерным неподвижным, словно бы остолбеневшим взглядом. Нос проистекал из

лба внезапно, чуть ниже уровня глаз, что делало его профиль похожим на неприятную птицу. Сходство с приплюснутым клювом подчеркивал острый кончик носа. Нижняя губа была слишком толста и немного отвисала, хотя само лицо имело форму правильного овала со слегка выступающими скулами. Это неправда, что все филиппинцы на одно лицо. Увидев этого человека, никто, даже конченный профан в восточной антропометрии, никогда не забыл бы его. Это был один из ликов смерти».

Превращению повествования в романтическое препятствует трезвый, реалистический взгляд автора и холодная, чуть отстраненная манера повествования о трагических по сути событиях. Захваченное пиратами рыболовецкое суденышко попадает в шторм, и Каматаян, спасая «товар» — мешки с героином — и свою шкуру, безжалостно расправляется как со своими людьми, так и с «живым товаром». «Те, подчиняясь, проклинали автоматчиков, но таскали мешки исправно. Видно было, что в трюме был крепкий народ, привыкший к тяжелой работе. Они отправились искать счастливой жизни в Новой Зеландии, и каждый заплатил пиратам не меньше тысячи долларов за то, чтоб те доставили их к цели путешествия, но теперь многие начинали понимать, что никуда, кроме как на корм рыбам, их не доставят». Каматаяну и пятерым гребцам-филиппинцам удастся добраться в шлюпке до берегов Новой Зеландии. Волей случая их выносит прямо на людный пляж, и, обвиненный

филиппинцами, пират оказывается в тюрьме. По иронии судьбы его отпускают даже раньше, чем незадачливых разведчиков МАСАДа, чью случайно провалившуюся операцию Кригер описывает с теплой иронией.

«Ицик Моран и Коби Мизрахи были опытными разведчиками израильской внешней разведки МАСАД. Обычно им поручалось уничтожение крупных руководителей террористических организаций. Так, в прошлом году на Кипре они выслеживали главаря исламистской организации, но соседи по квартире заметили их подозрительное поведение и донесли в полицию, что два иностранца с балкона все время разглядывают соседний дом в подзорную трубу». Пришлось им провести некоторое время в кипрской тюрьме, так как «в трубе, в общем, не было ничего незаконного», но паспорта у них были поддельные.

Начиная свою новозеландскую операцию, разведчики ведут себя так, что трудно не улыбнуться. «В небольшом кафе в одном из торговых центров пригорода Окленда сидели два человека. Их резко выделяло из массы новозеландцев, в основном ирландско-арийского типа, то, что оба имели восточный вид, черные волосы и темные глаза, а также были одеты совершенно не по погоде. Несмотря на январь месяц — один из самых жарких в Новой Зеландии, эти люди были одеты в черные костюмы из плотной ткани. На незнакомцев часто оборачивались прохожие, поскольку те

сидели в открытой части кафе, за столиками, стоящими снаружи. Тот факт, что они привлекают повышенное внимание, людям в черном явно не нравился, и они старались втягивать шеи и вести себя как можно тише». При чтении глав об Ицике и Коби вспоминается манера Ильфа и Петрова. Операция разведчиков заключается в том, чтобы получить новозеландские паспорта, раздобыв свидетельство о рождении какого-нибудь инвалида под предлогом гуманитарной помощи и затем последовательно собрав другие необходимые документы. Хождение по инстанциям и одурачивание наивных паспортисток, врачей, библиотекарей и бюрократов вызывают в памяти махинации «великого комбинатора» Остапа Бендера. Выдает их на этот раз не внешность, не акцент, не странное поведение — всему этому находится логичное объяснение в ловко сплетенной «легенде», а формальность — несовпадение телефонных номеров.

Отвлекаясь на какое-то время на описание этих колоритных личностей и их похождения, Кригер возвращается к своему главному герою — Сене Вечнову и его «крестовому походу», чтобы затем столкнуть краями судьбы персонажей в тюрьме с символическим названием «Райская гора». Персонажи возникнут эпизодически, чтобы озадачить читателя, заставить его задуматься над странным переплетением судеб и обстоятельств. Террорист

и разведчики — привлекающие внимание герои, и читатель может ожидать развития действия с их активным участием, погонь, перестрелок и прочих «развлечений». Но действие внезапно замыкается в стенах тюрьмы, и автор сосредоточивается на совершенно обычном человеке, на его опыте и переживаниях. Тем не менее Кригер периодически расширяет горизонт нашего знания, позволяя понять суть происходящего, обращаясь к предыстории некоторых героев, к политическим происшествиям и их освещению в средствах массовой информации.

Эпоха романтизма характеризуется тягой к экзотике — необычные места действия, экстремальные ситуации. Повесть «Южные Кресты» вполне отвечает этим требованиям, но, опять же, слегка смещает акценты, придавая действию большую глубину. В самом деле, что такое Новая Зеландия для большинства современных людей? Маленькое островное государство, о котором большинство людей имеют весьма смутное представление. «Обычно мы не обращаем внимания на Новую Зеландию. Ну, есть такая страна на конце света. Говорят, что люди живут там хорошо. В остальном мы пребываем в неведении. От этой неосведомленности и возникает у некоторых иллюзия беспроблемной заоблачной страны... Вот и Вечнов вообразил себе чуть ли не райские кущи. Между тем, как и всюду, в Новой Зеландии свои заморочки». Автор мог бы

описать экзотическую природу, ее непокорность, забросить героя на необитаемый остров, заставив упасть его самолет, как в популярном сериале «Остаться в живых», но нет. Человеческая природа интересует Кригера больше, все социальные взаимоотношения — на первом плане. Анализ поступков людей выявляет первопричины, и «заморочки» у каждого героя оказываются настолько свои, что читатель понимает: истинная экзотика кроется внутри черепной коробки каждого из нас.

Что толкает человека на переезд в другую страну? Стремление к более комфортной, обеспеченной, богатой возможностями жизни. Причем часто люди делают это бездумно, инстинктивно, как птицы, летящие на юг, в теплые края. (Эта метафора иронически обыгрывается автором: «Какая сила движет миграцией народов? Как перелетные птицы, они подчиняются древнему инстинкту, и едва их страны сковывает зима, как они длинными вереницами отправляются на юг, на юг, на юг... А дальше Новой Зеландии юга нет, и снова начинается сплошной непроходимый север, только теперь уже на этом самом юге. Трудно не запутаться с тех пор, как люди смирились с круглостью Земли, на которой им выпало проживать».) «Перелетные люди» на самом деле убегают от самих себя. Разница между настоящей жизнью и поднадоевшим существованием подзабыта ими, и только «охота к перемене мест», новые впечатления способны

развезать их, заменить рутину будней яркими красками. «Вообще Сеня много путешествовал. То ли он таким образом реализовывал свои юношеские мечты стать заправским мореплавателем, то ли перемещение в пространстве на время избавляло от все чаще подступавшей мысли о том, что жизнь его не так уж отливает радужными красками бытия и что каким-то образом рано или поздно в этой жизни придется что-то менять...»

«Новая Зеландия пришла Сене на ум неожиданно: маленькая развитая страна на другом конце земного шара сулила счастливую и богатую жизнь. Просто надо было съездить на разведку, ну и, разумеется, подготовить материальную базу...» Вечнов предприимчив, и слова у него не расходятся с делом. Приняв решение, он тут же ищет пути его осуществления. Он летит в Киев, где приобретает тур в Таиланд, чтобы оттуда попасть в Новую Зеландию. Тур ему продает безымянная старушка, нелюбезная («То я и гляжу, что вы, извините, смахиваете на жида, — приветливо выпалила старуха и почему-то ощутимо обрадовалась»), но на первый взгляд безобидная, которая на поверку оказывается хуже гоголевских ведьм. В обмен на «почти бесплатный» билет она взваливает на него обязанность помогать троем эмигрантам, ищущим лучшей жизни. «Когда Вечнов выходил от старухи, его кольнуло: “Они такие же израильтяне, как я папа римский”, но эта

миголетная мысль тут же растворилась в морозном январском воздухе. Когда занят собой, о других совсем не думаешь, да и зачем думать, если, кроме совместного маршрута, тебя ничего с этими “израильтянами” не связывает?» Такая беспечность обойдется ему дорого.

После того как Сеня Вечнов, покутив в Таиланде, прибывает в Новую Зеландию, начинается настоящая катастрофа. Крушение надежд и чаяний, лишение привычных возможностей и сиюминутных радостей обычного земного человека. Почва, выбитая из-под ног. «Вечнов, как и большинство из нас, панически боялся преждевременной смерти, тюрьмы и сумы...» Преодоление страха возможно только тогда, когда ты столкнешься лицом к лицу с тем, что тебя пугает. Преждевременной смерти не случилось, но она угрожала Сене по пути в Новую Зеландию. Вдруг «объявили по-английски, что самолет проходит через зону плохой погоды и что возможна турбуленция», непрочную воздушную лодочку начинает трясти, и в душу героя закрадывается страх. «Ну сколько можно, сколько можно!» — лихорадочно в такт своей тряске думал Сеня и вдруг быстро и несвязно стал молиться: «Господи, спаси и помоги! Господи, спаси и помоги! Я отмолю, я отстрадаю, только не дай пропасть вот так, по-глупому...»

«Ступив на твердую землю, Сеня подумал: “Ну, теперь самое страшное позади!” — и у него стало хорошо и весело на душе». Но это было

лишь начало, и смутный сон, приснившийся Вечнову в самолете, и необдуманные слова молитвы «я отстрадаю», оказались пророческими. Отягощенный тремя «израильтянами» украинского происхождения, цепляющимися за его рукав, как беспомощные дети, поскольку ни английским, ни ивритом они не владеют, Вечнов обвиняется в контрабанде людей с целью наживы и попадает в тюрьму — в чужой стране, где некому ни помочь, ни заступиться, где нет даже Израильского консульства: «...утром его позвали к телефону — звонили мама и жена. Они нашли Сеню через консульство в Австралии (в Новой Зеландии Израильского консульства нет, только почетный консул)»).

И здесь автор вводит в повествование интереснейший очерк по истории Новой Зеландии. Колонизация Новой Зеландии и современная внутривластная ситуация раскрывают всю глубину и неизбежность Сениных мытарств. Проблемы с маори решат судьбу отдельного человека, которому не повезло оказаться не в то время, не в том месте, в компании не с теми людьми. Итак, кто же такие маори? «Местное население — народ маори — когда-то переселилось на острова Новой Зеландии из Центральной Полинезии. Открытие этой земли приписывается полинезийскому моряку Купэ, приплывшему туда примерно в 800 году нашей эры. Легенда гласит, что его жена Хине-Те-Апаранджи назвала эту землю Аотеароа

— земля длинного белого облака. Что может быть поэтичнее? Куда уплыли облака, укутывавшие эту зеленую землю более тысячи лет назад? Наверное, туда же, куда уплыли и души людей, ее открывших...» Но история, как всегда, оставляет мало места для поэтических образов, особенно если следовать фактам.

«Правда, по некоторым источникам считается, что Новая Зеландия была не заселена. Однако можно предположить, что через тысячу лет некоторые источники будут утверждать, что и Северная Америка тоже была не заселена до того, как в нее вторглись европейцы. Такова простая логика тотального геноцида. Вот, например, последний коренной тасманец умер в 1861 году. Нет больше такого народа, и теперь можно с совершенно спокойной совестью считать, что плодороднейший остров Тасмания был практически необитаем до прихода туда англичан, поскольку от коренных тасманцев не осталось следа». Людей уничтожают так же, как сумчатых волков, живших как раз на Тасмании, или странствующих голубей. Но маори не успели уничтожить до того, как у европейцев проснулась совесть, что дает Кригеру обширный материал для сатирических зарисовок в духе Джонатана Свифта. В XIX веке, по крайней мере, воинственные маори с татуированными лицами и ярко выраженным людоедским прошлым были для белых колонизаторов такими же диковинками-лилипутами, как для Гулливера. «В 1840 году было подписано Соглашение

Вайтанги, по которому маори уступали свой суверенитет Великобритании в обмен на защиту и гарантию обладания своими землями. Но отношения между маори и пакеха накалялись, ибо маори были обеспокоены явлением пакеха, а пакеха грубо нарушали права маори, предусмотренные Соглашением. В 1860 году между ними началась война, продолжавшаяся более десятилетия. И хотя официального объявления об окончании войны не было, формально пакеха одержали победу. Давно прошли времена войн, ведущихся по ясным правилам, с построением, битвой и четко выраженной победой, как на турнире. Нынче обе стороны считают себя победителями, а поэтому в наши времена война не может завершиться, пока не будет произведено полное истребления противника. В этом, безусловно, и заключается торжество прогресса военного дела!»

Как справедливо отмечает Кригер, времена изменились. Раньше колонизаторам в голову не приходило, что дикари имеют право на самоопределение, «которое они, вооружившись ружьями, кстати, понимали не иначе как самоуничтожение в результате междоусобиц». Но теперь (и мы чувствуем невеселую улыбку автора, когда читаем эти строки) «Папа римский стал готовиться принести извинения жертвам инквизиции, американцы — истребленным индейцам, палачи сталинских времен — своим жертвам... Новая мода докатилась и до забытой Богом страны».

«В качестве компенсации в 1999 году маори были переданы финансовые средства и земли на общую сумму в 170 миллионов долларов. Правительство Новой Зеландии и даже лично королева Елизавета II принесли формальные извинения за совершенные в прошлом беззакония». «Что может быть лучше столь благодатной почвы для роста национального самосознания, для молодого безудержного духа, желающего крушить и громить все, что попадет под руку, а повод всегда найдется?» Каждый год в день подписания ненавистного Соглашения Вайтанги маори устраивают волнения. Сенью Вечнова угораздило прилететь в Новую Зеландию именно тогда, когда буйство толпы закончилось особенно плачевно — мирному прохожему с абстрактным именем Джон Смит проломили череп.

«Сначала все было очень весело. Самые крутые с татуировками на лицах в виде залихватских спиралей толкались особенно активно. Потом в ход пошли камни. Они летели в полицию и просто в прохожих. Их полет знаменовал собой вырывающееся наружу неизбежное стремление народа к свободе. Да, именно к свободе бесшабашного, ничем не спровоцированного убийства! Людям в толпе казалось, что их древние вожди спустились с небес и швыряют камни вместе с ними в ненавистных пакеха! Ах, что за потеха швырять камнями в пакеха! И не важно, что вчера и завтра мы снова будем работать с ними бок о бок,

читать те же самые газеты, ходить в те же самые школы и смотреть те же самые телепередачи. Ах, какое волнительное чувство — метать камни в живых людей, и не просто из хулиганского порыва, а по велению зова предков. Это наша земля — земля длинного белого облака. Это наши облака, наш воздух, наша вода. По какому праву? Да по такому, что наши предки приплыли сюда раньше ваших, убили и съели всех местных жителей, а вы оказались трусами и не смогли убить и съесть нас!» В каждой строчке мы чувствуем горькую иронию автора. Но в дальнейшем ирония становится еще острее и выразительнее, когда «древние вожди» обретают плоть и кровь (в пугающе буквальном смысле) в конкретном примере «географической» легенды, связанной с названием горной гряды.

«А потом Джону Смиту проломили череп...

Несправедливо? Конечно же, несправедливо. Полиция должна была позволить маори самоопределиться и по традиции съесть хотя бы сердце своей жертвы, следуя примеру их кумира, легендарного вождя Те-Кохипипи, который как-то ночью страшно удивил своих врагов, убивших его дочь. О том, что он сделал, мы можем только догадываться, потому что известно: ранним утром он вырезал сердца у тех, кого убил, положил их в льняную материю и отправился домой. На полпути, в середине горной гряды, он устроил себе привал, развел огонь и съел часть сердец. С тех пор, кстати, эта

горная гряда называется Те-Ahi-Manawa-a-Te-Kohiriri (Огонь сердец Те-Кохипипи).

Какая славная история! Какие красочные легенды! Один только вопрос: зачем мирному гражданину Джону Смиту проломили череп в 2004 году?»

Кригер обращает внимание читателей на то, что история с убийством Джона Смита вымышленная, но вполне возможная. Это своего рода иллюстративный материал к тому, чем обычно заканчивается большинство агрессивных демонстраций. А на вопрос «почему» имеется весьма нелестный для человечества ответ. «Так получилось... Когда речь идет о свободе народа, нечего думать о маленьких неприятностях. Но для Джона Смита эта “неприятность” оказалась большой! Почему, вместо того чтобы сидеть в кругу семьи за ужином, он лежит в морге с проломленным черепом? Когда мы найдем ответ на этот вопрос, пожалуй, настанет золотой век человечества и закончится многовековая эра под названием “Так получилось!”».

Теперь мы знаем «политико-географический» фон, на котором будет происходить «хождение по мукам» Вечнова. По мере развития событий в него будут вноситься небольшие дополнения, но в целом картина ясна. Общественность выражает недовольство по поводу разбушевавшихся маори. Гражданам хочется жизни спокойной и необременительной, при этом желательно, чтобы, открыв газету, можно было пощекотать себе нервы чем-нибудь не имеющим к тебе

непосредственного отношения. Заказ сделан, и средствам массовой информации остается лишь выполнить его. По выражению Артура Сульцбергера: «Мы, журналисты, говорим публике, куда прыгнула кошка. Дальше публика уже сама занимается кошкой». Такой кошкой, очень удобной и всегда имеющейся в наличии, является «еврейский вопрос». Поводом для возмущения сначала становятся попавшиеся Ицик и Коби, а затем контрабанда людей еврейской мафией в лице Сени Вечнова. В авторских комментариях к скандалу, полыхающему на страницах газет, возникает образ, почти карикатурный, премьер-министра Новой Зеландии, «этакой Маргарет Тетчер». «Не то чтобы премьер-министр Новой Зеландии была антисемиткой. Просто любой трезвомыслящий политик пытается использовать те политические инструменты, которые легче всего смогут помочь ему прийти к власти и эту власть удержать. Антисемитизм оказался самым удобным из таких инструментов. Обширная мусульманская община была довольна, маори — забыты, а с евреями в Новой Зеландии, как, впрочем, и в большинстве других стран, мало кто считался, потому что они ведь «разумные люди» и по мере надобности, если их потом приласкать, то они всё забудут и простят. Кроме того, премьер-министру очень не хотелось встречаться с президентом Израиля. Она всеми силами пыталась держать себя и свою страну вне арабо-израильского конфликта, а встреча с президентом могла вызвать большое недовольство местных — и не только местных —

исламистов». Страх перед терроризмом также заставляет ее санкционировать освобождение Каматаяна. Трусость и зло в мире идут рука об руку, всячески помогая друг другу. И никому нет дела, что жертвами становятся частные, маленькие жизни — Джона Смита или Семена Вечнова. Для государства нет никакой разницы, будут они сидеть сегодня вечером за столом в кругу своих близких или нет. Расчет жертв с точки зрения государства происходит по теории Раскольникова — для блага большинства можно и даже нужно пожертвовать единицами.

Поэтика

Многогранность повести обусловлена массой аллюзий — литературных, исторических, а также ассоциаций, отсылающих нас к различным религиозным учениям. Все эти аллюзии отражаются друг в друге, усиливаясь, порой переплетаются между собой. Они создают сложный художественный подтекст, своего рода почву, в которую уходят корни романной поэтики. В число художественных приемов входят также ирония, «остранение», символизм имен.

Прежде всего обратим внимание на название. Почему «Южные Кресты» во множественном числе, ведь созвездие в южном полушарии, на которое мечтал взглянуть Сеня Вечнов, называется Южный Крест? Метафора становится

яснее, когда герой попадает в тюрьму. «Кресты» — тюрьма в Петербурге, у ворот которой когда-то в очереди стояла Ахматова, чтобы передать сыну узелок с продуктами. Названная так из-за своей архитектуры, эта тюрьма стала воплощением слепой жестокости тоталитарного режима. Да и Сенина тюрьма внешне оказывается похожей на зловещие «Кресты». «Тюрьма, в которой отбывал свое наказание за несовершенно совершенные преступления Сеня, когда-то была древней крепостью, по форме похожей на крест. И Сеня чувствовал себя погребенным здесь, как в могиле. Этот крест с двумя поперечинами и стеной по периметру стал для Сени всем его миром, сузившимся до этого закрытого пространства неволи». К тому же одно из значений слова «крест» — это страдания, испытания или тяжелая судьба, роковое стечение обстоятельств. Напоминает о себе и символика «крестового похода» в самом начале Сениного путешествия: «Всеи толпой они отправились в агентство, в котором должны были выкупить билеты. Но оказалось, что никаких билетов там не было и никто о группе ничего не знал... Ситуация напоминала почти забытый исторический факт — детский крестовый поход, когда в Европе формировались целые полки воодушевленных воинов-детей, которые так и не добрались до Святой земли, ибо большинство из них было продано в рабство по дороге, а назад вернулись только единицы». Тенденцию к многозначности, с которой читатель сталкивается, еще не открыв книгу, продолжает

название первой главы «Не возводи жилища на мосту». Подсознательно отмеченное сходство с булгаковским наставлением «Никогда не разговаривайте с неизвестными» настраивает на философское ожидание неприятностей для героя в результате его ошибки. Смутное ощущение заповеди сложится под влиянием этой формулировки, что тут же подтвердит текст: «Жизнь — это мост; ступайте по нему, но не возводите там жилища. На нашей земле нет ничего безопасного и надежного, так что тщетны все подобные поиски. Следует принять течение жизни, как она есть, как принимаем мы закон тяготения. Пользуясь этими простыми наставлениями буддизма, возможно хоть как-то попробовать уравновесить чаши весов счастья и невзгод». Ошибкой героя в данном случае является именно стремление к тому, чтобы на хрупком мостике над пропастью возвести прочный и комфортный дом. По большому счету это та же ошибка, что и у героев Булгакова — стремление самому управлять собственной судьбой, не согласуясь с планами на тебя высших сил, не ища гармонии с Вселенной. И роковой просчет вовсе не в том, чтобы строить планы как таковые, а в том, что, делая это эгоистично и жадно, человек разрушает себя, свое защитное поле добра и становится удобной мишенью для всяческого рода неприятностей. У Сени Вечнова появляется шанс исправить свою судьбу, внести смысл и свет в свою жизнь, поменяв свой взгляд на мир, пройдя через мытарства. Попытка сбежать от своих страхов приводит к тому, что

герой сталкивается с ними лицом к лицу. Действие рождает противодействие, включается механизм преодоления. По сути это повесть о человеке-победителе. Герой в начале и в конце книги — это... хочется написать: два разных человека, но это не так. Это один человек, в финале наконец-то единый и цельный, в то время как в начале повествования Сеня Вечнов — «существователь», такой же, как автоматизированные персонажи писателей экзистенциалистов.

«Вечнов, как и большинство из нас, панически боялся преждевременной смерти, тюрьмы и сумы, а посему с горечью начинал понимать, что если буддисты не рекомендуют строить дом на мосту жизни, то Израиль — это даже не мост, а перевернутая лодка, вокруг которой гордо плавают кандидаты в утопленники и делают вид, что проживают в нормальной стране». В первой главе Израиль сравнивается с тонущей лодкой. Это эволюционировавшая метафора «корабль-государство», идущая еще от Горация. В следующей главе — «О тех, кто в море» — перед нами тонущий корабль во всей своей красе, в шторм, с террористами и наркотиками на борту, что также наводит на размышления о тех опасностях, которые существуют в современном мире для всех стран.

Сны героев, символические и пророческие, являются беспрюирышным художественным решением, настраивающим читателя на нужную волну. Сон, который снится Вечнову в самолете

по пути в Новую Зеландию, — это предвестие всех его грядущих бед. «Ему было холодно и страшно. «Что за ересь? Человек летать не может, а в загробную жизнь я вроде бы не верую... или верую?» — подумал Сеня и тут же ощутил себя с картами в руках за игральным столом. «Из колоды моей утащили туза, да такого туза, без которого смерть!» — вдруг захрипел голос Высоцкого, и Сеня стал лихорадочно искать тузы в колоде карт, но в ней были только пиковые дамы! «Не иначе я сошел с ума!» — решил Вечнов...» Думается, что пиковая дама — это старуха, продавшая ему роковой тур и снабдившая его спутников поддельными паспортами, что оказалось достаточным основанием, чтобы упечь Сеню в тюрьму. Вспоминается старуха графиня Пушкина и сумасшествие Германа. Ощущение мистики лишь усиливается под конец сна. Когда привычные и родные нам люди являются в непривычном и тревожном образе, это производит жутковатое впечатление: «“Дальняя дорога да казённый дом — вот тебе какая судьбинушка выпала, сынок!” — услышал Вечнов голос своей мамы, почему-то переодевшейся в цыганские лохмотья и говорящей скороговоркой сквозь слезы».

Итак, страхи героя: смерть, нищета, тюрьма. Смерть случается с Сеней в метафорическом плане, в тот момент, когда его из аэропорта препровождают в заключение и три дня держат без всякой информации. «А может, я мертвый?

Ах, вот оно что. Наверное, я умер, и это какая-то разновидность ада. Самолет все-таки упал, а мне все привиделось, и теперь я буду вечно мучиться так. А может быть, сюда, в камеру, ко мне больше никто никогда не придет? А я не смогу умереть, потому что уже умер? Есть мне не хочется совсем. Спать — тоже... Точно, я не живой, а то, что дышу, — мне это только кажется. А спина болит от ударов — тоже кажется? Тогда как же отличить то, что кажется, от того, что есть на самом деле?» Безжалостная логика единоборства с судьбой говорит нам, что нужно умереть для того, чтобы возродиться. «Сума» тоже подстерегает Сени в самом скором времени: его бизнес в Израиле погиб без руководства — неизвестно куда пропадают деньги со счета, разбегаются сотрудники. А потом таинственным образом начинают умирать один за другим. Для полноты поражения перед судьбой вместе с бывшим партнером по бизнесу исчезает жена Сени с детьми, и герой клянет ее за измену до тех пор, пока не получает письмо... В одном жизнь смилоствовала над Вечновым... Для того, чтобы зерно проросло и принесло плоды, а не погибло, оно должно упасть на почву. Зачем бороться, зачем возвращаться, если дома тебя никто не ждет? По счастью, эта почва под ногами у Сени осталась, у него осталась семья, родные люди, хотя в новозеландской тюрьме часто казалось, что все кончено, и вести из дома приходили неутешительные.

Чтобы полнее изолировать героя и показать всю тяжесть испытаний, выпавших на его долю, Кригер использует прием «остранения». С одной стороны, это выражается в том, что сама обстановка нестандартна: тюрьма — это особенное место, со своими законами, словно другой мир, но в данном случае — это другой мир в квадрате, потому что герой находится в тюрьме на другом конце света, в чужой стране, где все враждебно, где коренные жители — маори-людоеды. Остранение, ощущение себя словно на другой планете начинается для Сени еще в Таиланде: «Эта страна, наполненная миниатюрными и как будто кукольными местными жителями, окружала Сенью экзотической беззаботностью. Для Сени местные были какими-то селенитами³², и он чувствовал свое несомненное превосходство и свободу, которые могут дать только заграничный паспорт и кошелек с валютой и кредитными карточками». Но эта беззаботность сменяется напряжением, когда кошелек с валютой худеет на глазах, а израильское гражданство становится поводом предвзятого к тебе отношения. Остранение заключается в том, что привычные вещи начинают восприниматься как непривычные, экстраординарные, теряется чувство реальности.

³² Плутарх предполагал, что на Луне тоже могут жить люди — селениты. Герберт Уэллс в романе «Первые люди на Луне» описал селенитов как чрезвычайно слабых в физическом отношении существ, которые не смогли развить тяжелых мышц и костей ввиду отсутствия необходимости в таковых в связи со слабой лунной гравитацией.

«Все окружающее было чуждым до омерзения. Солнце во время прогулок в тюремном дворе, несмотря на конец зимы и начало весны, палило так сильно, что на коже немедленно появлялись волдыри от ожогов. А ночью ему так и не довелось побывать снаружи, так и не удалось увидеть созвездие Южного Креста. Поэтому ему и не верилось, что он в Южном полушарии. Ему казалось, что он находится в одной из разновидностей скучного ада». Во время суда герой особенно чувствует свою слабость и подвластность слепому жребию, так как знакомый английский в новозеландском исполнении кажется чужим языком. «Он с трудом понимал, о чем говорилось в зале суда, особенно этот отвратительный новозеландский акцент. А тут еще нужно было быстро улавливать редко употребляемые и тяжеловесные слова юридического лексикона. Ну а когда эти слова произносятся с покатым «г» или когда посторонний сталкивается с произношением слов типа «чек» как «чиик»³³, вместо «day» — «die»³⁴, — понять их вообще невозможно».

С другой стороны, остранение связано с теми литературными аллюзиями, которыми Кригер окружает героя, да и сам Сеня Вечнов пытается защититься ими от невыносимой реальности. Какой бы страшной ни была книга, мы осознаем,

³³ Вместо слова «чек» — «щека».

³⁴ Слово «день» звучит как «умирать».

что это происходит не на самом деле, и это приносит облегчение. Вот и Сеня отгораживается от своих страхов, сравнивая себя то с одним, то с другим персонажем. «Ему припомнился “Посторонний” Камю, и в душе внезапно разлился тревожный, шипящий по краям мрак... Много лет назад эта книга, которую он случайно прочел, произвела пренеприятнейшее впечатление. И вот теперь нехитрый сюжет снова пришел на ум. Главный герой Камю — человек, не желающий оправдываться. Он предпочитает то представление, которое люди составили о нем, и умирает, приговоренный к смертной казни, довольствуясь собственным сознанием своей правоты. «“Нет уж! — сказал себе Сеня. — Меня не устраивает роль постороннего...”» Но пока герой не готов сам бороться со своим роком, он постоянно вспоминает об этом персонаже. «Когда обвинитель произнес, что обвиняемый предстает перед судом сегодня, для Сени это прозвучало «обвиняемый предстает перед судом, чтобы умереть», и его пробил холодный пот от сюрреализма такой фразы и нестерпимого сходства с повестью Камю “Посторонний”. Суд порождает еще одну литературную ассоциацию, на первый взгляд довольно неожиданную. «“Королева против Вечнова”, — прозвучали официальные слова начала уголовного иска, и Сеня подумал, что стал героем “Алисы в стране чудес”». Эта ассоциация возникает в тексте неспроста — прием остранения обогащается иронией.

«“Только про меня надо будет написать книжку “Сеня в стране чудес”. Жаль, Кэрролл не дожил до такого славного часа! Надо же, какая я важная персона, что у Ее Величества лично со мной имеются разборки!” — подумал Сеня и усмехнулся. Казалось бы, ситуация плохо подходила для сарказма, по крайней мере с его стороны, но в арсенале Сени ничего, кроме сарказма, больше не оставалось, и он не смог устоять и вспомнил детскую книжку про Алису, впрочем, с такими недетскими поворотами сюжета... “Скорее бы кончили судить и подали угощение!” — припомнил Вечнов мысли Алисы. — Вот и меня скорее бы кончили судить...» Фраза «Королева против...», с которой начинается слушание, является формальным пережитком процессов былых времен, поясняет автор, подчеркивая косность судебной системы.

«Раньше Сеня никогда не бывал в суде, хотя и читал о нем в книжках. Ему было очень приятно, что почти все здесь было ему знакомо.

“Вон судья, — сказал про себя Сеня. — А это места для присяжных, — подумал он, — а эти двенадцать существ, видно, и есть присяжные, — ему пришлось употребить точно то же слово “существа”, что и Алисе, потому что рожи у присяжных показались Сене похожими на зверюшек и птиц”». Правда, эти «существа» оказываются журналистами — «зверюшками», пожалуй, куда менее безобидными, чем присяжные, и, конечно, более злонамеренными. Кригер остро ставит вопрос о «правосудии

прессы», когда человек оказывается приговоренным еще до суда — общественным мнением, которое, в свою очередь, сформировано одним из самых тонких инструментов — печатным словом. «Более того, журналисты обычно даже кичатся своей неразборчивостью и безнаказанностью. Подобно серийному убийце Дэйву Эспиду, они прячут острую бритву и держат всех жителей страны на тоненьких ниточках, словно марионеток. Стоит полоснуть статьей, и ниточка обрывается, — нет человека, его бизнеса, профессиональной репутации... Журналистам нравится оставлять за собой руины человеческих судеб. Они именуют это “свободой слова” и готовы все отдать за защиту этого неотъемлемого права любого демократического государства безнаказанно очернять любого из своих граждан».

Символизм имен и литературные аллюзии переплетаются, создают обширную сферу художественно-философских текстов, знание которых дает читателю основу для интересных параллелей и анализа душевных состояний героев, казалось бы, таких разных произведений. «В ожидании повторного слушания Сеня старался быть активным и неунывающим. Он ловко уворачивался от обычных в тюрьмах разборок и побоев и усматривал, как это ни было мучительно, добрый знак в том, что его тюрьма называлась Райской горой. Название местности напоминало “Волшебную гору” Томаса Манна, и он даже ассоциировал себя с главным героем.

Так же, как Вечнов, прилетевший лишь на несколько дней в Новую Зеландию и застрявший так надолго, Ганс Касторп не собирался надолго задерживаться в горном санатории Берггоф, куда он приехал навестить своего больного туберкулезом двоюродного брата, однако провел там целых семь лет». Литературный контекст расширяется тем, что, как уже говорилось, Сеня сравнивает себя еще и с Йозефом К., героем романа Кафки «Процесс». Именно эта аллюзия, как ни парадоксально, послужит в конце повести своеобразным «лучом света в темном царстве», поможет герою обрести подлинную свободу.

Такова повесть «Южные Кресты» — доходящая до тонкости в описании каждого конкретного случая-примера и одновременно масштабная по уровню затронутых проблем. Интереснейшие зарисовки современной политической ситуации придают некоторым главам свойства публицистических жанров — очерков, эссе, репортажей. Кригер ведет диалог с читателем: публицистичность, ирония вызывают ответную читательскую реакцию, ни в коем случае не оставляют равнодушным.

Три ступени антисемитизма

Антисемитизм — одна из тем, которые особенно привлекают читательское внимание. В повести эта тема является сквозной, периодически возникает в разных главах,

начиная с самой первой, но кульминации достигает в комплексе глав (21, 22, 23), описывающих бытие Сени в стенах тюрьмы и дело, которое параллельно ведет его адвокат, в самом сердце повествования, в середине книги. В трех идущих подряд главах выражены разные степени антисемитизма: открытый конфликт с исламистским фанатиком, философский спор с серийным убийцей, доктором теологии, и тупое равнодушие обывателей, считающих себя честными и порядочными.

Обывательский подход персонифицирован в образе адвоката Билла Мудэна. Для этого персонажа характерно лицемерие, равнодушие к действительным страданиям, ориентация на вкус толпы. Он как-то попытался привлечь внимание к проблеме засилья мужчин в юриспруденции и заодно к своей собственной персоне, явившись на заседание суда в женском деловом костюме, на каблуках и с сумочкой. «Вопреки ожиданиям Билла адвокатской популярности эта выходка ему не прибавила. Новая Зеландия все-таки оказалась слишком пуританской страной, чтобы оценить такую экстравагантность. С тех пор как мистер Мудэн дебютировал в женском платье в зале суда, ему не было вверено ни одного дела, и он стоял на грани разорения». Будучи случайно нанят Сенею в качестве бесплатного адвоката, Билл сразу взвешивает свои выгоды: «Вечнов был первым, к кому пытались применить новую статью о контрабанде людьми. Это означало, что тот, кто

будет вести это дело, попадет на первые полосы газет и Мудэн, получи он это дело, останется в истории новозеландской юриспруденции вовсе не как сумасшедший адвокатишка, явившийся в суд в женском платье, а как ведущий юрист своего времени». Мудэну совершенно невыгодно, чтобы Сене признали невиновным, при этом он, как замечает Кригер, «был человеком честным, и его адвокатская этика не позволяла даже втайне желать осуждения своего подзащитного на срок больший, чем заслуживали его действия». Адвокатская этика! При первой же беседе с подзащитным Мудэн сообщает Сене весьма откровенно, что дела того плохи, и пока узник пребывает в шоке, «адвокат позвонил с мобильного жене и принялся о чем-то настойчиво кричать...

— Дорогая, я не согласен, чтобы ты брила Томаса. Томас — персидский кот, а персидских котов заводят именно потому, что у них исключительно красивая шкурка. Какой смысл иметь бритого персидского кота? Я понимаю, что он линяет... Я понимаю, что нам пришлось уволить уборщицу...»

Читателю сразу становится ясно, что дети-крестоносцы встретили очередного работягу, который под предлогом помощи продаст и перепродает их, то есть Сене Вечнову в очередной раз не повезло. Но особенно ярко мудэновская сущность обывательского сознания проявляет себя в главе 22 под названием «Оставим историю — историкам!». Эта

историческая фраза того же Билла Мудэна попала на первые полосы газет при следующих обстоятельствах. После «беспрецедентно мягкого приговора» по делу Вечнова (три с половиной года за несовершенно преступление — это и в самом деле очень гуманно) его адвоката стали подозревать в особой любви к евреям, и Биллу срочно нужно было как-то отмыть новое чернильное пятно со своей многострадальной репутации. К счастью, его знакомый, Генрих Альтман, в поисках кандидатуры адвоката для своего отца, Фридриха Альтмана, обратился именно к Биллу. Старик Альтман решил перебраться в Новую Зеландию, поближе к сыну, и никого бы это не взволновало, если бы не кое-какие подробности. «Фридриху было уже за восемьдесят, но здоровья он был крепкого и пока не собирался отходить в мир иной. Конечно, он не успел сыграть значительной роли в фашистских преступлениях. Ведь когда закончилась Вторая мировая война, ему был всего двадцать один год. Но, несмотря на относительную молодость, в те годы он успел отличиться в операциях массового уничтожения, проводившихся в концентрационных лагерях, и даже был удостоен высокой награды, что и позволило новозеландским властям объявить его фашистским преступником. Эти факты никогда не выплыли бы на свет божий, если б сам Фридрих с гордостью не рассказал об этом журналистам, которых почему-то изначально заинтересовало его прошлое». В Новой Зеландии существует закон, запрещающий иммиграцию

лицам с нацистским прошлым. Но кому придет в голову раскапывать доказательства этого прошлого? А что до публикации воспоминаний, то это, конечно, не более чем художественная выдумка. К тому же существует такой весомый фактор, как общественное мнение. А «общественное мнение было на стороне нациста и требовало разрешить ему остаться в стране. Новозеландцы были раздражены на евреев за их шпионские и контрабандистские вылазки».

Так что адвокату Вечнова удалось в очередной раз блеснуть и доказать свое здравомыслие, объективность и беспристрастность. «Наконец пришел день основного заседания суда, и адвокат Билл Мудэн поразил всех своей блестящей речью, в которой сказал, что если только что вступившему в свою должность папе римскому не помешала его карьера в гитлер-югенте, то почему человек, желающий реализовать свое право на воссоединение семьи, должен быть святее самого Святого Отца католической церкви? Довод имел ошеломляющий эффект...

— Оставим историю — историкам! — провозгласил мистер Мудэн, и суд разрешил Фридриху Альтману остаться в Новой Зеландии».

Здесь Кригер вновь обращает читательское внимание на «правосудие прессы», которая формирует туманное, наполненное неточностями, домыслами, сплетнями и дешевыми сенсациями информационное

пространство, где бродят довольные собой «сущестователи». «Будь доволен собой» — главная заповедь обывателя, совсем как у горных троллей в пьесе «Пер Гюнт». И прочь всё, что мешает чувствовать это довольство, прочь то, что колет глаза, тревожит совесть и мешает спать. В самом деле, «оставим историю — историкам». «Некоторые бульварные газеты даже позволили себе высказывания столь крайних мнений, что, в конце концов, у нацистов были все основания решать “еврейский вопрос”, потому что он встает ребром в Новой Зеландии и *в наше* время, и можно себе представить, как евреи *в свое* время должны были достать немцев. Другие газеты вообще отрицали факт массовых казней евреев во время Второй мировой войны, относя все это к проискам сионистов, перекраивающим историю, как им удобно, для того чтобы оправдать собственные зверства против палестинского народа. Гитлер наверняка прослезился бы от восторга, если бы ему довелось почитать новозеландскую прессу наших дней!»

Этот подход, размежевывающий каждое новое поколение с предыдущим, кстати, совершенно нехарактерен для евреев, чье традиционное воспитание предполагает проведение каждого человечка по всем этапам истории своего народа, что обеспечивает исключительную прочность связи поколений и совершенно особое национальное самосознание. Каждый еврей вправе сказать о себе: «Я вышел из Египта», «Я

горел в крематории Освенцима» — это его мир, его жизнь, его история, которую он никогда историкам не отдаст, даже если будут сильно просить. С другой стороны, это качество очень ослабляет еврейский народ. Многовековая привычка к страданию делает их неспособными к возмущению и сопротивлению. Билл Мудэн после победного завершения дела Альтмана опасался, что на капоте его машины нарисуют свастику, как нарисовали желтую звезду после процесса Вечнова. «Ведь еврейская община Окланда, должно быть, до крайности возмущена поведением адвоката нацистского преступника». Но страхи оказались напрасными. «Ни мистера Мудэна, ни его автомобиль никто не побеспокоил...»

«Все-таки какие евреи приятные и цивилизованные люди. Они единственные в этой стране действительно понимают смысл гражданских свобод! — с удовлетворением отмечал мистер Мудэн, оглядывая свежевыкрашенный капот своего автомобиля».

В этом отношении также очень показательна беседа Вечнова с соседом по камере. «Начальник отделения с доброй усмешкой сообщил, что проводит эксперимент по уживаемости евреев с арабами, и поселил Сеню в камеру к пакистанскому мусульманину, осужденному за попытку теракта». С молодым человеком по имени Файзал Сеня старается контактировать как можно меньше, но в конце концов у них состоится разговор, отраженный в главе 23

«Жизнь — это испытание, которое каждый должен выдержать достойно!». Эта глава описывает вторую ступень антисемитизма, более узкую, менее массовую, поскольку путь обывателя широк и манит своей легкостью, а путь террориста тернист и доступен не всем. Файзал задирает Сеню тем, что тот якобы есть свинину, но обмен колкостями внезапно перерастает в религиозный диспут. «Сеня лег на железную, прикрученную к полу койку и отвернулся к стене. Он всем видом показывал, что разговор закончен, однако Файзал так не считал.

— Коран — это слово Бога в неискаженном виде. То, что в вашей Торе содержится кое-что похожее на сказанное в Коране, только подтверждает, что обе книги подпитывались из одного источника, но только твои соплеменники всё перепутали и изуродовали.

— Пусть будет так, — согласился Сеня, чтобы отвязаться.

— Вот видишь! Вы, евреи, — трусы. Ты боишься отстаивать свою религию. Ты боишься меня, а твои собраты боятся даже принести тебе кошерной еды! Вы жалкие ублюдки, выродки. Вам не следует существовать вообще!

Сеня повернулся лицом к Файзалу и посмотрел ему прямо в глаза.

— Я тебя не боюсь! — твердо произнес он.

— Ну, вот так-то лучше, — улыбнулся террорист, — а то я думал, что с таким

слизняком, как ты, и поговорить-то будет невозможно».

Файзал излагает заученные в лагере по подготовке террористов фразы, и все Сенины аргументы разбиваются о железную стену его фанатизма. Но его смертоносное упрямство порождено отчаянием и стечением жизненных обстоятельств, еще более роковых, чем у Сени. Во время диалога Файзал намекает на ужасную несправедливость, случившуюся с ним, и через несколько глав мы узнаем, что же послужило причиной того, что уроженец Новой Зеландии, образованный юноша, подался в террористы. Сочувствовать Файзалу можно, но не хочется, потому что злая судьба ожесточила его, и его стремление к уничтожению вполне искренне. «То, что Аллах вас создал, вовсе не значит, что вы имеете право на существование. Не все созданное Аллахом рождено для жизни, многое рождено для смерти. Мы не смешиваем отбросы с изысканными яствами. Аллах послал нас, чтобы навести порядок, очистить человечество от отбросов, — а для этого необходимо вас всех убить!» Религиозный спор заканчивается открытым конфликтом, противники начинают угрожать друг другу, и Сеня внезапно освобождается от страха перед смертью — пусть частично, пусть ненадолго, но это большой шаг к преодолению трепета перед жизнью во всех ее проявлениях и к возрождению. На следующий день противники возвращаются к состоянию нейтралитета.

«— Я же пошутил, — приветливо сознался Сеня, радуясь еще одному подаренному дню жизни. — Нет у меня никакого яда!

— Я тоже пошутил: нет у меня никакого ножа, — хитро прищурился Файзал».

Третья ступень антисемитизма, самая узкая, — это ступенька идейная, теоретическая. Ее представителем является Дэйв Эспид, серийный убийца, который сидит в тюрьме на Райской горе так давно, что пользуется особыми привилегиями и за время пребывания здесь успел выучить несколько древних языков и «завершить заочное обучение в университете и недавно был удостоен докторской степени по теологии». Его разговоры по мобильному телефону касаются почти исключительно Бога. «Его друзья, христиане разных сект, часто звонили ему, приносили из ресторанов вкусную еду, поставляли новые книги и вообще все, что было необходимо для удобной и необременительной жизни». Глава о нем называется «Пожиратель стэйков». Дэйв сам знакомится с Сеней и под его руководством начинает учить иврит. В перерывах между уроками он угощает Вечнова стэйками и развивает перед ним нищеподобную философию. Этот персонаж недаром носит фамилию Эспид, которая звучит похоже на «аспид». Это своего рода змей-искуситель Райской горы. Друзья-сектанты считают его антихристом и убеждены, что, помогая ему, они способствуют исполнению библейских пророчеств. Этот дьявольский безумец наиболее

эпатажный персонаж — его философские рассуждения резко контрастируют с его тихой манерой поведения и будничной внешностью.

«— Знаешь ли ты, кто самый знаменитый в мире теолог? — продолжал Дэив.

— Ты? — попытался отшутиться Сеня.

— Дьявол, — серьезно сказал Сенин собеседник и хитро улыбнулся. — Кто как не дьявол лучше всего знает Бога? Более того, кому как не дьяволу надлежит знать все его недостатки? Ведь именно он подходит к Богу критически, а следовательно, пользуется истинно научным подходом. Вера вовсе не означает следование заветам... Мы все верим в то, что, если вскрыть себе вены, мы умрем. Но лишь немногие из нас пускаются на такое приключение... Кстати, если тебе в голову когда-нибудь придет такая блажь, скажи мне. Я могу дать тебе очень острую бритву...»

Верить в Бога не значит следовать заповедям, по мнению Дэвида. Напротив, он убежден, что заповеди существуют для массы, для тех, кто слеп и не способен подняться до уровня критического обобщения религиозных учений. «Бог говорит: “Не убий!” — а весь Ветхий Завет полнится грандиозными убийствами! Бог говорит: “Будь добр”, а сам зол и несправедлив, насколько это только можно! Я действительно верю в Бога и во всем пытаюсь ему подражать!» Проблему антисемитизма Эспид предлагает решить путем последовательного истребления

антисемитов, но решать ее уже поздно, потому что евреи зарекомендовали себя как народ, исторически подлежащий уничтожению.

«— Твоя философия — страшная, — смело возразил Сеня. — Она бесчеловечная.

— А что такое “человечная”? То есть ты считаешь, дать человеку умереть от старости и болезней, утопая в собственных испражнениях, — это и есть высшее проявление человечности? Человеку надо дать возможность умереть, круша череп своего врага! Вот это человечно! Вот это по-настоящему отвечает вожелениям нормальных представителей сего рода! Кстати, я ни за что не соглашусь звать этот род *homo sapiens* — человек разумный. Можете звать его как угодно: человек безумный, человек кровожадный, человек смердящий, человек копошащийся, человек подлый, человек лгущий, человек чужь несущий, человек прелюбодействующий, наконец... но только не разумный!» Ничего страшного и противоестественного в своих высказываниях Дейв в самом деле не видит, ведь одно из его положений заключается в том, что смерть не есть зло. «Это нечто столь же естественное, как трапеза. Тем более мы, пожирающие плоть, каждым своим застольем знаменуем чью-то гибель».

Как бы пожиратель стэйков ни пропагандировал атомные бомбы и «убить всех», его безумие не простирается так далеко, чтобы при этом погибнуть самому. Нет, он хочет жить и

по-прежнему наслаждаться нежной плотью. Его рассуждения больше теоретические, но при этом он опасен как «промыватель мозгов», способный, если ему вздумается, выковать десятки Файзалов, которые пойдут взрываться на площадях Окленда и других городов.

Читатель вправе сам определить, какой из типов антисемитизма наиболее опасен. Ненависть Файзала, разрушительная и, скажем так, узкоспециализированная, все-таки имеет ограниченный радиус действия. Идеологически обоснованное и хорошо продуманное привнесение зла в мир, которое осуществляет Эспид, гораздо опаснее своей мощной теоретической базой и харизматичностью ее носителя, но, с другой стороны, подействовать Эспид может только на ослабленные сектантством мозги. Обывательская ненависть страшна своей массовостью, постоянством и отсутствием четкого вектора. Толпе можно внушить ненависть не только к евреям, но практически к любому другому объекту — к «лицам кавказской национальности» или, например, к врачам.

Освобождение

Итак, что человек может противопоставить миру, где царят тотальное насилие и несправедливость, полная несвобода — физическая, душевная, трусость, засилье

«общего мнения» и «здорового смысла» толпы? Только свою внутреннюю свободу, целостность своей личности, свое маленькое прочное счастье, справедливость и мир в семейном кругу, огонь в домашнем очаге. Сене удастся победить, пройдя через несколько кругов ада, прежде всего самого себя — того себя, который жил рутинной, монотонной жизнью. Существуют в человеческой судьбе такие встряски, после которых уже невозможно вернуться к прежнему существованию. «До поры до времени нам удастся гнать их прочь, но они неизменно возвращаются, и в конце концов, опасаясь остаться с этими неуютными, подчас святотатственными мыслями, мы пытаемся сменить обстановку, увлечь себя чем-нибудь и однажды утром, проснувшись неведомо где, понимаем, что на этот раз — пронесло, отпустило и можно возвращаться в привычный монотонный ритм, ибо жизнь по своей природе и состоит из монотонности и бренности, поскольку ни из чего другого она, увы, состоять не может». «Южные Кресты» — опровержение тезиса о бессмысленной скуке и бренности. Человек свободен по своей природе. За ним всегда остается выбор — быть или не быть, и если быть, то КАК. «Невыносимая легкость бытия», как писал Милан Кундера, состоит именно в том, что человек не осознает ценности своей жизни, не видит ее цели и не знает, чем ему наполнить ускользающее мгновение.

С первых глав перед нами разворачивается узел проблем эпохи, глобальных проблем современности. На их фоне прослеживается судьба одного человека, песчинки в колесах истории. Но нет, человек не песчинка и даже не мыслящий тростник. «Пусть я заключен здесь, но это только мое тело, да, только тело здесь заключено. Сам я свободен, причем свободнее, чем тогда, когда был юридически на свободе! Освободив себя от обязанности задаваться вопросами “зачем?”, “во имя чего?”, “в чем смысл?” и поняв, что я свободен от этих вопросов по праву рождения, — я обрел настоящую свободу...» Понять, что повесть о торжестве человечности и о выходе героя из своего внутреннего рабства, довольно сложно, — Сеня Вечнов в тюрьме, ему угрожают, избивают и так далее. Но победа не в торжестве над врагом, не во внешних обстоятельствах, а в возвращении к самому себе. Перелом происходит при встрече Вечнова с матерью.

«— Тебе здесь очень плохо! — снова заплакала мама, и Сеня, пытаясь ее успокоить, стал гладить ее по совершенно седым волосам, собранным пряжкой в жесткий пучок на затылке. Он вдруг обратил внимание на эту коричневую мамину пряжку. Он на тридцать лет совершенно забыл о ее существовании, но сейчас, внезапно увидев, словно провалился в колодец своего детства. Когда-то он играл этой пряжкой, воображая ее волшебной каретой и запрягая в нее свою миниатюрную лошадку. Ему даже

показалось, что он снова держит в руке эту малюсенькую пластмассовую игрушку. У Сени закружилась голова. “Не может быть, чтобы этот предмет оказался здесь, почти на другой планете... И где сейчас эта моя лошадка? На какой помойке? А я? На какой помойке я сам?!”». Самоанализ — первый шаг к самоидентификации и обретению свободы. Чем жестче и невыносимее условия, в которых происходит поиск, тем сильнее желание вырваться из этих рамок, обрести что-то, что позволит возвыситься над собственными бедами. «Убить себя? Себя убить? Что может быть более противоестественным и уродливым? Вечновым овладела навязчивая мысль о самоубийстве, спускающаяся на топкое дно подсознания, мысль, которая заставляет с самого раннего детства скользить испуганными глазами по острой, слегка зазубренной кромке лезвия кухонного ножа — этого самого распространенного, после автомата Калашникова, орудия убийства на земле. Простая анатомия самоубийства велит отчаяться до конца во всех иных путях выживания и попытаться выжить через смерть!» Но смерть — это уже не ново для Сени. К тому же самоубийство в данной ситуации — это крайняя форма проявления эгоизма. А как же мама и больной отец в Израиле, как же жена и дети?

Героя ожидает переоценка ценностей и обретение новых возможностей жизни и личностного развития. Причем автора интересует

перерождение героя, укладывающееся в две завершающие главы, именно как результат подробно описанного подготовительного процесса — тех событий, встреч и волнений, которые томят нашего героя в ожидании пересмотра его дела, и того кризиса, который происходит с ним после. Последняя глава многозначительно названа «Перевоспитание Бога». В душе героя рождается протест, желание жить, порыв к свободе и счастью.

«Семен Вечнов иступленно посмотрел вверх, но вместо Бога увидел заплеванный потолок камеры.

— О, как ты себя запустил, Господи... — разочарованно пробормотал Вечнов и неожиданно получил удар в челюсть. Огромный жлоб утомился Сениными кривляньями и выбил ему два боковых зуба.

Сеня с трудом поднялся на ноги и сплюнул кровь.

— Спасибо, Господи, я все понял. Твой ответ мне совершенно ясен. Ты хочешь, чтобы я подох, как собака. Прости, но я не доставлю тебе такого удовольствия...»

У Сени на его пути к звездам (*per aspera ad astra*) появляется метафизический друг, родившийся из воспоминаний о когда-то прочитанных дневников Кафки и сравнения себя с Йозефом К. Кригер называет этого метафизического друга галка-кафка, это имя рождается в потоке сознания Вечнова, когда он в

трансе бродит по камере и обдумывает самоубийство. «А что месть? Я ее уже совершил. Несчастливая галка Кафка (конечно же, галка, а кто еще? Ведь по-чешски “кафка” означает “галка”), “клетка пошла искать птицу”. Эта клетка меня и нашла, а кафка-галка оказалась в заточении собственной грудной клетки, пораженной чахоткой...» Этот друг, а на самом деле Сенин внутренний голос, разубеждает его жить местью, идти по тому пути, по которому пошел Файзал, и отвращает его от самоуничтожения: «Эта кафка-галка сказала, что “неведома разница между совершенным и задуманным убийством”. Если я задумал задушить старуху — значит, я уже ее задушил. Задумал убить судью — значит, уже убил. А что еще могли сотворить с реальностью его галочки, измученные туберкулезом мозги? Спасибо, Кафка, ты облегчил мне задачу. Впрочем, если “неведома разница между совершенным и задуманным убийством”, то нет разницы и между совершенным и задуманным *самоубийством*. Так что и в этом ты мне помог, несчастный Франц».

Сам себе придумав этого внутреннего советчика, Сеня постепенно приближается к свободе. Это не шизофрения, как можно подумать, а естественный способ взглянуть на себя и оценить свою жизнь со стороны. Трудно понять, что ты представляешь на самом деле, без помощи, и не помощи кого-то «постороннего», а помощи чего-то лучшего и более свободного внутри тебя самого. «Как ни удивительно, но со

временем Сеня страдал все меньше. Он более не замечал побоев, а может быть, они и прекратились. Он перестал ненавидеть окружающих, себя, новозеландские власти. Наконец после стольких беспокойных, мучительных лет жизни на Сеню снизошло то, что можно именовать — созвучно щебету галки-кафки — “нерушимым единым”. Ведь “нерушимое едино; оно — это каждый отдельный человек, и в то же время оно всеобщее, отсюда беспримерно нерасторжимая связь людей”. “В том-то и дело, — добавляла галка, — что дух лишь тогда делается свободным, когда он перестает быть опорой!”»

В эпилоге читатель узнает о дальнейших судьбах большинства персонажей, в частности Ицика и Коби, и Каматаяна, который женился и «перестал сам выходить в море, став, ко всеобщему удивлению, нежно любящим отцом. Однако по его приказу новозеландская ячейка террористической организации готовила колоссальный теракт по уничтожению нескольких детских садов в Окленде...»

Мы узнаем, чем закончилась, а вернее, чем только начинается история Сенечки Вечнова. Он возвращается в Израиль, устраивается на работу медбратом, совсем как в старые времена, когда он был вчерашним гражданином Советского Союза и ни о каком бизнесе не могло быть и речи. Живет он с семьей в маленькой квартире, рождается третий ребенок. И вдруг...

«Однажды, возвращаясь с ночного дежурства в больницу, Сеня обнаружил в почтовом ящике странный конверт... В конверте была распечатка состояния сберегательного счета, которые банки обычно рассылают в конце каждого года.

В распечатке значилось полмиллиона швейцарских франков! Сеня протер глаза и посмотрел еще раз, но сумма осталась на месте».

Мы не знаем, как новый Сеня, с его новым, философским отношением к жизни, распорядится вернувшимися деньгами, но мы точно знаем, что он уже не будет думать лишь о себе.

«Сеня нежно обнял и поцеловал жену. В соседней комнате проснулся новорожденный ребенок... За окном едва слышно шелестела листва. Под потолком деловито пролетела муха...

— Вот оно как все замечательно устроено, — задумчиво промолвил Сенечка. — В жизни все уравновешено: радость и печаль, удача и невезение, счастье и невзгоды, рождение и смерть...

Света крепко прижалась к Сене.

— Философ родненький ты мой! Я больше никогда тебя от себя не отпущу! — сказала она».

В самых последних строчках повести вновь проглядывает авторская улыбка, и читатель отвечает тоже улыбкой. Закрывает книгу, и на душу его снисходит умиротворение. «Но больше

всех от истории, изложенной в этой книге, выиграл персидский кот Томас, принадлежавший супруге новозеландского адвоката Сенечки. В связи с вернувшейся популярностью финансовое положение Билла поправилось, и он вновь смог нанять уборщицу, что позволило убедить жену адвоката больше не брить налысо бедное животное». Читатель понимает: для счастья не требуется что-то сверхъестественное. Для того чтобы жить радостно и гармонично, не нужно совершать нечеловеческие подвиги и бороться с судьбой. Немного терпения, немного понимания, немного тепла — и мир вокруг тебя расцветает, с готовностью откликаясь добром на добро.

«ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ИНДУКЦИЯ. ЕЛЕНА ПРОКИНА

(от общего к частному)

Начнем с начала. Произведение «Южные Кресты» заявлено как детектив. Скажу сразу — с чисто формальной точки зрения это, возможно, и оправданно. С содержательной, сюжетной — нет. И в этом первая маленькая хитрость автора.

Да, кстати, давайте сразу договоримся. Все, что будет написано ниже, — это мнение читателя, а не литературоведа-недоучки. Так будет гораздо честнее, согласитесь.

Так вот, как читатель увлеченный и со стажем, смею заметить что детективов прочла немало. Даже, скорее, много. Большую часть из этого «много» составляют произведения классиков жанра — так что, как должен выглядеть детектив, настоящий и хороший, я знаю. Для этого недостаточно пропавших денег и неясной развязки именно детективной линии. Но согласитесь, мой потенциальный оппонент: положи перед современным человеком две книги с названием «Южные Кресты: Детектив» и «Южные Кресты: Социальная повесть с историко-этническим уклоном» — которую он выберет? Нет, не надо кричать, что я равняю всех

под серую массу. Видите ли, о себе я довольно высокого мнения, а из всех книг Бориса Кригера первой прочла именно эту и не буду скрывать — потому, что детектив. Себя я вышеозначенной массой, разумеется, не считаю, так что возражения отменяются.

К сожалению, большому и глубокому, социальный интерес у человека сейчас один — что происходит с ним, любимым. В лучшем случае — что происходит с ним и с его близкими. А вот задуматься о таких вопросах, как национализм во всех его проявлениях — это уже под силу немногим. Основной массе, в общем-то, абсолютно все равно, держат ли в далекой новозеландской тюрьме еврея, потому что нужен козел отпущения, а еврей — идеальная кандидатура на эту роль, или уж в совсем нереальной Руанде племя хуту вырезает племя тутси, методично и беспощадно, по одной простой причине — потому что тутси это не хуту.

Замаскировав под детектив нечто совершенно другое и более глубокое, автор завлек своего читателя в ловушку. Ловушка очень простая, но очень эффективная — начав читать, человек примерно до середины книги ждет бурного развития детективной линии — а потом, не дождавшись, читает уже потому, что начал думать. Думать и задавать вопросы — и он ищет ответы на эти свои неожиданные вопросы, ищет эхо своим полусформированным мыслям.

Итак, с жанровой подоплекой, кажется, разобрались. Еще один момент, мимо которого нельзя пройти (помните, мы же последовательно идем от общего к частному?). Само название. В общем-то, с точки зрения изобразительно-выразительных средств, столь нежно любимых всеми хорошими учителями литературы, в названии ничего особенного нет. На первый взгляд. Есть такой чудный прием, само название которого ласкает слух, — оксюморон называется, по-простому — соединение несоединимого. Классический пример, который есть во всех учебниках, — «Живой труп». Сравним с нашим произведением — нет, кажется не он. А теперь подумаем хорошенько, посмотрим с другого угла — соединение не противоположных по определению слов, а глубинно различных значений, заложенных в названии. Это немного напоминает и омонимы, но омонимы все же простоваты для попытки объяснить вторую хитрость автора. А вот некий глубокий оксюморон в этом словосочетании есть. Что такое Южный Крест для главного героя? Мечта — детская, упоительная, светлая и казавшаяся недостижимой, — и вот она становится реальностью, до нее рукой подать... Но на пути вымечтанного созвездия становится реальный, тяжелый крест тюрьмы. Тюрьмы в форме креста. Тюрьмы, в которую героя привел крест путешественников, ибо «самолеты и границы — в этом, пожалуй, и кроется основной крест, который приходится нести путешественнику на своем горбу» («Южные Кресты», гл. 6).

Крест в этой книге — едва ли не главный герой, но главный герой у нас уже есть, официально заявленный, и зовут его Сенечка Вечнов. (То есть сначала нам его представляют как Сеню, даже нет — как Семена. Серьезно и строго. Это потом уже герой становится Сенечкой, добавляя к своему имени уменьшительно-ласкательный суффикс — потому что и сам он становится как бы меньше и незначительнее.) Поэтому-то Крест все время маячит рядом, стоит мрачной тенью за спиной Сенечки, норовит взобраться на эту самую спину. В этой книге Крест очень страшный — наверное, потому что вобрал в себя и отразил всю нечеловеческую справедливость среднего человека (тавтология умышленная).

Вы замечаете, мой притихший оппонент, что мы читаем книгу, словно апельсин едим? Сначала снимаем кожурку жанра, потом очищаем от белых пленочек многозначного названия, вот сейчас добрались до сочной сердцевинки, до самой сути, до смысла, до невероятно реальной нереальности. До того, о чем книга.

Вам сейчас будет очень забавно, г-н оппонент, но книга обо всем. Да, вы можете возразить мне, что обо всем только Библия, но в этот спор вам меня не втянуть, увольте. Смотрите, здесь налицо и излюбленная тема русскоязычной литературы — тема маленького человека, тема человека против системы и человека вне ее, тема внутреннего конфликта, диссонанса с внешним

миром, опять же, болезненная национальная тема. И всё это, всё это одному несчастному Сенечке, который, в общем-то, и не несчастный вовсе, и от ангелоподобных созданий далековат, да и чистотой духа и мысли не блещет. Эх, Сеня, Сеня... И жене-то он изменяет, и выгоду свою не упустит, да и вообще... еврей, что уж совсем с его стороны непорядочно.

«Норма определяется соотношением большинства к меньшинству. Меньшинство всегда признается ненормальным, как бы ни было уродливо большинство». Здесь, собственно, и рассуждать смысла нет, все сказано. Вот он, Сеня Вечнов, еврей в новозеландской тюрьме. Вот оно, меньшинство, заклеятое небезгрешным большинством. Сюда бы еще гнилых помидоров для антуража и язвенной черни для массовки.

Ах, вы говорите, что как-нибудь же должна была жизнь Сеню наказать за всё — за измены да за бизнес, который, как известно, честным не бывает. Да, и сейчас вы еще непременно добавите, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, что герой, поддавшись на искушение бесплатным билетом, сам навлек на себя все неприятности. Что нечего было ему вообще в эту Новую Зеландию переться, чего ему в Израиле не сиделось? И под конец, потопывая ботинками с белыми шнурками да потряхивая печально известной всему миру символикой, можете выкрикнуть своё излюбленное «Россия для русских!». Ну, или «Новая Зеландия для

новозеландцев!» — это уж как вам больше нравится. Хотя всегда, слышите, всегда встает вопрос, который красной нитью идет через всю книгу, — кто здесь хозяин? Кто? Тот, кто первый приплыл и съел? Тот, кто приплыл вторым и перебил первых? Непонятно, знаете ли. Непонятно и спорно.

Что, простите? Я вас оскорбила? У вас нет символики и белых шнурков? А, вы кабинетный ученый... Простите великодушно, господин ученый...

Но давайте вернемся к нашему невечному Вечному, которого автор сознательно оставил в тюрьме. Оставил, чтобы Сенечка нашел себя, «своего нового друга-бога галку-кафку». Оставил, чтобы герой начал понимать мир, вне зависимости от того, понимает ли мир его. Оставил, чтобы он пришел к внутреннему согласию с самим собой и к внешнему согласию — с соседом-исламитом. Еврей и пакистанец на одном маленьком ограниченном пространстве. Какой изящный пируэт пера. Только об этом неожиданном тандеме можно было бы писать целые тома, с привлечением психологии, истории и политики. Однако воздержимся и просто порадуемся очередному авторскому оксюмору.

А серийный убийца, живущий в тюрьме как в санатории? Какая великолепная пародия на общество, над которой можно было бы от души посмеяться, если бы не была она так страшно и мучительно похожа на реальность! Антихрист,

выпестованный сектой (если честно, рука не поворачивается написать «христианской сектой» — уж совсем жутко делается). Он так смело и просто рассуждает об идеальном, с его точки зрения, устройстве мира, о таких простых — и таких ирреальных — методах достижения этого идеала. И именно он, он первый, а не тюрьма и несправедливость, толкает Сенечку на бунт, на слово вопреки, — впрочем, справедливости ради надо отметить, что и бунт, и слово были какими-то кроткими и неумелыми, но все же были! И до какой же степени отчаяния надо довести человека, чтобы, осознав всю преступность логики своего собеседника, увидев его истинное лицо, страшное лицо серийного убийцы, Сенечка все же грустно вздыхал, лишившись его общества: «Уж лучше с чертом время коротать, чем одному!»

Чем привлекает главный герой, спросите вы? Ведь он же слабый, какой-то весь неправильный, да и вообще неудачник. Ответ такой простой, даже не представляете. Именно этим и привлекает. Слабостью своей и неидальностью. Нет в нем геройских тонов, свойственных комиксам. Нет в нем приторной правильности, сладкой велеречивости. Не кричит он, что несет свет людям и свободу планете. Он проще, понятнее и доступнее. В то же время он не плоская фигура, не статичный манекен. Он живет и дышит в этом мире, который нарисовал для него автор. В несправедливом и грубом мире. Он при всей слабости своей бунтует, отчаянно

бунтует — только миру не дано увидеть этот бунт. Он происходит глубоко, в диалоге с Кафкой. Герой путается, он не знает, с кем ему говорить, то ли с «Богом по вызову» — с тем, к которому он обращался, лишь когда было страшно и плохо, и который дождался, пока ему исполнится тридцать три года, и учинил такую нелепую расправу? Или — с несчастным параноиком Кафкой, сидящим глубоко и ключущим его изнутри черной галкой?

«“Господи, чему ты пытаешься меня научить? Тому же, что и наркоиудей? Что у меня нет стержня? Что я, как твой агент Иисус, должен отстрадать во имя грешников? Ты специально ждал, пока мне исполнится тридцать три года, чтобы учинить со мной такую нелепую расправу? Я всю жизнь боялся тюрьмы и сумы. Теперь ты одарил меня и тем и другим одновременно. Мой бизнес разорен, я на краю земли, скрупулезно планирую, как себя убить. Теперь ты доволен? Может быть, нужно добавить чего-нибудь еще в твой искусный винегрет из разочарований и нелепиц? Правда, Господи, помилосердствуй — сообщи, какие именно у тебя на меня планы? Чтобы я возглавил народ маори и восстановил людоедство? Поверь, я на это вполне способен! В этом заключаются твои планы на меня?”

Семен Вечнов иступленно посмотрел вверх, но вместо Бога увидел заплеванный потолок камеры.

— О, как ты себя запустил, Господи... — разочарованно пробормотал Вечнов и неожиданно получил удар в челюсть. Огромный жлоб утомился Сениными кривляниями и выбил ему два боковых зуба.

Сеня с трудом поднялся на ноги и сплюнул кровь.

— Спасибо, Господи, я все понял. Твой ответ мне совершенно ясен. Ты хочешь, чтобы я подох, как собака. Прости, но я не доставлю тебе такого удовольствия...» («Южные Кресты», гл. 32).

Так Сенечка говорит со своим личным, обидевшим его Богом. Обидевшим — но научившим. И постепенно сливаются для него в единое целое и галка-кафка, и Бог, и еще что-то свое, обретенное и выстраданное.

Кажется, закончился наш с вами апельсин. Хотя смотря как повернуть: мы все больше оксюмороны искали, а развернем наш апельсин в профиль — сплошной символизм получится. Но давайте не будем распыляться, давайте успокоимся на одном, лежащем на поверхности, но изящном символе. В книге тридцать три главы. Есть еще пролог и эпилог, но это канва, это другое. А глав ровно тридцать три. Давайте подумаем над этим — только не будем спорить на этот раз, — ведь чему-то же нас научила эта недетективная история. Давайте поищем молча, сосредоточенно. Давайте перечитаем еще раз, если не получится найти с первого раза.

Давайте подумаем — благо есть над чем...

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВОВ ПОВЕСТИ Б. КРИГЕРА «ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ОЛЬГА ИВАНОВА

В основу повести «Южные Кресты» легла история Сени Вечнова — главного героя произведения. Гражданин Израиля, иммигрировавший из России в мутные 1990-е, прибывает в Новую Зеландию с целью отдохнуть, познакомиться со страной в целом и, возможно, переехать в эту страну вместе с семьей. В результате политических интриг и других обстоятельств Семен попадает в новозеландскую тюрьму на два с лишним года, так и не получив права въезда в страну. Так совсем коротко можно описать сюжет повести. Но главное в этом произведении — не сюжетная линия, а мысли и переживания главного героя, изменение его миропонимания и мироощущения. Из Новой Зеландии Семен Вечнов возвращается другим человеком — спокойным, уравновешенным, обретшим личного бога. Он прошел через ад, причиной которого стало расхождение его, Вечнова, интересов и интересов государственного аппарата Новой Зеландии вместе со всеми его отроутками: тут и люди с их корыстью; и потомки маори, затеявшие бунт против колонизаторов; и

оранжевый костюм в новозеландской тюрьме и многое другое.

В самом начале повести автор уведомляет нас: «Вам не захочется быть на месте ни одного из моих героев. Они следуют, словно курьерские поезда, по предначертанным им расписаниям, в заранее предписанных направлениях. И только Сенечка Вечнов отдувается за всех. За дикарей-людоедов, за политические интриги на другом конце света, за пиратские страсти, за нацистские стансы... а главное, за свою наивную мечту о мирной жизни в уютной стране в кругу собственной семьи». Так в чем же особенность Сени Вечнова? Почему именно он отдувается за всех? Мало ли людей было убито, мало ли судеб покалечено на протяжении всемирной истории власть имущими и просто чиновниками? Но в том-то и дело, что положение Сени и других жертв государственной машины принципиально различается. Автор показывает, что, хотя направления курьерских поездов и разные, они все равно являются лишь поездами, движущимися по расписанию в предписанных направлениях, и не более того; и лишь Семену Вечнову удалось найти альтернативу: подлинную свободу. Именно ту свободу, за которую сидели в тюрьмах русские анархисты конца XIX века, надежда на которую умирает в начале XX века вместе с князем Кропоткиным в подмосковном Дмитрове. Это свобода от государства. История Вечнова доказывает, что свобода от государства может существовать в пределах самого

государства, что она, эта свобода, все-таки существует, что для ее достижения вовсе не нужно идти на баррикады, уходить в пещеры или жить в буддийском монастыре. Попытаемся разобраться, почему же судьба и свобода Сенечки Вечнова уникальны, чем он выделяется из общей массы курьерских поездов.

Этический аспект государственного аппарата

Насколько хорошо жилось главному герою «Южных Крестов» до заточения? Не то чтобы плохо, но и не очень хорошо, почти как всем. В начале повести рассказывается о судьбах русской иммиграции 1990-х на Земле обетованной. Одна из самых распространенных профессий, независимо от образования иммигрировавшего работника, — медбрат. Человеческий капитал из бывшего СССР неплохо эксплуатировался Израильским государством. Уже в самом начале повести обнажается этическая проблема, неразрывно связанная с государственным аппаратом: конфликт моральных принципов и критерия экономической эффективности. Несмотря на то что современное государство имеет развитую систему права, а право, по традиции, ориентируется на моральные нормы, разрыв между понятиями права и этическими принципами огромен. Провозглашая равенство граждан, «новые» граждане на практике часто ущемлены в правах практически в любом

государстве, и Израиль — не исключение. Еще русские анархисты М. Бакунин и П. Кропоткин писали о том, что праву приходится лавировать между моралью и интересами власть имущих и справедливость торжествует лишь тогда, когда ее осуществление либо способствует, либо не противоречит государственным интересам.

Вероятно, Борис Кригер неплохо знаком с работами Петра Кропоткина «Речи Бунтовщика», «Анархия: ее философия, ее идеал» и другими. Много из этической аргументации Кропоткина против государства изображено в повести литературными методами: иллюстрации из жизни людей, политические интриги, процесс судопроизводства. Кригер идет дальше и, кроме критики и выявления изъянов таких социальных институтов, как тюрьма, пограничный контроль, правоохранительные органы, приводит и вовсе абсурдные указания чиновников и высшего руководства, казалось бы, не имеющие смысла, но встречающиеся сплошь и рядом. Израильские разведчики, которым был дан приказ совершить нападение на главаря исламистской организации, например, очень боятся, что тот, не дай бог, умрет своей смертью, поскольку уже довольно стар и болен. Английская королева, дабы показать свою приверженность принципам демократии, извиняется перед народом маори Новой Зеландии, сто пятьдесят лет назад завоеванном колонизаторами, что вызвало волнения потомков маори, чей родной язык уже давно стал английским.

Семена Вечнова после задержания в новозеландском аэропорту и заточения в тюрьму не отпускает мысль, что произошла какая-то нелепая ошибка, ведь он ни в чем не виноват. Позже он сравнивал себя с Йозефом К., героем романа Кафки, который тоже не понимал, за что его судят. Лишь спустя время Семен понял, что так случилось из-за того, что киевская старуха оказалась мошенницей, что именно в это время английская королева решила попросить прощения у народа маори, и что он, Сеня, всего лишь козел отпущения, и правящей партии Новой Зеландии нужно было куда-то направить общественный гнев и отвлечь внимание от реальных проблем. Долгое время позиция главного героя оставалась неизменной: я невиновен, следовательно, меня должны отпустить. Но простите, с чего бы это? Еще Кропоткин писал о естественных и политических правах, даруемых государством своим гражданам, как о фикции. Всеобщая подача голосов, по Кропоткину, — всего лишь средство для мирного разрешения споров между правящими классами (эта критика остается актуальной и по сей день).

Что же касается свободы печати, то это лишь разряжает обстановку: пусть лучше рабочие издают и читают газеты, чем собирают боевые отряды. Если же в какой-то момент та или иная газета становится опасной для властей, то ее всегда можно закрыть под благовидным предлогом. Свобода сходов дана лишь потому, что тайные общества гораздо опаснее легальных,

которые можно держать под контролем. Тайна почтовой переписки также может быть нарушена при необходимости. Одним словом, согласно Кропоткину, политические права существуют при условии, чтобы народ не пользовался ими против привилегированных классов³⁵. В «Южных Крестах» немного иная ситуация: там государство пренебрегает естественными правами невинного человека во имя достижения своих целей; что ж, за сто лет почти ничего не изменилось.

Еще более яркий пример государственной несправедливости — смерть некоего Джона Смита во время восстания маори: «Так получилось... Когда речь идет о свободе народа, нечего думать о маленьких неприятностях. Но для Джона Смита эта “неприятность” оказалась большой! Почему, вместо того чтобы сидеть в кругу семьи за ужином, он лежит в морге с проломленным черепом? Когда мы найдем ответ на этот вопрос, пожалуй, настанет золотой век человечества и закончится многовековая эра под названием “Так получилось!”» Несложно догадаться: автор намекает на то, что эта эра никогда не закончится, нам и нашим потомкам придется мириться с сознанием, что любой из нас всегда может стать жертвой пресловутого «Так получилось!». Век назад российская интеллигенция и подпольные политические партии (социал-демократы, эсеры, народники,

³⁵ *Кропоткин П. А.* Анархия, ее философия, ее идеал. М.: Эксмо, 2004.

анархисты и др.) призывали свергнуть капиталистов и монархистов и построить справедливое общество. В настоящее время разворачиваются споры вокруг гражданского общества и международных прав, но есть ли прогресс в борьбе за справедливость? Об этих вечных темах борьбы за свободу и размышляет Борис Кригер: «Так часто случается, что народ, поднятый на восстание, находит себя в еще более плачевном состоянии после того, как это восстание подавлено. Нередко поджигатели-вдохновители этих якобы “народных” войн прекрасно отдают себе отчет в иллюзорности шансов на успех, но им на это плевать. Как же упустить звездный шанс парения на коне над собственным народом? Вперед! За свободу! Замесим наше возрождение на крови! Вперед! Победа или смерть! Ну а как иначе?» История не раз подтверждала безысходность и трагичность таких кровавых боев за независимость, но почему-то всегда находятся как лидеры, так и верные бойцы за справедливость. Даже если восстание одерживает верх, через некоторое время на место одних тиранов и чиновников приходят другие, и всё идет своим чередом. Борцы против власти по своей природе такие же, как и власть имущие, к какой бы партии ни принадлежали те или иные. Несмотря на это, критика Б. Кригером государственного строя весьма напоминает критику русских анархистов XIX века Бакунина и Кропоткина и имеет преимущественно этический характер. Писатель, в отличие от анархистов, не призывает свергнуть

государство или же построить коммунизм, а, наоборот, иронизирует над самой попыткой устроить такой переворот. Вот что думает автор относительно сегодняшней демократии и лояльности: «Пришли наконец другие времена. Папа римский стал готовиться принести извинения жертвам инквизиции, американцы — истребленным индейцам, палачи сталинских времен — своим жертвам... Все скопом. Такая эпидемия острого разбухания совести!»

Несправедливость сама по себе довольно многогранна и может проявлять себя также и в оправдании убийц, безнаказанности террористов. Этот факт не прошел мимо иронии автора: «Как объяснить сей парадоксальный факт, что справедливости всегда требуют только в отношении убийц и террористов? Наверное, их подспудно побаиваются и пытаются к ним подлизаться...» В повести, опять же в связи с интересами государства, правящая партия Новой Зеландии решает освободить наркоторговца и убийцу Каматояна, дать исламскому террористу статус беженца.

Что же остается Сене Вечнову или любой другой жертве режима и интриг и где гарантия, что завтра на месте Сени не окажется любой из нас? И так будет длиться вечно. Безысходность? Герой романа Камю «Посторонний» получает смертный приговор и умирает, никому ничего не доказывая, но Сению такой результат не очень вдохновляет, он решает бороться за свои права до последнего и подает апелляцию в суд.

Государственная система права и ее влияние на общество и личность

Спустя некоторое время герой теряет былую наивность и пытается строить свою защиту в суде, базируясь на интересах государства, а также людей, задействованных в государственной машине. Портреты этих людей весьма любопытны, особенно адвоката Сени Бен Мудэна, обладающего типичной адвокатской совестью и чувством справедливости: «Мудэн, как и многие его собратья по профессии, буквально с молоком матери всосал патологическую честность, которой, впрочем, адвокаты пользуются исключительно в своих интересах. Это ювелирное умение манипулировать своей честностью является великим достижением англоязычной культуры, в котором трудно найти ей равных. Совесть у этих людей напоминает куклу-неваляшку. Она всегда стоит на ногах, гордо подняв голову. Каждое из их действий они сами могут оправдать с такой последовательной вразумительностью, что даже Всевышнему пришлось бы попотеть, чтобы разоблачить в этих людишках отъявленных подонков и подлецов. Они таковыми себя не считают, а потому, впрочем, и не являются, ибо мораль есть субстанция эфемерна, и нет ничего глупее, чем поступать против собственной совести. Они никогда и не поступают против собственной совести». Этот отрывок не нуждается в комментариях и прекрасно иллюстрирует влияние профессии (в данном

случае неразрывно связанной с судопроизводством) на личность. С другой стороны, заметно, люди с какой предрасположенностью находят себя на службе у Фемиды.

Служители тюрем имеют иную специфику: они твердо верят в то, что исполняют социально-полезную функцию — перевоспитывают заключенных. А что же представляют собой современные тюрьмы в Новой Зеландии? Более ста лет назад князь Петр Кропоткин писал, что тюрьмы не только не исполняют своей социальной функции, но и, наоборот, ожесточают человека и если вдруг упразднить все тюрьмы, то количество преступлений не увеличится. Мнение современного писателя Бориса Кригера созвучно рассуждениям анархиста: «В наше время во всем мире назревает признание того факта, что современная система уголовного правосудия и наказания не только не выполняет задач, декларируемых ее функционерами, но и порождает проблемы, справиться с которыми обществу сложнее, чем с самой преступностью». В повести суждения автора отражаются на судьбе главного героя. В споре с сокамерником, палестинским террористом Файзалом, Сеня Вечнов пытается убедить оппонента в ложности его точки зрения, в том, что доказывать что бы то ни было, взрывая себя в толпе невинных людей, глупо и жестоко. После отклонения апелляции, на которую он возлагал столько надежд, Вечнов и сам не прочь взорвать себя на городской площади: «Как я

теперь понимаю террористов! Я готов сейчас же напичкать себя взрывчаткой и взорваться, как живая бомба, где-нибудь в центре Веллингтона или Окленда! А лучше бы в зале суда!» Далее в уста своего героя автор вкладывает собственное мнение относительно социальной полезности тюрем: «Хороша же эта долбаная исправительно-принудительная система, которая из вполне безобидных людей штампует убийц!». В повести акцентируется внимание на еще одном, часто упускаемом из виду факте: невзирая на то что физические наказания давно отменены в современных тюрьмах, в действительности они лишь возложены на самих заключенных, постоянные побои и гомосексуальные домогательства — неотъемлемая черта тюрем даже в благополучных странах.

Таможенный контроль также не вызывает доверия у автора повести, приводится ряд историй, когда преступники и контрабандисты легко его преодолевают по налаженной схеме, при этом невинному гражданину Израиля не удастся получить право въезда в Новую Зеландию, зато местная тюрьма с удовольствием открывает свои двери случайному путнику.

Если говорить в целом, то мнение, выраженное Борисом Кригером в «Южных Крестах» об одних из самых основных государственных институтов, формирующих систему права и судопроизводства, мало чем отличается от идей русских анархистов конца XIX века.

Личность: в поисках свободы

Изображая всю несправедливость и абсурдность государственного аппарата, Бакунин, Кропоткин, а до них — Прудон призывали к войне против существующего строя. Но, как показала история, государство продолжает жить и процветать как социальный институт, а идеи анархистов преданы забвению, несмотря на чрезвычайно точную критику государства с позиций этики и морали. Автор «Южных Крестов» не призывает брать в руки топор и бить угнетателей, он идет дальше, практически реабилитируя давно забытый анархический идеал.

С середины XX века в философской мысли набирает вес такое течение, как экзистенциализм, публикуются работы Сартра, Камю, Ясперса и Хайдеггера. Экзистенциалисты ищут пути существования человека в чуждом ему и для него мире, пути преодоления «заброшенности» в мир, отчужденности от него. Наиболее интересны философские построения немецкого философа Хайдеггера в книге «Время и Бытие». Он считает, что человеку следует «озаботиться» своим Dasein, то есть сознанием в мире, душой во взаимодействии с миром, и тогда бытие, мир обращаются к человеку и начинают как бы общаться с ним, мир становится не столь чуждым и непонятным, он приходит во взаимодействие с конкретным человеческим существом. К чему же приходит в финале Сенечка Вечнов? (Не случайно к финалу романа

он становится именно Сенечкой.) Он находит свою свободу, независимую ни от каких стен, границ. Так, проходя таможенный и паспортный контроль в Китае, Сенечка рассуждает: «Снова тюрьма — ну что ж, какая разница? Ведь все мы лишь меняем камеры в течение нашей жизни. Свобода — она не снаружи, единственная свобода — она внутри, и ни в какую тюрьму ее не запрешь». Ранее Сенечка не верил в Бога или верил, когда больше не к кому было обратиться. В тюрьме он обретает личного бога, галку-кафку, которая возвращается с ним домой. В период заключения герой переосмысливает само существование, ни тюрьма, ни обстоятельства больше не властны над ним, он отверг идею зла, считая зло всего лишь «излучением человеческого сознания в определенных переходных положениях». А чем же еще может являться зло, если мир к нам безразличен, а Бога мы создаем по образу и подобию своему? Еще один наглядный пример этого утверждения в повести — это «дух тюрьмы» Дэйв, у него тоже есть личный бог, бог властный и карающий, но Дэйв не молится своему богу, он так же, как Сеня Вечнов, верит в бога-друга, а не бога-воспитателя: «Я верю в Бога, — продолжал Дэйв, — чего ж в Него не верить? Только вовсе не считаю, что если Он создал нас по образу и подобию своему, то я неизвестно почему должен ограничивать свои действия. Бог говорит: “Не убий!” — а весь Ветхий Завет полнится грандиозными убийствами! Бог говорит: “Будь добр” — а сам зол и несправедлив, насколько это

только можно! Я действительно верю в Бога и во всем пытаюсь ему подражать! Ведь созданное по образу и подобию должно и действовать по образу и подобию». В то же время, согласно философским построениям Хайдеггера, бытие, мир поворачиваются лицом как к Сене, так и к Дэйву, и каждый из них получает свое: Сенечка наслаждается тихими семейными радостями в кругу своих домочадцев и даже находятся пропавшие деньги, а Дэйв ест стэйки из ресторана прямо в тюрьме.

Таким образом, в повести сливаются два разных философских направления: анархизм и экзистенциализм. Воля к свободе и жажда обретения смысла приходят в гармонию в новой системе. Таков вариант свободы, а также миропонимания, предложенный Борисом Кригером. Именно в этом отличие Сени Вечнова от «курьерских поездов» — обстоятельства теряют власть над его сознанием, он обретает подлинную свободу, и в награду мир преподносит Сенечке исполнение его мечты — нормальную и спокойную жизнь в кругу семьи.

**У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА, ИЛИ
ДУШЕВНЫЕ ТЕРЗАНИЯ НЕОКАФКИАНЦА
СЕНЕЧКИ ВЕЧНОВА. АННА АЛИЕВА**

Мой способ шутить — это говорить правду.
На свете нет ничего смешнее.

Джордж Бернард Шоу

«Странный роман с нетипичным названием» — именно так охарактеризовал свое произведение автор, приветствуя читателя на первых страницах пролога. Заглавие вызывает сомнительные ассоциации с циклом тюремной жизни неких криминальных авторитетов. Что ж, разберемся. Приглашение пуститься в «долгий путь по волнам страниц» принято.

«А вы, Иосиф Соломонович, случайно не еврей?»

Борис Кригер сразу же заявляет, что его героя ждет счастливое будущее, несмотря на все тяготы, ниспосланные бедняге самим же писателем, или, с позволения сказать, Богом. И не важно каким — границы между основными мировыми религиями и конфессиями стерты утверждением, что Бог один для всех: евреев, террористов, новозеландских маори и

заключенных тюрем, осужденных без вины или за свои преступные дела («Бог-то один! Разве не это кричат с минаретов?..»). Семен Вечнов этот факт понимает и признает. Ему как главному герою нельзя не посочувствовать: путь от успешного бизнесмена до отчаявшегося заключенного предстоит нелегкий.

Сеня, еврей по национальности, здраво оценивает свое положение. Жить в Иерусалиме с семьей может только «человек не совсем нормальный», считает он. Финансовая независимость позволяет найти лучшую долю для себя и семьи. Правда, к сожалению, Сеню в Новой Зеландии не пустят дальше аэропорта, тюрьмы и зала суда. Спасибо за историческую справку да за вид из окна тюрьмы, в которой Семену предстоит провести почти два года. Это зловещее заведение в форме креста имеет очень симпатичное издевательское название — Тюрьма Райской горы. Райские кущи снаружи и чистилище внутри...

Семен Вечнов — человек, как выяснится впоследствии, с тонкой душевной организацией: он мечтает о зеленых лугах несправедливой к нему Новой Зеландии, испытывает ностальгию и стоически выдерживает все невзгоды, выпавшие на его светлую голову.

Кстати, о справедливости. У каждого, как известно, своя правда, и действуем мы чаще всего в своих интересах, за исключением

законченных альтруистов. Сене с последними не повезло: всюду на пути от Израиля до Новой Зеландии ему попадались подонки да мошенники, включая адвоката, который вместо того, чтобы защищать подсудимого, спасает свою репутацию, замаранную прежними безумными выходками. Сюжетная линия этого занимательного детектива следует по пути легкой волны, внезапно преобразившейся в смертельный вал. Летит ко всем чертям жизнь преуспевающего дельца, отправившегося за лучшей жизнью в далекую и неизвестную страну. Попавшись на удочку мошенников, он заключил себя в оковы несправедливости.

Марионетки в копилку судьбы

Кригер, вводя второстепенных героев, набрасывает параллельные сюжетные линии, как нитки на спицы затейливого повествования. Вначале происходит знакомство с Вечновым, затем отдельными главами следуют две криминальные истории: пирата-террориста Онеля Сарау по кличке Каматаян и двух израильских шпионов Ицика и Коби. Фантастическим образом все они вместе с главным героем оказываются в тюрьме по причинам вполне очевидным, вот только отбывать срок наказания приходится лишь одному — невиновному. Агенты же спецслужб и всемирно известный террорист легко получают

свободу. Эти персонажи введены писателем не случайно, их миссия состоит в том, чтобы еще больше сгустить краски над бедным арестантом, незаслуженно попавшим в безвыходное положение.

Почему Сеню постигла такая участь? Попробуем ответить. Герой частенько вспоминает о своем детстве, полном уже упомянутой несправедливости. Он был слаб и угнетаем — отцом, сверстниками, случаем. И во взрослой жизни бывший плакса нередко возвращался к детским привычкам («горько заплакал, словно беспомощный ребенок, запертый в чулане неизвестно за что», «ему хотелось в голос рыдать, крича: “Мама! Мама! Забери меня отсюда!”»»). На различные путешествия «заправский мореплаватель» решался благодаря детской мечте. Если судить строго, Вечнов, несмотря на наличие здравого смысла и нормальной логики, инфантилен. А слабый ребенок, пусть и в личине взрослого мужчины, остается мишенью для всякого рода несправедливости. На такого человека хочется повесить ярлык «неудачника», но в конце романа судьба преподносит ему приятный сюрприз — освобождение и немалое денежное вознаграждение. Страдалец получает награду за долготерпение и муки — на то была воля автора...

Сеня в стране чудес

В манере писателя давать краткие и местами исчерпывающие исторические и географические справки. Перед перемещением героя в экзотическую страну Таиланд Кригер-гид рассказывает о курорте Поттайа, о становлении Новой Зеландии и особенно подробно о народе маори; дается также экскурс в медицину — рассказ об открытии героина. Своего героя он сравнивает с Альфредом Дрейфусом. Вообще Семен Вечнов сочетает в себе множество литературных персонажей и даже писателей, деятелей культуры, с которыми его периодически соотносит Борис Кригер. «Наш Сенечка — не вольтеровский Кандид», — заявлено в прологе. Что ж, и слава богу. И тут же кивок в сторону Бродского: «Из забывших Сеню можно было составить целую вселенную». Нередко Сенечка отождествляет себя с Алисой в стране чудес, ее, помнится, тоже судили ни за что ни про что. Автор часто ассоциирует ту или иную ситуацию в романе с известными произведениями бессмертных авторов и даже кинофильмов. На память Сене приходят сцены с участием Чацкого, Деточкина, Монте-Кристо и Раскольникова. Перед ними Борис Кригер снимает шляпу.

Смело используя бессмертные образы художественной литературы, писатель, должно

быть, хотел приблизить своего персонажа к высоте, занимаемой этими известными героями, с трепетом и уважением используя их имена: «Вон, — размышляет Сеня, — Раскольников, студент с философскими измышлениями, и то за милую душу без особой на то причины старушенцию кончил и сестрицу ее заодно, до кучи. А у меня-то причина есть!» «А судьи кто?» — припомнился герою в день суда возглас Чацкого. Этот прием позволяет автору добиться улыбки от читателя, вдруг встретившего любимого персонажа на страницах иного произведения.

Кафка на все времена

Основным спутником и помощником Бориса Кригера в сочинительстве стал чешский писатель Франц Кафка с его депрессивным «Процессом». Йозефу К. в книге уделено внимания даже больше, чем жене Вечнова Свете. Иллюзорный мир Кафки жесток и беспринципен, — в мире Кригера герою не о чем беспокоиться за свою судьбу. Чуть попугав сознание Сенечки ужасающими мыслями кончить жизнь подобно Йозефу К., обыкновенному банковскому служащему и также ни в чем не повинному, добрый создатель дает толчок к новому пониманию героем себя и окружающей действительности, легко разрешает дело, как будто невероятная и неприятная история с

заключением — лишь сон. Йозеф до казни копошился без толку, стараясь быстрее и красивее устроить дело, словно привычную банковскую работу. Сенечке же важно защитить себя от несправедливости, выяснить причину ареста и доказать невиновность. Он то жалеет себя и завидует («...у Йозефа К. все гораздо светлее и безоблачнее, чем у меня, хотя более депрессивную книгу найти трудно»), то страшится, что его постигнет та же участь. Наш герой даже сравнивает детали двух «процессов», своего реального и вымышленного, следуя в зал суда вместе с товарищем по несчастью Йозефом. Но наибольший интерес для Сенечки представляет автор, Франц Кафка, да в такой степени, что он с радостью провозглашает себя «неокафкианцем», а вскоре образ близкого сердцу писателя превращается в божество — «галку-кафку», ни больше ни меньше. Этот «персонаж», плод воображения уставшего и отчаявшегося заключенного, становится другом и советчиком.

Что это за явление, несложно догадаться. Писатель постарался объединить в «галке-кафке» человеческое «Я», голос разума, душу и сознание. Этот внутренний голос всегда с нами и ведет нас по жизни как заступник, как ангел-хранитель. Он имеет множество имен, и каждый человек может придумать наиболее подходящее. Главное — знать, что невидимый «друг» всегда с тобой, даже тогда, когда кажется, что ты покинут Богом. Услышать его достаточно просто — но

только тем, кто умеет слушать. Семен Вечнов до поры до времени не умел, а обретя, наконец, помощника, испытал счастье. Некоторым не хватает веры. Представляясь чем-то бесполезным и надуманным, вера остается за порогом людских жилищ, но, стоит случиться беде, они резко вспоминают о своей последней «надежде» и вызывают к высшим силам. В серьезном разговоре с самим собой, свободном от предрассудков и мирской суеты, постигается истина — самый явственный и очевидный ответ на заданный вопрос. «Галка-кафка» неотступно следует за своим подопечным, не требуя взамен ничего, кроме малой доли внимания. Тогда, она гарантирует, все будет хорошо.

Размышления о Боге (иудеев, мусульман и христиан) носят в романе, естественно, религиозный характер. Но Кригер считает, что религия как социокультурный феномен не должна в первую очередь ассоциироваться с Богом и наоборот. Религия выполняет определенные общественно-полезные функции, поддерживающие нуждающихся в ней людей, но верующему человеку совершенно необязательно принадлежать к какой-то религии.

Вечность в кармане

Кригер виртуозно пользуется бескрайними возможностями русского языка. Смелые и остроумные сравнения напоминают, что

описываемый герой и сам хлесток на язык, под стать своему создателю («зачирикали сиплые воробыи перестройки», «наше бытие испепеляется легко и незаметно, как китайская палочка... курящаяся сама собой до полного своего затухания» и др.). Где нужно, Кригер изъясняется просто и понятно, как будто беседует с другом на кухне, рассказывая длинный анекдот — сатирическое эссе на тему «невыносимой легкости бытия». Местами, всерьез взволновавшись за судьбу героя или обиженных маори, пускается в долгий путь сложных описаний, постепенно углубляясь то в религию, то в философию, не стесняясь черпать идеи у признанных классиков: «Недаром Камю говорил, что мир Кафки — это невыразимая вселенная, где человек позволяет себе болезненную роскошь ловить рыбу в ванне, зная, что ничего там не поймает». Нужно сказать, что ему легко и с юмором удастся сочетать простоту изложения бытовых моментов с более серьезными личными высказываниями на остросоциальные темы.

Говорящая фамилия *Вечнов* совершенно точно образована от слова «вечный», с которым у самого героя отношения неважные: «Это, по его мнению, было слишком долго и нудно». «Вечные» вопросы, задаваемые себе в определенный период жизни любым здравомыслящим человеком, Сеню только раздражают. «А от природы мы полностью освобождены от этих вопросов. Нам не

положено, да и не требуется знать: зачем? во имя чего? в чем смысл?» — думает настрадавшийся и «насиженный» герой, дойдя до крайней точки самокопания. Поняв эту истину, он освободился сразу от всего, хотя и остался физически за решеткой. Результат мучений и несправедливого отношения к человеческому существу, как ни странно, оказался позитивен. Пройдя через испытания, обычный человек, мало чем примечательный Семен Вечнов, превратился в нового, в какой-то степени совершенного человека, для которого нет границ и преград.

Испытав «перерождение», Сенечка в скором времени лишился насущных проблем, терзающих тело, а не душу, получил свободу за хорошее поведение и был выслан домой. Вспомним, какие неудачи одна за другой постигали несостоятельного Сеню, пока он беспокоился больше о благе физическом, нежели духовном. Писатель провел читателя за ручку по пути обычного человека, вдруг осознавшего чуть больше, чем многие из людей. Этот путь назовем самосовершенствованием. На долю человека выпадает множество испытаний. Как говорят, Бог посылает каждому ровно столько мук, сколько тот способен выдержать. Сенечка Вечнов отсидел неполных два года в тюрьме Новой Зеландии (название которой — «Райская гора» — говорит само за себя; где, как не на пути к лучшему месту, обрести утешение?) за преступление, которого не совершал. Этого было

достаточно для того, чтобы получить высокую награду.

Еще одним итогом неравного противостояния человека глупому и жестокому случаю стало обретение Семеном Вечновым «личного Бога». Не случайно герой предстает перед нами во всей красе в 33 года, в возрасте Христа. К Иисусу Вечнов относится сочувственно, он «глубоко и нежно любил Иисуса, несчастного наивного шалопая, давшего себя распять за грехи окружающих жлобов». Сравнение простого смертного с посланником Божьим смелое, тем не менее обозначим очевидные различия. Семен мучеником стал не по своей воле, бился как муха об стекло до последней главы, не признавая «благостного» воздействия заключения в неволе. Жизнь его была далека от праведности, хотя человек он «хороший» в общепринятом смысле слова. Комично выглядит воплощение Божьей воли в облике неразборчивой новозеландской полиции и хохлушки-мошенницы, но именно благодаря им наш путешественник встает на путь истины. Смирение пришло к нему в момент полного отчаяния. Именно тогда, когда он уже не видел в несправедливом лишении свободы ничего плохого лично для себя, он добился единения с Богом.

Иисуса с Сеной Вечновым сравнивать бесполезно, да и не нужно. Кригер в романе обозначил триединство Отца, Сына и Святого духа — жестокого «еврейского Бога», Христа и «личного» бога Сени, его «бога-друга».

Последнего герой обрел, находясь в «тюремном самосовершенствовании», тем самым Кригер ставит «галку-кафку», этот результат симбиоза бредовой фантазии и просветления на ступень выше Отца и Сына, гигантов от христианства. Для Сенечки важнее друг, а не жестокий наставник, учитель жизни, но разве не Бог отправил нерадивого ученика в заключение подумать о бытии? Так что вопрос доминирования одного божества над другим остается открытым.

Монгол китайцу хохол

Кригер собрал в «Южных Крестах» столько болезненных социальных проблем, сколько смог: терроризм, притеснение евреев и межнациональная рознь вообще, политические разногласия разных стран, плачевное положение заключенных в тюрьмах по всему миру, манипуляции средств массовой информации общественным мнением, «религиозные» войны, самоубийства, место отдельного человека в социуме и многие другие. Останавливаться на каждой из них не будем. Следует только отметить, что писатель виртуозно сочетает между собой перечисленные кошмары современного общества, не забывая об иронии: «“Я прикалываюсь, следовательно, я существую”, — вот что следовало бы сказать Декарту»; «израильские шпионы, вернувшись

домой, получили израильские паспорта на новые имена (они так часто меняли имена, что уже начинали забывать настоящие)»; «Сенина тюрьма так и называлась — Тюрьма Райской горы».

Много чего Борис Кригер в своем детективном романе ругает, да так, что порой обидно становится. Вот, например, за журналистов. Новозеландская пресса в романе всюю поддерживает правящую партию, одновременно выстраивая свою собственную линию поведения, не зависящую ни от каких факторов. Категория честности не существует в принципе, а лживые материалы местных газет у осведомленного человека вызывают лишь шок и недоумение. Таковы, по мнению автора, все люди этой профессии, обладающие информацией и умеющие ею пользоваться. Но ведь есть еще на свете хорошие люди, зачем о них забывать? Да, современный мир жесток и полон несправедливости, но без этих людей его бы и вовсе не было, верно?

Система мест лишения свободы во всем мире неидеальна. Да и удовлетворительным ее состояние мало где назовешь. И здесь нет сомнения в искренности, с которой Кригер рассказывает о плачевном состоянии узников («...этих существ интересовали только жратва, наркота и сексуальные извращения», «...а в большом дворе, обустроенном тренажерами, туалетами и двумя таксофонами, вершились судьбы узников — здесь били, иногда даже

резали, курили наркоту»). Он ругает ФБР за незнание сотрудниками арабского языка, а также таможенников, чиновников и прочих неугодных. А хвалит красоты Таиланда (экзотичность местного населения, вкусную еду) и солнечные поля Новой Зеландии. Такой вот путеводитель.

Немного о крестах

Интуитивно проведенная параллель между крестами небесными и земными, вполне материальными, заставляет задуматься о высоком смысле изображаемого предмета. Созвездие Южный Крест, находящееся на Южном полушарии, Семен так и не увидел, хотя мечтал об этом с детства. Но особенности строения древней крепости в форме креста познал сполна — в этой тюрьме он отбывал наказание. Крест, на котором распяли Иисуса Христа, — символ самоотречения и добродетели. Представим, что созвездие стало для Сенечки неким символом самопожертвования, который поддерживал морально на подсознательном уровне бедного заключенного. Верил ли он в Бога в общепринятом значении? Нет. Представляя иудейского Бога жестоким и безжалостным, Сенечка вспоминал свои прежние поступки, благие и греховные, потому что главным считал не веру, а действия. У него, как и у каждого из нас, свой крест, и вынесет его герой несомненно. Любое название, содержащее в себе

слово «крест», обращает на себя особое внимание. В сознании человека этот знак всегда будет ассоциироваться с чем-то высшим, потому что в первую очередь он символизирует жизнь и только во вторую — смерть, обреченность.

Множество значений понятия «крест» нашли свое отражение в романе Бориса Кригера. В своей недолгой жизни Семен повидал много дорог и перекрестков. Энергетически сильное слово, включенное в название романа, выводит произведение за рамки простого поучения потерявшегося в мире человека. Крест — также символ пути, выбора дороги и пересечения противоположностей, то есть их соединения. По Кригеру, душа и тело не едины, а составляют две взаимоисключающие вещи, — они только и делают, что мешают друг другу. И тем не менее они сочетаются в одном человеке. Плоть держит дух в оковах низменности и греховности, в то время как душа стремится к высшему предназначению. Семену удалось одержать победу над зависимым от физических неудобств телом и подчиняющимся ему сознанием, он стал мыслить позитивно: «Я действительно стал свободным лишь оказавшись в вонючем остроге, потому что только здесь, как под увеличительным стеклом, собрались все лучи моего солнца».

Проверка на вшивость

В ситуации полного подчинения чужой воле естественны мысли о смерти, вернее, о самоубийстве. Писатель напоминает и об этой людской блажи как о якобы единственном выходе из сложной ситуации: «Простая анатомия самоубийства велит отчаяться до конца во всех иных путях выживания и попытаться выжить через смерть». Неудивительно, что у такого замученного и слабого человека, каким является Семен Вечнов, появляются мысли о самоубийстве, и хорошо, что со временем они исчезают так же легко, как и возникают. Здравый смысл герой теряет, но ненадолго. Период полного самоотречения стал необходимым этапом на пути к просветлению, преодоление депрессии свидетельствует о стойкости духа и характера, несмотря на кризис. Мотив самоубийства рождается от неприятия мира, ставшего злым и чуждым. Тем более обидно, когда выделенный застеноч не отвечает стандартам, а сама система тюрем не выполняет предписанные функции. Рассуждения на этот счет у Кригера носят характер отрицания сложившихся принципов наказания за преступления. Роман начинает походить на публицистическое эссе на тему степени полезности (а точнее, полной бесполезности) современного правосудия вообще, сравнение мест заключения с адом добавляет религиозного перца. «Вы никогда не задумывались, почему

адам поручили управлять Сатане?» — возмущается автор, не говоря, кстати, кто именно поручил. Держатели тюрем, соответственно, черти. В доказательство катастрофичности сложившейся ситуации в местах заключения Кригер приводит отдельного персонажа, друга и удобную «крышу» Сенечки Дэйва Эспида, который пожизненно будет чувствовать себя в камере как в собственном уютном доме. В его распоряжении все необходимые человеку блага цивилизации, включая изысканные обеды из ресторана и доступ в Интернет. Между тем этот человек — убийца, осужденный до смерти гнить в серой камере. Вот она, справедливость, вот оно, равенство.

Писатель, заключив своего героя в неволю, проводит наглядный эксперимент, случайными свидетелями которого мы становимся. Целью этого «процесса», как определил еще Кафка, стала проверка на «вшивость» психической стойкости рассудка героя. Назначив определенное давление извне, Кригер наблюдает за бедным Сеней со стороны, как за комаром, у которого по очереди отрывают лапки. Вначале герой потерял покой, заразившись идеей переехать на постоянное место жительства в другую страну. Потом испытал страх смерти, чуть не разбившись вместе с самолетом. Затем потерял привычные удобства, главное из которых — свобода. А с этим пришло отчаяние. Кригер-психолог показывает, как легко довести человека до состояния иступления. А дальше-то

и начинается самое интересное, ведь действия такого иступленного персонажа непредсказуемы. Как в затейливом калейдоскопе, чередуются в его сознании мысли о роковой случайности, ненависти ко всему миру, самоубийстве и Боге. А в итоге приходит спасение. Чаще всего только попав в безвыходное положение, лишившись всего необходимого (а на самом деле — лишнего) человек способен переоценить ситуацию, увидеть мир по-новому.

Связав воедино кусочки скандальных репортажей с другого конца света и исторические справки, писатель поставил в центр этой неразберихи историю среднестатистического человека, добавив немного фантастики в его тривиальную жизнь. Поставьте на место Сени себя или представьте, что «дело Вечнова» разбиралось когда-либо в вашей стране, в правосудие которой вы вряд ли верите, и сразу станет понятно, как могла произойти эта нелепая катастрофа с обычным гражданином любой страны мира. Вымысел — это не всегда неправда. Писатель рассмотрел с разных сторон правду жизни, в которой, как известно, все бывает: и авиакатастрофы, и денежные махинации, и жестокая несправедливость в отношении большей части населения планеты. Кригер предлагает не увидеть эти знакомые вещи в выпуске новостей или услышать из разговора соседок. В отличие от повседневности, «Южные Кресты» изобилуют

иронией и четким осознанием причинно-следственной связи происходящего. Проследив эту связь на примере литературного произведения, будет проще разобраться с реальностью и увидеть огрехи там, где с позиции собственной занятости и неосведомленности их совсем не видно.

На подошвах сапог родину не увезешь

Примечательную роль играет в книге проблема переселения народов и отдельных людей. Кригер обстоятельно приводит исторические подробности заселения Новой Зеландии дикарями маори, в последующем притесняемыми современными новозеландцами. В масштабе одной человеческой жизни переезд в другое место жительства кажется не столь значительным по сравнению с миграцией целого народа. Но писателю удалось очень убедительно и достоверно показать глубокую личную катастрофу на примере невзгод одного «маленького» человека, иммигранта по призванию. Иммиграция для любого человека — процесс болезненный, и не многие готовы покинуть насиженные места, даже будучи уверенными, что в другой стране, в другом городе их ждет лучшая жизнь. Семен не такой человек, хотя и порядком помучился, прежде чем окончательно решился покинуть Москву, а потом историческую родину — Израиль. В терзаниях

переселенца можно разглядеть переживания самого Кригера, прилично поездившего по свету и окончательно обосновавшегося в далекой и непонятной русскому человеку Канаде. О ней тоже пойдет речь, но прежде Израиль, Украина и даже Чехия примут московского еврея Сенечку в свои объятия на то время, которое он сам сочтет приемлемым.

«Иммиграция — это смерть, это неминуемое исчезновение из той среды, в которую нас вытолкнуло неумолимой силой рождения. И там, откуда мы уехали навсегда, как прежде, облетают тополя и в родном дворе звонко дрожат чьи-то голоса», — размышляет то ли Семен, то ли писатель, который знаком с явлением иммиграции не понаслышке. Печально, если государство неспособно обеспечить человеку достойную жизнь. Эта острая социальная проблема волнует миллионы людей во всем мире, а Кригер сделал ее важной составляющей литературного произведения, которое, кстати сказать, содержит в себе черты романа, детектива, публицистического эссе, исторических и географических очерков. И писатель мастерски сочетает особенности всех жанров. Что же он хотел сказать этим произведением? Да то, что человек способен преодолеть намного больше, чем думает, что одни люди всегда будут противостоять другим, а шаткий мир на земле продержится до тех пор, пока у кого-то не лопнет терпение. Нужно всегда уповать на лучшее и не терять рассудок, чего бы

в очередной раз ни подкинула судьба, искать свое счастье, пусть на другом конце света. И выпускать хоть иногда из клетки собственного существа нечто эфемерное, живое и настоящее, то, что некоторые зовут душой. Да, книга сама сказала всё, что было суждено сказать.

КРИЗИС ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОБЩЕСТВА?

АННА ЛАЙША

Без долгих предисловий и завуалированных намеков, без растянутых вступлений и ненужных предысторий Борис Кригер начинает свое творение «Южные Кресты» — с краткой и точной аннотации, объясняющей замысел романа и непосредственную цель автора в одном предложении: «Эта книга сама скажет все, что ей суждено сказать», а точнее, сам писатель выскажет свои мысли об окружающей нас и неразрывно связанной с нами действительности, о которой, увы, порой у читателя нет времени или желания задуматься. И вправду иногда мы слишком «заняты», настолько, что нет времени подумать о первостепенном, о самом главном, потому что мелочи заполняют пространство нашего существования и создают видимость постоянных, непрерывных изменений, несущих проблемы, решить которые необходимо здесь и сейчас.

Именно яркое изображение жизни, протекающей в близких и далеких от нас странах, создает ощущение личного присутствия и участия в каждом сюжетном повороте, который развивает Кригер. Но нельзя сказать, что повествование ограничено рамками сегодняшнего дня (по сюжету это 2001—2004 годы, в течение которых автор показывает жизнь главного героя, а также упоминания о 1990-х, которые становятся отправной точкой повествования, создают предысторию). Обилие ссылок и изречений, мыслей, упоминание книг философов, историков и писателей, творивших в самые различные исторические эпохи, придают повести жизненность, насыщенную вековым опытом, и энциклопедичность. Кригер выходит за пределы временных и пространственных границ, расширяет область, в которой происходит развитие сюжета. Присущее классицизму единство времени и места автор заменяет современным, новым подходом, заключающимся в безграничности, стремительности и объемности повествования. Нас увлекает круговорот событий, засасывает лавина приключений главного героя, и создается самое что ни на есть ощущение, которое можно выразить следующими словами: «Прочитанная книга как еще одна прожитая жизнь».

Умышленное повторение в прологе и более полное описание основных мыслей, изложенных в аннотации, концентрирует внимание читателя на тезисах, которые, по мнению автора,

формируют его замысел, заключающийся в отражении «сверлящей и брезжащей в просветах букв правды». Да, именно такой суровой, необузданно-жестокой и трепетно-либеральной действительности, не приукрашенной, как принято в романах, и не осветленной легкими оттенками, не сведенной к полутонам.

В повести обрисовано представление о реальности, о жизни, об обществе и его пороках. С самого начала автор утверждает, что мир по-прежнему жесток и несправедлив, что наказание часто несут невинные, что стремления и порывы, направленные на достижение светлой мечты, наказуемы, то есть он дает завуалированное краткое содержание книги в общих чертах, готовит читателя к дальнейшему развитию сюжета. На первых страницах происходит и первая встреча с главным героем повествования — Семеном Вечновым. Автор именует его Семеном, Сеней, дистанцируясь и не желая возводить героя в фавор при первом упоминании. А впоследствии, после многих непростых испытаний жизнью и временем, герой словно заслуживает похвалу и уважение, становясь Сенечкой, таким уже родным. Уменьшительно-ласкательное именование раскрывает авторское отношение к герою.

Краткая характеристика, данная герою, формирует позитивный образ человека, играющего за кулисами крупных жизненных драм, скромно стремящегося к тихому семейному счастью. В начале повествования

Семен Вечнов ничем не выделяется из толпы. Казалось бы, вполне обычный человек, правда, обреченный на неприятности и уже привыкший отдуваться за других. Знакомство с ним — из разряда простых, заурядных, даже обыденных событий, каждый из нас легко вспомнит хотя бы одного такого «Сеню», который встречался на пути, а потом его забывали, когда дорогам больше не было суждено пересечься.

Жизненные обстоятельства, складывающиеся не в пользу героя, вовсе не случайны, как и выбор самого персонажа. Эмигранты в любом обществе, даже самом толерантном, неизменно становятся чужаками, к которым относятся подозрительно и недоверчиво. Помимо того, что это слой населения, осуществляющий горизонтальную социальную мобильность, связанную с изменением места проживания, такие люди, как правило, подвергаются и вертикальной социальной мобильности, причем нисходящей. Человек, вырванный из привычных жизненных условий и оказавшийся в чужой стране, долгое время, а возможно, и на протяжении всей жизни, будет чувствовать себя чужаком. Социальный статус иммигранта понижается по сравнению с имевшимся ранее. Меняется круг общения (прекращаются старые контакты, ослабевают дружеские отношения, что связано с разделяющими старых знакомых километрами), возникают новые знакомства, однако часто лишь временные, завязанные на формальной основе, не несущие теплоты

человеческих отношений. Отсюда ощущение дискомфорта, испытываемое иммигрантом, его внутренняя растерянность, порой слабость, а следовательно, подверженность тяжелым жизненным обстоятельствам и периодическая неспособность им противостоять. Иными словами, жизненный иммунитет переселенцев гораздо слабее. Я не беру здесь в расчет европейцев, покорявших и завоевывавших новые земли, существенно опережающих в своем развитии коренные народы, населявшие Австралию, Америку. В случае Сени Вечнова в конце XX века индивидуальная (примем семью за единую эмигрирующую единицу) мобильность осуществлялась из СССР в Израиль.

Большое значение имеет страна, в которую человек иммигрирует. Швейцария, знаменитая большой степенью государственного участия в жизни своих граждан, значительными социальными выплатами в поддержку нуждающихся слоев населения, гораздо мягче принимает переселенцев (которым удалось получить разрешение на проживание, что теперь является не такой простой задачей), создает для них соответствующие условия. А вот вынужденный переезд в беспокойную зону земного шара помимо обычных трудностей миграции способствует возникновению еще и дополнительных барьеров и препятствий. Положение семьи Сени Вечнова было незавидным. Иммиграция в беспокойный Израиль из не менее мятежного, не

определившего вектор своего развития, полуразрушенного постсоветского пространства была неизбежной и необходимой, так как Семен — еврей, которому фактически мало куда можно было податься, кроме как в исторически родной, уже признанный государством, но еще не закрепивший своих позиций на мировой арене Израиль. Опять же религиозный конфликт, который существует между представителями разных вероисповеданий и который уже на протяжении многих веков не может быть преодолен, несмотря на открытое объявление той или иной религии толерантной. А отношение именно к евреям всегда было, мягко говоря, недоброжелательным. Таким образом, Сеня Вечнов является представителем сразу двух конфликтных групп — эмигрантов и евреев.

Стоит отметить, что религиозные вопросы неоднократно поднимаются в повести. Автор очерчивает различия в верованиях, показывает варианты трактовки тех или иных религиозных догматов, не ограничиваясь собственными рассуждениями, но сталкивая героев, исповедующих разные религии, в условиях, в которых они вынуждены взаимодействовать. Данная тема раскрывается характерным и эмоциональным авторским приемом — диалогами, в которых позиции героев проявляются в полной мере, а их выражение идет не только через цитирование религиозных текстов, но и через реплики людей, выражая их личное понимание вопроса. Позиции героев

настолько полярны, что порой это приводит к ссорам, чрезмерно эмоциональным высказываниям: «А не кажется ли тебе, Файзал, что ты несешь несусветную чушь?», «Ну, конечно, вы, евреи, всегда придумаете что-нибудь совершенно невероятное, чему и сами-то не верите», «Более того, вы кажетесь дикими помешанными, которых нужно отлавливать и держать именно в клетках!»).

В первой главе приведено описание Сенечки. Даже по внешнему его виду можно раскрыть определенные черты его характера. Невысокий рост, подвижность характеризуют его как неунывающего, веселого человека. Его остроумие, умение поддержать разговор способствуют живому общению с людьми. Характеристика, данная Кригером своему главному герою, обрисовывает его в ясном свете и позволяет сделать определенные выводы и сформировать свое мнение. Читатель видит Вечнова как человека, не лишенного достоинств, но вполне реального, которого можно запросто встретить и ввести в круг своего общения, стать с ним приятелями. Таким образом, автор заранее предупреждает читателя о том, что, как и было обещано в аннотации, в повествовании предстанет окружающая нас действительность с реальными персонажами и их действиями. Поэтому и не ожидается подвигов от главного героя, к которому сразу же возникает симпатия. Но ироничное изображение героя, его «оттопыренные ушки» придают образу

комический характер, что наталкивает на мысль о возможных приключениях Сени. А жизненные обстоятельства, которые ставят Семена перед неизбежностью больших и радикальных перемен, делают его образ гибким, позволяя лепить, как из пластилина, новые черты характера. Мы знакомимся с героем в переломный момент его жизни, когда он останавливается на перепутье и думает, какую дорогу выбрать. Теперь его будущее зависит от поворотов судьбы в тандеме с личным выбором.

Миграция Вечнова с семьей в Израиль была вынужденной, что сулило немало хлопот, ибо в «родном» (пусть хотя бы исторически) Израиле Семена особо не ждали, как и остальных граждан, прибывших из СССР времен перестройки. О карьере врача, начатой в СССР, пришлось забыть. Престиж профессии, миссия спасения человеческих жизней доставались не одаренным и способным, а коренным израильтянам или действительно «вундеркиндам», к числу которых, как уже говорилось выше, Сеню причислить нельзя. А врачевание и само таинство человеческой жизни, доверяемое доктору, совсем не походило на то, чем вынуждены заниматься медбратья. Вряд ли будущий врач горит желанием подносить судно, убирать в палатах — в общем, выполнять грязную работу, которая есть в любой, даже самой высокой профессии и от которой всеми силами стремятся избавиться, переложить на плечи нижестоящего. Но за все нужно платить, и

если в развитых странах грязную работу выполняют санитарки, то в Израиле — медбратья, не сумевшие стать врачами, тем более мигранты, стоящие на социальной лестнице на несколько ступенек ниже, чем коллеги-израильтяне.

Нежелание покориться сложившейся ситуации и чувство собственного достоинства, а также примеры знакомых и друзей, вырвавшихся из порочного круга грязного постельного белья, невымытых больничных инструментов, подвигли Сеню начать собственное дело. Это оказалось довольно-таки сложным и рискованным занятием, хотя всегда была возможность вернуться на шаг назад и снова стать медбратом, как и поступали те, кому не удалось закрепиться и укорениться в бизнесе. Нельзя сказать, что Сеня был из тех, кому не стоит класть палец в рот, но и своего он не упускал. Еврейская жилка расчетливости присутствовала в герое Б. Кригера, хотя и не пронизывала всецело его существо. Показав предприимчивость, способность проворачивать различные делишки, получать копеечку, автор изображает новую сторону личности своего героя, и Сеня, добродушный и открытый, уже вовсе не кажется простофилей. Коммуникабельность Вечнова, его способность распознать далекий, едва мерцающий маяк предстоящей выгоды помогают разорвать связи с постылым поприщем медбрата. Мало-помалу, худо-бедно начинает Сеня свое дело, начинает сотрудничать с Украиной, и все

вроде бы идет ровно, если бы не одно но. Тревожно стоять и строить крепкий фундамент, а затем возводить здание на вулкане с бушующими кратерами, которые не сегодня-завтра извергнут всепоглощающую и уничтожающую лаву. Внешняя успешность Сениной фирмы, благополучие семейного очага находятся в неразрывной и неизбежной зависимости от политического и экономического положения страны, которое, мягко говоря, шатко и нестабильно.

Писатель показывает конфликт между личным и общественным, который неизбежен. Диффузия внутреннего замкнутого мира человека, ограниченного им самим, семьей и близкими друзьями, и внешнего пространства, будь то город, страна или весь мир, протекает как двусторонний процесс, и влияние одной из составляющих на другую велико. Трудно сказать, что сильнее будет воздействовать на восприятие действительности — успешность и благополучие человеческого замкнутого мирка и несостоятельность большой общности, частью которой этот мирок является, или устойчивое развитие государства при личных неудачах человека. И то и другое оказывает пагубное влияние, становится проблемой, которая зачастую неразрешима. И единственный выход — изменение отношения к ситуации, ведь, как говорится, не можешь изменить обстоятельства — меняй свое восприятие. Вечнов не в состоянии справиться с данной ситуацией, которая

осложняется тем, что в Израиле и вправду опасно находиться по объективным причинам, угрожающим жизни Сени и его близких. Он бежит от действительности, решаясь еще на одну миграцию, только на этот раз землей обещанной для него становится Новая Зеландия — эдакий райский уголок. Таким образом, человек не идет на радикальные перемены, когда у него все хорошо, а наоборот. В данной ситуации приведена яркая иллюстрация конфликта личного и общественного. Герой делает выбор, стремясь достичь максимально выгодного для его семьи положения. Когда человек не может повлиять на ситуацию, чувствует себя бессильным, он может постараться скрыться от нее, избежать ее, изменив некоторые условия в системе уравнений жизни. Вот и Вечнов решает перебраться в Новую Зеландию, начать жить заново, чувствуя стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Особенностью авторского отношения к своему герою является отсутствие стремления к утрированию. У Сени нет ни одной черты, которая позволяла бы однозначно судить о нем: он показан во всей своей противоречивости, смешении различных черт, в некой даже игре в различные образы, при которой невозможно угадать тот или иной поступок героя, ведь поступки подвержены множеству жизненных обстоятельств, а их совокупность создает неожиданные внешние эффекты. Кригер проявляет оригинальность, наделяя героя

фамилией Вечнов и при этом подчеркивая, что она вовсе не является говорящей. Скорее, наоборот: стремление Сени к переменам, отражающимся в смене рода занятия, профессии, места жительства, противоречит эпитету «вечный» и указывает на некую долю непостоянства в характере героя. Писатель использует свои особые, новые приемы, расширяя тем самым границы писательского влияния на читателя, увеличивая степень вовлеченности в сюжет за счет оригинальности способов его изложения.

Для произведения характерно четкое деление повествования на главы, каждая из которых несет свою мысль, облаченную в философскую форму. Пространные на первый взгляд рассуждения автора о вечно мучающих людей вопросах, поиск ответов на них, оригинальность трактовки и видения поставленных проблем имеют тесную связь с повествованием, причем зачастую не в аллегорическом смысле, а в прямой сюжетной зависимости. Так, в третьей главе с рассуждений о море как стихии — безмерной, бесконечной, манящей людей и зачастую опасной для жизни — Борис Кригер переходит к изображению моря как жизненного обстоятельства для мореплавателей, пиратов, в частности для одного из героев — члена исламской террористической организации Каматаяна. Игра со смыслами, смена прямого и переносного значения понятий создают пространственное восприятие, не ограничивают его, а, наоборот, расширяют.

Писатель ставит акцент на жизненности и реальности описываемых событий, но при этом создает для героев экстремальные условия, изображая конфликт между ними и обществом, а также внутренний конфликт каждого из них со своим собственным «Я». Экстремальные условия, необходимость незамедлительно принимать решения способствуют яркому проявлению внутренних качеств людей, порой таких, о которых они сами и не догадывались. Люди в нетипичных ситуациях представляют для Кригера наибольший интерес, поэтому и становятся героями произведения. Вечнов в тюрьме, вдалеке от родных и близких, подвергается насилию. Каматаян в открытом море, на тонущем корабле или в маленькой шлюпке, держит на мушке ни в чем не повинных эмигрантов.

Талант автора — в способности показать даже самого отрицательного героя прежде всего как человека, ведь у каждого есть свои достоинства, которые, правда, не всегда оправдывают их поступки, достойные порой осуждения. Созданные писателем герои сходят со страниц книги и предстают в качестве личностей, в существовании которых нельзя усомниться. Он многогранно и разнопланово показывает каждого персонажа, избегая клише, штампов и грубых однозначных оценок. Даже «зверь» Каматаян, беспощадный убийца, вызывает симпатию читателя. Он мстит за убийство отца, смерть которого была для него шоком и повлияла на

психику. Кроме того, он завербован исламской террористической организацией, верит в свою «миссию» и в то, что, руководствуясь предписаниями террористов, он поступает правильно. А разведчики Ицик и Коби привлекают своей сообразительностью, план по получению паспорта и вовсе кажется чем-то удивительным, но прокол героев и их заточение в тюрьму приводят к мысли о том, что все когда-нибудь заканчивается — словом, и на старуху бывает проруха.

Параллельно разворачивающиеся сюжетные линии создают впечатление обособленности каждого эпизода, фрагментарности. Каматаян, Ицик и Коби, Сеня Вечнов принадлежат к абсолютно разным социальным группам. У них, казалось бы, нет ничего общего. Можно подумать, что автор так и не приведет своих героев к встрече и будет продолжать повествование обособленно, показывая жизнь героев в присущем каждому из них измерении. Но персонажи оказываются в заточении, где каждый из них проявляет себя по-своему. Кригер демонстрирует тонкий психологизм в изображении поведения и реакции разных людей, оказавшихся в схожих обстоятельствах. У каждого из них — свой способ приспособления к новым условиям. Для Сени тюрьма становится сложнейшим испытанием, которое способно его сломить. Он в замешательстве, его посещают мысли о самоубийстве. Это кризисный и переломный момент (даже не момент, а время,

ибо срок тюремного заключения затянулся на несколько лет) в жизни Вечнова. Но в итоге к нему приходит озарение, открываются многие, ранее скрытые стороны жизни. Он меняет себя, меняет свое отношение к окружающим его людям. А Коби с Ициком, напротив, воспринимают заключение как нечто обыденное, поэтому просто отсиживают свой срок в стремлении пройти этот этап и приступить к выполнению следующего задания. Именно в описании душевных переживаний героев проявляется несравненный психологизм автора. Его способность видеть жизнь, чувства и тонкую канву человеческих отношений придают повествованию эмоциональность и поучительность. Кригер предельно точен в описании хода мыслей и рассуждений своих столь разных героев. Автор вместе с читателем изучает душу человека, прочитывает ее, как книгу, насыщенную и многогранную, как жизнь.

Интересно в повести и изображение отношений между полами. Большое внимание уделено взаимоотношениям Вечнова с женой. В многочисленных авторских отступлениях писатель уходит непосредственно от сюжетной линии к обобщению, философским изречениям. Он описывает психологию мужчины и женщины, их реакцию на одну и ту же ситуацию, приводит яркие примеры. В авторских отступлениях — философия жизни. Язык в них по стилю схож с языком мыслителей и философов, что придает

мыслям Кригера яркость и выделяет их из текста произведения.

Как уже говорилось, композиционно повесть разбита на главы, которые объединяют несколько сюжетных линий, развивающихся изначально независимо друг от друга, затем ненадолго пересекающихся и так же стремительно расходящихся. Кроме того, в книге имеется множество авторских отступлений, выражающих позицию Бориса Кригера. Их тематика многогранна и различна. Здесь можно провести параллель с М. Ю. Лермонтовым, который тоже прибегал к авторским отступлениям как к художественному средству выразительности, способствующему высказыванию своего мнения устами лирического героя произведения. Как и у Лермонтова, отступления Кригера посвящены самым различным темам, которые относятся прямо к повествованию и героям или же носят характер пространных размышлений. Часто в них отражено авторское осмысление книг, изречений философов и мудрецов. Игра автора с прямым и переносным значениями слова создает органичные переходы от сюжетных реалий к лирическим отступлениям, и наоборот. Особым средством выразительности является языковая игра фразеологизмами, значение которых периодически расшифровывается в принятом ракурсе, но иногда и в прямом смысле каждого отдельно взятого слова, входящего в состав устойчивого выражения, благодаря чему

появляется комический эффект и повествование становится более динамичным.

Своеобразие композиции произведения способствует стремительному развитию сюжета, повороты которого неожиданны и увлекательны. Талант Кригера — в умелом сплетении сюжетных линий, своеобразие каждой из которых требует от него определенного авторского подхода, новой интонации. Умелое использование различных языковых средств, подчеркивающих особенности сюжетных линий, создает полифоническое по звучанию произведение. В «Южных Крестах» прослеживается неразрывная связь между композиционными особенностями и жанровым своеобразием произведения, что ведет к более яркому раскрытию сюжета.

Семен Вечнов стоит перед выбором, а сделав его, понимает, что ошибся, потому что общество его не только отвергло, но еще и отомстило, взвалив на него проблемы собственной нравственности и преступности. Внутренний конфликт со своим собственным «Я» дополняется конфликтом с обществом. Не это ли самое сложное? К сожалению, мы часто, желая помочь кому-то, потом не раз раскаиваемся в этом, не получив благодарности и признательности в ответ. Это неприятно, но, если стремление помочь поворачивается обратной стороной медали и человека просто используют в своих корыстных целях, это способно сломать жизнь. Тогда мы говорим: «Он сломался, не

выдержал испытаний». Ситуация Семена Вечнова иллюстрирует столкновение с жизненными трудностями, но есть одно «но»: он не сломался, в сознании героя происходит переворот, смена ценностей и в итоге приходят озарение, просветление, дающие ему силу. Но если Семен Вечнов смог достойно выйти из своего незавидного положения, то почему не может каждый из нас?

СЕНЕЧКА ВЕЧНОВ: НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. МАРИНА ПОЗДНЯКОВА

— Василий, покажите публике «Правосудие».

Пять рублей. Кто больше?

Ильф и Петров. Двенадцать стульев

Для своей книги Борис Кригер выбрал детективный жанр. Однако искушенным читателям не стоит ожидать детектива в том виде, в котором он чаще всего представлен в литературе. Любителям дешевых надуманных детективов с нереальными сюжетами придется вернуться к произведениям мастеров такого жанра — Дарье Донцовой и Татьяне Устиновой, а также к их менее известным коллегам по перу.

Ценители классики могут по-прежнему наслаждаться «Записками о Шерлоке Холмсе». На первый взгляд сюжет «Южных Крестов» таков: иммигрант, мелкий бизнесмен Сеня Вечнов отправляется в Новую Зеландию за лучшей жизнью, а попадает в пучину жестокого и властного мира наркоторговцев, террористов, политических интриг, шпионов. И совершенно неожиданно оказывается в тюрьме. Тюремная действительность предстала Сениному взору во всей своей красе: «А кругом только плач да скрежет зубов... выбиваемых зубов... Странно, что Уголовный кодекс умалчивает о постоянных избиениях, которым подвергаются заключенные. Причем этот факт хорошо известен и сомнению, казалось бы, не подлежит. Подлая судебная система, запретив пытки и телесные наказания, перенесла все эти функции на самих заключенных, так сказать, переведя их на полное самообслуживание. Уголовный кодекс умалчивает о других унижениях, которые готовит нам тюрьма, — от первобытной брани до совершения над вами гомосексуальных ритуалов преобладания!» Обвинение Семену предъявляют нелепое: контрабанда людей. Какая контрабанда, когда он всего лишь помог в незнакомой стране нескольким хохлам с поддельными паспортами??? А тем не менее его осуждают на три с половиной года за несовершенно преступление. Но где же детектив?

Между тем, пока герой пребывает в Новой Зеландии, детективная история развивается в

другом полушарии. Неожиданно оказывается, что со счета Сениной фирмы переведено полмиллиона долларов на счет какой-то амстердамской компании. Сначала убит бухгалтер, а затем и Сенин партнер по бизнесу Осип. Так Сеня Вечнов окончательно запутался. На него сваливаются две проблемы — собственное заключение в тюрьме чужой страны и пропажа денег, а если прибавить все вытекающие последствия, то главному герою хоть невольно, да посочувствуешь. Помимо истории с Сеней Борис Кригер развивает еще две сюжетных линии: приключения контрабандистов (на этот раз самых что ни на есть настоящих, а не таких, как Сеня) и израильских шпионов. В определенный момент все герои встречаются в одной и той же новозеландской тюрьме. Парадокс в том, что Сенины «товарищи по несчастью», будучи действительно виновными, «отделались легким испугом», в то время как Сеня получил по полной программе. Самое удивительное то, что повесть основана на реальных событиях.

Ее название — «Южные Кресты» — имеет глубокий смысл. Это и здание тюрьмы, которое по форме напоминает крест, и само наказание Сени (крест, который он должен нести). А еще у главного героя была такая давняя мечта — увидеть созвездие Южный Крест.

«Вечнов, как и большинство из нас, боялся преждевременной смерти, тюрьмы и сумы» — то есть, как и большинство из нас, хотел

нормальной, спокойной жизни, которую многие именуют мещанским счастьем, и если был случай что-нибудь урвать, то он не упускал и его... «Вечнов, несмотря на свою фамилию, не любил вечность, ибо это, по его мнению, было слишком долго и нудно». Показательно несоответствие «громкой» фамилии с таким обыкновенным домашним именем — Сеня. Вроде как «Бронислав Пупков» у Василия Шукшина. Вот если б фамилию Вечнов носил маршал, политик, ну или хотя бы ученый, а имя Сеня принадлежало водителю или механику из автосервиса, не было бы никаких противоречий. В судьбе Сени на первый взгляд не только имя не соответствует фамилии, но и количество испытаний несоразмерно потенциалу обычного человека. Но ведь это только на первый взгляд! Потом читатель понимает, что Сеня способен выстоять.

Повесть Бориса Кригера легко читать, авторский язык схож с языком Ильфа и Петрова, особенно это видно в лирических отступлениях, которых в начале книги немало. А темы самые разные: и терроризм, и евреи, и Израиль, даже перестройка в СССР. Упоминаются и фашистские концлагеря, и отсидка Сениного деда в ГУЛАГе. Сам Сеня, оказавшись в тюрьме, сравнивает себя с героем романа Ф. Кафки «Процесс». Философия Кафки проходит через весь роман, сопровождая переживания героя. Своими жаждой правды, желанием понять окружающую действительность и бессилием

Сеня невольно напоминает «чудиков» Василия Шукшина.

Интересно и отношение автора к своему герою: он одновременно и иронизирует по поводу его поступков, и сочувствует ему, но самое главное — не перестает удивляться нелепости ситуации. Таким образом, возникает философский вопрос: за что наказан Сеня Вечнов? На этот вопрос, да и на многие другие, не в состоянии ответить не только сам герой или автор детектива, но и лучшие умы философии. Стоит напомнить, что у произведения задача другая. Если на вопрос «за что?» ответа можно ждать еще тысячу лет (и то не дожدهшься), то исчерпывающий ответ на вопрос «с какой целью?» может быть дан даже в рамках одной книги.

Герой понимает, что он абсолютно бессилен. В тюрьме чужой страны он ничего не может сделать, но, несмотря на это, всякий план мести, даже самый нереальный, кажется ему хорошим. Уязвленное самолюбие рождает жажду справедливости: «Нам нужна справедливость, которая чаще всего заключается не в желании, чтобы нам было хорошо, а в желании, чтобы другому было плохо». Так что же все-таки лучше: оправдать десять виновных или наказать одного безвинного?

Наверное, одна из особенностей «законности», часто именуемой правосудием, заключается в том, что честные граждане несут наказание гораздо чаще, нежели матерые преступники. Это

такая хитро устроенная ловушка, в которую попадает мелкая живность и которой научились избегать настоящие хищники. Бандиты на свободе и бандиты, плетущие сети преступлений прямо в тюрьме, — исключения, которые подчеркивают правила. Но правилам следуют нормальные люди, криминальные же элементы научились их обходить в зависимости от ситуации: «по существу, правосудие занимается уничтожением неприспособившихся к нему людей, а не обузданием тех, кто действительно приносит ощутимый урон обществу».

В тюрьме среди заключенных ведутся споры, ведь каждый герой имеет свою жизненную философию. Все споры так или иначе связаны с религией. Так, Сеня вступает в словесную дуэль с серийным убийцей, приговоренным к пожизненному заключению, с террористом, который ждет не дождется конца срока с целью взорвать себя на главной площади города. Сеня — иудей, хотя его нельзя отнести к числу особенно верующих евреев, серийный убийца возомнил себя чуть ли не антихристом, ну а террорист, понятно, мусульманин. Сначала споры интересуют Сеню лишь как способ занять время. Когда же апелляция, на которую он возлагал все надежды, проиграна и мир вокруг героя рухнул, начинается настоящая ломка сознания. Верил ли Сеня в Бога? Верил, когда надо. После замечания соседа по камере: «В тебе нет внутреннего стержня» — Сеня задумался:

что такое для человека внутренний стержень? Путь героя к душевному равновесию и обретению себя очень долог. Герой не принимает и не понимает самого страдания: он несправедливо приговорен к заключению и не знает за что. Точно так же он не понимает и Бога-учителя. Наконец в результате духовного очищения и прозрения он обретает своего собственного Бога-друга: «...насколько Бог создал Сеню, Сеня, в свою очередь, создавал Бога, и наоборот — и так без конца».

В конце романа Сенечка Вечнов (по-другому его теперь автор и не называет, ведь герой стал не таким, каким был в начале, да и автор теперь относится к нему по-иному) понимает, почему он должен был попасть в тюрьму. Чтобы обрести Бога-друга? Понять себя? Может быть...

Сенечка Вечнов — зауряден! Он может быть любым из нас. Если смог он, почему у нас не должно получиться? Так в облеченном в детективную форму романа писатель еще раз напоминает нам, что решение любых проблем надо начинать с себя, а не разбираться с коварными друзьями, неверной женой, зверскими законами и безжалостным правительством.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Не возводи жилища на мосту	7
Глава 2. О тех, кто в море	20
Глава 3. пляжная история	29
Глава 4. Трогательная благотворительность	35
Глава 5. Бедная Генриетта	40
Глава 6. Язык до Киева доведет	51
Глава 7. Под сенью золотых пагод	62
Глава 8. Катастрофа	72
Глава 9. В шоке	82
Глава 10. В каждой избушке – свои погремушки	90
Глава 11. Зачем Джону Смиту проломили череп?	100
Глава 12. Никто не лишит тебя твоего моко	107
Глава 13. Правосудие прессы	112
Глава 14. Разножанровые спектакли	121
Глава 15. Сеня в стране чудес	131
<i>Глава 16. Адвокатские страсти</i>	143
Глава 17. Новозеландский Дрейфус	149
Глава 18. А судьи кто?	158
Глава 19. Узник Райской горы	163
Глава 20. Нормальное мужское вожделение	171
Глава 21. Пожиратель стейков	178
Глава 22. Оставим историю – историкам!	197
<i>Глава 23. Жизнь – это испытание, которое каждый должен выдержать достойно!</i>	210
<i>Глава 24. Что имеем – не храним, потерявши – плачем...</i>	224
Глава 25. Кровавые деньги	243
Глава 26. Занавески в маминой спальне	249

Глава 27. Все дороги ведут в Амстердам...	261
Глава 28. Пулю в лоб и две в живот	267
Глава 29. Мертвые не лгут	273
Глава 30. В поисках справедливости	278
Глава 31. Человеколюбие людоедов	286
Глава 32. Галка в клетке	297
Глава 33. Перевоспитание Бога	311
Эпилог	322
УЗНИК «РАЙСКОЙ ГОРЫ» . ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА	335
«ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ИНДУКЦИЯ. ЕЛЕНА ПРОКИНА	385
ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВОВ ПОВЕСТИ Б. КРИГЕРА «ЮЖНЫЕ КРЕСТЫ». ОЛЬГА ИВАНОВА	394
У КАЖДОГО СВОЯ ПРАВДА, ИЛИ ДУШЕВНЫЕ ТЕРЗАНИЯ НЕОКАФКИАНЦА СЕНЕЧКИ ВЕЧНОВА. АННА АЛИЕВА	408
КРИЗИС ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОБЩЕСТВА? АННА ЛАЙША	428
СЕНЕЧКА ВЕЧНОВ: НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. МАРИНА ПОЗДНЯКОВА	445